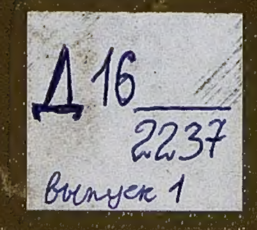

Д 16
2237
выпуск 1

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ

КУРСЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ

ДЛЯ СТАРШИХЪ КЛАССОВЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

СОСТАВИЛЪ
магистръ русской исторіи **В. Н. Строевъ.**

Цѣна 3 руб.

ИЗДАНІЕ
Т-ва „В. В. ДУМНОВЪ,—Насл. Бр. САЛАЕВЫХЪ“.
Москва, Б. Лубянка, № 15/17. Петроградъ, Б. Конюшенная, 1

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ

КУРСЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ

ДЛЯ СТАРШИХЪ КЛАССОВЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

СОСТАВИЛЪ
магистръ русской исторіи В. Н. Строевъ.

МОСКВА.
Типо-литографія Русскаго Товарищества Печатнаго и Издательскаго дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., собств. домъ. Тел. 18-35.

Посвящается дорогой сотрудницѣ всѣхъ моихъ историческихъ работъ, женѣ моей **Н. А. Строевой.**

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемый мною учебникъ образовался изъ лекцій, читанныхъ на общеобразовательныхъ курсахъ А. С. Черняева; я только нѣсколько переработалъ ихъ примѣнительно къ послѣдней программѣ среднихъ учебныхъ заведеній, напечатанной въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“. Первая часть обнимаетъ русскую исторію до вступленія на престолъ династіи Романовыхъ, вторая будетъ обнимать русскую исторію до нашего времени. Такъ какъ въ объяснительной запискѣ къ программѣ сказано, что начало систематическаго курса русской исторіи должно приближаться по своему характеру къ эпизодическому, то я держался того же плана, какъ и въ своей книжкѣ для младшихъ классовъ. Я излагалъ факты изъ исторіи культуры, учрежденій и т. д. параллельно съ разсказомъ о событіяхъ. Насколько это вышло удачно, пусть судятъ гг. педагоги. При этомъ я всячески старался не впасть въ одну изъ двухъ крайностей: старые учебники слишкомъ наполнялись фактами и именами; теперь впадаютъ въ другую крайность: даютъ слишкомъ много обобщеній безъ достаточнаго количества фактовъ.

Я привыкъ особенно высоко цѣнить наглядное обученіе. Впрочемъ, нѣкоторыя части русской исторіи, введенныя теперь въ программу среднихъ учебныхъ заведеній, и невозможно проходить безъ рисунковъ (напр. раскопки въ области Геродотовой Скиѳіи и вообще археологію и искусство). Приходится отъ души пожалѣть, что этого не было, когда мы сидѣли на школьной скамьѣ. Въ 8-мъ классѣ мы не знали ни Никопольской и Куль-Обской вазы, ни Тмутараканскаго камня; попавъ въ Эрмитажъ или другой музей, мы не имѣли никакой возможности разобраться въ находящихся тамъ предметахъ. Точно также, живя въ Москвѣ, мы не имѣли понятія о такомъ, напримѣръ, важномъ памятникѣ для нашего стариннаго міросозерцанія, какъ царское мѣсто, такъ

называемый тронъ Мономаха, въ Успенскомъ соборѣ. Археологія въ моемъ учебникѣ, полагаю, достаточно представлена (напр., раскопки на мѣстѣ Сарая).

Изъ историческихъ художниковъ я останавливался по преимуществу на такихъ, которые отличаются археологическимъ вкусомъ и не могутъ дать объ эпохѣ превратныхъ понятій (Шварцъ, А. Васнецовъ и др.). Помѣщены и нѣкоторые изъ старинныхъ нашихъ рисунковъ; они обыкновенно слабы въ художественномъ отношеніи, но любопытны для своего времени. Я останавливался на тѣхъ изъ нихъ, которые не впадаютъ прямо въ уродство (такихъ не мало). Въ томъ, что касается иллюстрацій, мнѣ были крайне полезны совѣты профессоровъ Лихачева и Матэ, которымъ я приношу свою глубокую благодарность[1]).

Наконецъ я старался помнить мудрое правило одного изъ корифеевъ исторической науки: „при преподаваніи исторіи въ школѣ должно давать политическое воспитаніе, но не заниматься политикой“; старался быть вездѣ и всегда вполнѣ объективнымъ.

Заканчиваю мое предисловіе обращеніемъ ко всѣмъ компетентнымъ лицамъ не отказаться высказать свое сужденіе о моемъ трудѣ, безъ сомнѣнія, весьма несовершенномъ; каждое указаніе будетъ мною принято съ глубокой благодарностью.

В. Строевъ.

Петроградъ
10 іюня 1916 г.

---

[1]) Увы!... эта книга выйдетъ тогда, когда В. В. Матэ нѣтъ въ живыхъ. Миръ твоему праху, неутомимый труженикъ и незамѣнимый сотрудникъ!...

ВВЕДЕНІЕ.

Источники исторіи. Изустныя преданія. Письменные источники. Виды ихъ. Вещественные источники. Понятіе объ исторической критикѣ.

Историческимъ источникомъ называется всякій остатокъ старины, изъ котораго историки почерпаютъ свои свѣдѣнія.

Историческіе источники можно раздѣлить на три разряда: 1) изустныя преданія, 2) письменные источники и 3) памятники вещественные.

Достовѣрныя историческія свѣдѣнія у каждаго народа обыкновенно начинаются съ появленія грамотности. Однако и о предшествующихъ временахъ сохраняются изустныя преданія. Изустнымъ преданіемъ называется все то, что одно поколѣніе передаетъ другому устно: отцы дѣтямъ, тѣ въ свою очередь своимъ дѣтямъ и т. д. Такъ передавались у насъ „былины" о богатыряхъ, историческія пѣсни (напр. о покореніи Казани), историческія пословицы (напр., „погибъ какъ Шведъ подъ Полтавой") и т. д. Однако такого рода передача обыкновенно очень не надежна: съ теченіемъ времени память о событіяхъ искажается. Тѣмъ не менѣе ученые, изучая преданія различныхъ народовъ пришли къ нѣкоторымъ выводамъ, которые даютъ возможность и изъ преданій почерпнуть долю истины: 1) у каждаго историческаго народа есть излюбленныя лица, къ которымъ онъ пріурочиваетъ свои преданія, напр., у французовъ Карлъ Великій, у англичанъ король Артуръ, у насъ, русскихъ, главнымъ образомъ, Владиміръ Красное Солнышко; 2) въ преданіяхъ различныхъ народовъ встрѣчаются одинаковыя, буквально совпадающія обстоятельства, каковы разсказы о злыхъ колдунахъ, объ огнедышащихъ драконахъ и т. д.; это приходится принимать во вниманіе при разборѣ преданій каждаго отдѣльнаго народа; и 3) то, что дѣлалось много вѣковъ и многими людьми, въ

народныхъ преданіяхъ представляется дѣломъ одного лица и въ короткій промежутокъ времени. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что татары долгое время господствовали надъ нашими предками. Много русскихъ князей сначала имъ служило, а затѣмъ боролось съ ними. Не такъ представляетъ событія преданіе,—былина. По этому извѣстію, татары пришли подъ Кіевъ еще при князѣ Владимирѣ (когда, на самомъ дѣлѣ, о нихъ не было и слуху). Князь отправилъ къ ихъ царю Калину своего богатыря Илью Муромца съ дарами. Царь Калинъ дары принялъ, но просьбы русскаго князя не исполнилъ. Мало того, онъ жестоко оскорбилъ посла: связалъ его и плевалъ ему въ ясны очи. Богатырь разсердился, разорвалъ свои узы и побилъ Калина со всѣмъ его войскомъ. Нечего говорить, что подобному преданію нельзя вѣрить буквально; однако если бы не было о татарскомъ нашествіи записей, то и изъ этого преданія можно было бы кое-что почерпнуть, а именно: 1) что русскимъ приходилось бороться съ татарами и 2) что татары сначала побѣждали,—русскій богатырь идетъ съ дарами къ татарскому царю.

Во всякомъ случаѣ преданіе является очень мутнымъ источникомъ. Гораздо достовѣрнѣе письменные источники.

Изъ письменныхъ источниковъ для русской исторіи до XVIII столѣтія главными являются лѣтописи. Лѣтописью обыкновенно называютъ болѣе или менѣе краткія записи о событіяхъ, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ. Наши лѣтописи представляютъ собою сборники, куда лѣтописцы-монахи вносили самый разнообразный матеріалъ: и народныя преданія, и краткія записи о событіяхъ, и поученія, и разсказы бывалыхъ людей и т. д., и т. д.

Составлялись лѣтописи по образцу такихъ же произведеній греческихъ историческихъ писателей—„хроникъ“ (хроника по-гречески лѣтопись).

Лѣтописецъ обыкновенно только записывалъ событія, но не объяснялъ его причинъ и слѣдствій; все доброе отъ Бога, злое отъ діавола и только. Бѣдствія насылаются въ наказаніе за грѣхи людей.

Наша первая начальная лѣтопись носитъ заглавіе: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду русская земля стала есть“. Она начинаетъ повѣствованіе съ сотворенія міра,

говоритъ о Вавилонскомъ столпотвореніи и раздѣленіи языковъ и съ этого событія старается прослѣдить судьбу одного изъ выдѣлившихся племенъ человѣческихъ—славянскаго. Хронологію начальная лѣтопись ведетъ съ 852 года,—съ начала царствованія византійскаго императора Михаила III, при которомъ Русь впервые приходила на Царь-градъ, и доходитъ приблизительно до 1110 года. Долгое время весь этотъ историческій памятникъ приписывался иноку Кіево-Печерскаго монастыря преподобному Нестору, умершему около 1114 года. Но отъ преподобнаго Нестора сохранились „сказаніе объ убіеніи свв. Бориса и Глѣба“ и „житіе св. Ѳеодосія Печерскаго“, которыя находятся въ непримиримомъ противорѣчіи съ лѣтописью, затѣмъ въ самой лѣтописи есть противорѣчія, въ которыя не могъ впадать одинъ и тотъ же человѣкъ, поэтому теперь не подлежитъ сомнѣнію, что начальная лѣтопись была составлена постепенно нѣсколькими поколѣніями монаховъ. Самыми старинными списками начальной лѣтописи являются Лаврентьевскій, называемый по имени инока Лаврентія, списавшаго его въ 1377 году, и Ипатьевскій, конца XIV или начала XV вѣка, названный такъ по имени Костромского Ипатьевскаго монастыря, гдѣ онъ сохранился.

Съ начала XII вѣка наши лѣтописи становятся очень разнообразны и различаются по областямъ, гдѣ они велись: новгородскія, псковскія, суздальскія, южно-русскія и т. д. Какъ распалась въ это время Русская земля, такъ распадаются и источники ея исторіи. Когда Москва объединила вокругъ себя бо́льшую часть Русской земли, то въ ней появились лѣтописные своды, обнимающіе судьбу всей Русской земли (софійскія лѣтописи, воскресенская лѣтопись, никоновская лѣтопись). Появились и лѣтописи офиціальныя, ведшіяся по распоряженію правительства, какъ, напримѣръ, Царственная книга, въ которой удѣлено много мѣста придворнымъ событіямъ времени великаго князя Василія III и его преемника царя Іоанна Грознаго.

Наши лѣтописи исчезаютъ въ концѣ XVII вѣка, ко времени Петра Великаго. Знаменитый нѣмецкій ученый Шлецеръ, который первый сталъ изучать научнымъ образомъ наши лѣтописи, приписываетъ исчезновеніе ихъ полицейскимъ мѣрамъ царя Алексѣя Михаиловича и Петра Великаго противъ недовольныхъ новыми порядками монаховъ. Однако, не-

смотря на эти полицейскія мѣры, изъ тѣхъ же монастырей выходили очень рѣзкія подметныя письма противъ правительства. Напротивъ, лѣтописей Петръ Великій не только не преслѣдовалъ, но велѣлъ ихъ собирать по монастырямъ и хранить. Причиной исчезновенія лѣтописей былъ умственный подъемъ русскаго общества въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій. Люди этого времени не довольствовались уже простой записью фактовъ, а хотѣли ихъ объяснять со своей точки зрѣнія, доискаться ихъ происхожденія; поэтому на смѣну лѣтописей является во множествѣ другой видъ письменныхъ памятниковъ,—записки современниковъ [1]).

Записками современниковъ или мемуарами называются повѣствованія о событіяхъ, написанныя людьми, которые принимали въ нихъ участіе или знали ихъ, какъ современники, причемъ авторы не ограничиваются простой передачей фактовъ, а объясняютъ причины и слѣдствія ихъ со своей точки зрѣнія. Зачатки мемуаровъ можно указать въ нашихъ лѣтописяхъ очень рано. Таковъ, напримѣръ, обстоятельный разсказъ нѣкоего священника Василія объ ослѣпленіи князя Василько подъ 1097 годомъ въ Лаврентьевской лѣтописи.

Обыкновенно первымъ русскимъ мемуаристомъ считается современникъ царя Іоанна Грознаго кн. Андрей Курбскій, написавшій объ этомъ государѣ „Исторію князя великаго Московскаго о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима“. Впрочемъ у князя Курбскаго еще нѣтъ другого объясненія фактовъ, кромѣ доброй и злой воли человѣка. Сильвестръ подчинилъ своему доброму вліянію государя и все идетъ хорошо; епископъ Вассіанъ Топорковъ далъ злой совѣтъ Грозному и все идетъ дурно. Много записокъ современниковъ сохранилось о смутномъ времени. Среди нихъ выдѣляются широтой взглядовъ записки знаменитаго келаря Троице-Сергіева монастыря Авраамія Палицына, принимавшаго участіе въ событіяхъ того времени. Онъ уже пытается объяснить происхожденіе смуты изъ темныхъ сторонъ современнаго ему общества, — это большой шагъ впередъ. Подобно лѣтописцамъ Авраамій Палицынъ говоритъ о „грѣхахъ“ русскихъ людей, но обозначаетъ этимъ словомъ государственные и соціальные непо-

---

1) Полное собраніе русскихъ лѣтописей издается Археографическою Коммиссіею.

рядки, дѣйствительно приведшіе къ катастрофѣ, какъ, напр., сословную рознь. Но особенно изобилуютъ мемуарами XVIII и XIX столѣтія.

Переворотъ и перемѣны, пережитые русскимъ обществомъ въ началѣ царствованія Петра Великаго, заставили лучшихъ русскихъ людей того времени задуматься надъ причинами ихъ (мемуары Медвѣдева, Матвѣева, Куракина и др.). То же самое можно сказать о царствованіи императрицы Екатерины II, о 1812 годѣ, о началѣ царствованія императора Николая I и о времени великихъ реформъ императора Александра II.

Какъ особый видъ записокъ отмѣтимъ автобіографію; автобіографіей называется жизнеописаніе того или другого дѣятеля, имъ самимъ написанное. Образцомъ этого для XVIII столѣтія могутъ служить обширныя записки Болотова, извѣстнаго въ свое время агронома: „Жизнь и приключенія Андрея Болотова“ (напечатаны въ журналѣ „Русская Старина“ въ 1871—73 гг. и отдѣльно).

Мемуары являются очень важнымъ источникомъ для исторіи: многія подробности событій могутъ найти мѣсто только въ разсказахъ современниковъ. Съ другой стороны современники обыкновенно имѣютъ свои симпатіи и антипатіи; большинство записокъ, особенно автобіографіи, написаны историческими лицами съ цѣлью самооправданія передъ потомствомъ, а поэтому въ нихъ нерѣдко замалчивается и даже искажается правда. Благодаря мемуарамъ, въ нашу исторію вошло много недостовѣрныхъ извѣстій. Такъ напримѣръ, кн. Долгорукая, хорошо знавшая Бирона, пишетъ, будто бы онъ былъ сначала сапожникомъ и шилъ сапоги на ея дядю, хотя ничего подобнаго не могло быть. Среди записокъ можно отмѣтить, какъ особую категорію, записки иностранцевъ. Путешествуя въ чужой странѣ, иностранцы, естественно, обращаютъ вниманіе на то, чѣмъ она отличается отъ другихъ странъ, на ея нравы, обычаи и т. д. (для туземцевъ это слишкомъ привычно, а поэтому не привлекаетъ ихъ вниманія). Поэтому для историковъ народнаго быта записки иностранцевъ особенно цѣнны. Для Россіи есть много очень важныхъ записокъ иностранцевъ: Герберштейна, Горсея, Флетчера, Олеарія, Мейерберга и др. (съ ними можно познакомиться въ русскомъ переводѣ въ прекрасномъ изданіи Суворина). Совершенно особенное

положеніе занимаетъ для XVII столѣтія, какъ авторъ записокъ, подъячій Григорій Котошихинъ. Русскій по происхожденію, онъ писалъ о Россіи, когда совершенно порвалъ съ нею, и писалъ для иностранцевъ. Поэтому онъ совмѣщалъ освѣдомленность туземца съ интересомъ иностранцевъ къ быту страны. Правда, желчь, которую естественно долженъ былъ вносить въ свои писанія изгнанникъ изъ своего отечества, должна нѣсколько умалять цѣну его показаній. Тѣмъ не менѣе въ фактахъ Котошихинъ обыкновенно очень точенъ и правдивъ, а поэтому, по справедливому замѣчанію проф. В. О. Ключевскаго, „кто не читалъ этого писателя, тотъ не имѣетъ права говорить, что занимался русской исторіей“ [1]).

Письма современниковъ точно также могутъ служить важнымъ историческимъ матеріаломъ, хотя бы они и принадлежали неисторическимъ лицамъ. Въ нихъ могутъ встрѣчаться драгоцѣнныя данныя о томъ или другомъ событіи или любопытныя бытовыя подробности. Слѣдуетъ отмѣтить, какъ особый видъ писемъ, депеши пословъ изъ страны, гдѣ они аккредитованы, къ своимъ правительствамъ. Въ прежнія времена, когда печать была слабо развита, правительства обыкновенно предписывали своимъ агентамъ въ другихъ странахъ сообщать какъ можно болѣе свѣдѣній о нихъ. Множество такихъ депешъ о Россіи напечатано Русскимъ Историческимъ Обществомъ въ издаваемомъ имъ „Сборникѣ“.

Наконецъ всякое литературное произведеніе: романъ, повѣсть, поэма и т. д. является для историка источникомъ, поскольку въ немъ отразилось то или другое время съ его интересами, нравами, настроеніями и т. д.

Особый видъ письменныхъ источниковъ составляютъ государственные и юридическіе акты. Слово актъ съ латинскаго обозначаетъ „совершенное“, а также „доказательство совершеннаго“. Къ первымъ относятся договоры разныхъ государствъ между собою, постановленія верховной власти и другіе такого же рода документы, которые имѣютъ, конечно, особенное значеніе для исторіи государствъ; ко вторымъ—письменныя записи, удостовѣряющія различныя частныя сдѣлки и распоряженія, имѣющія юридическую силу, какъ купчія крѣпости, завѣщанія и т. д. Послѣдній родъ

---

[1]) См. четвертое изданіе этого памятника: „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Сочиненіе Григорія Котошихина“. (СПб., 1906 г.).

актовъ имѣетъ большое значенiе для характеристики внутренней жизни общества. Учрежденiя, гдѣ хранятся акты, называются архивами.

Наиболѣе важнымъ официальнымъ изданiемъ актовъ у насъ является Полное Собранiе Законовъ. Первое Полное Собранiе Законовъ было издано М. М. Сперанскимъ въ 1830 году въ 45 большихъ томахъ и обнимаетъ законодательные акты отъ Уложенiя царя Алексѣя Михайловича до 1826 года (правда, не исчерпывающимъ образомъ); второе Полное Собранiе Законовъ обнимаетъ 1830—1881 года, а третье—время отъ кончины императора Александра III до послѣднихъ лѣтъ. Къ полнымъ Собранiямъ Законовъ существуютъ указатели: хронологическiй, предметный и личныхъ именъ.

Вещественными источниками исторiи является все то, что остается отъ даннаго времени въ видѣ зданiй, домашней утвари, одеждъ, оружiя, рисунковъ, надгробныхъ памятниковъ, могилъ и тому подобныхъ конкретныхъ предметовъ. Изученiемъ ихъ занимается особая вспомогательная историческая наука, называемая археологiей, что съ греческаго значитъ: „наука о древностяхъ". Археологiя имѣетъ особенное значенiе для начальной исторiи каждаго народа. Раскапывая жилища и могилы доисторическаго времени, археологъ знакомится съ тѣмъ, какъ жили люди въ то время и какой степени развитiя они успѣли достигнуть. Между вещественными источниками нужно отмѣтить особую категорiю, представляющую собою какъ бы переходъ къ письменнымъ. Это надписи на камняхъ. Въ древности жизнь человѣка проходила подъ открытымъ небомъ. Поэтому, все, что должно было сдѣлаться извѣстнымъ по возможности всѣмъ гражданамъ (законы, мирные договоры, извѣстiя о различныхъ событiяхъ, цѣны на хлѣбъ и другiе жизненные припасы и т. д.), высѣкалось на каменныхъ плитахъ и выставлялось на площадяхъ. Такъ было и въ древне-греческихъ городахъ, которые существовали нѣкогда на югѣ нашей страны (Ольвiя, Херсонесъ, Пантикапея). Отъ нихъ сохранилось множество такихъ надписей, проливающихъ свѣтъ на жизнь древнихъ обитателей юга нынѣшней Россiи. Эти надписи собраны академикомъ В. В. Латышевымъ и напечатаны въ его капитальномъ трудѣ: „Inscriptiones antiquae orae septentrionalis ponti

Euzini graecae et latinae“ СПб., 1885—1890[1]). Надпись, сдѣланная княземъ Глѣбомъ въ 1068 году на камнѣ объ измѣреніи имъ пролива между Корчевомъ (нынѣ Керчь) и Тмутараканью, дала возможность историкамъ опредѣлить мѣсто послѣдняго пункта (такъ называемый „Тмутараканскій камень“ (рис. 1).

Рис. 1. Тмутараканскій камень. Находится въ Эрмитажѣ въ Петроградѣ.

Никакое извѣстіе, сообщаемое историческимъ памятникомъ, нельзя принять на вѣру, не провѣривъ его, такъ какъ въ историческихъ источникахъ можетъ содержаться ложь. Совокупность тѣхъ методовъ, при помощи которыхъ историкъ провѣряетъ свои свѣдѣнія, называется исторической критикой. Критика — слово греческое и обозначаетъ: „сужденіе“. Она раздѣляется на внѣшнюю и внутреннюю. Задача внѣшней критики — опредѣлить, не является ли данный историческій источникъ позднѣйшимъ — сфабрикованнымъ позже событій. Исторія знаетъ очень много подложныхъ актовъ, какъ, напримѣръ, подложная грамота Св. Константина папѣ на область, которую папы получили гораздо позже. Въ дѣлѣ внѣшней критики на помощь исторіи приходятъ различныя вспомогательныя знанія, каковы, напр., палеографія, — наука о старинномъ письмѣ и сфрагистика, — наука о печатяхъ.

Когда установлена подлинность того или другого историческаго источника, тогда имѣетъ мѣсто внутренняя критика. Она рѣшаетъ вопросъ о достовѣрности самыхъ свѣдѣній, заключающихся въ данномъ источникѣ. Нужно рѣшить во-

[1]) Древнія надписи сѣвернаго берега Евксинскаго Понта (т.-е. Чернаго моря) греческія и латинскія.

просы: 1) насколько авторъ источника освѣдомленъ и близокъ къ описываемымъ событiямъ, и 2) насколько онъ безпристрастенъ: авторъ можетъ быть хорошо освѣдомленъ, но заинтерисованъ въ томъ, чтобы скрыть правду.

Задача критики оцѣнитъ его всесторонне. Приведемъ примѣръ примѣненiя исторической критики. Изъ древней исторiи извѣстно, что Периклъ былъ величайшимъ государственнымъ человѣкомъ Грецiи. Однако, если мы обратимся къ греческимъ историкамъ, то увидимъ, что большинство изъ нихъ отзывается очень дурно о Периклѣ и считаетъ его вреднымъ для государства человѣкомъ. Но есть одинъ историкъ, котораго приходится предпочесть всѣмъ остальнымъ. Это—Фукидитъ: великiй историкъ принадлежалъ къ партiи враждебной Периклу и, слѣдовательно, скорѣе долженъ былъ бы его порицать; однако онъ, будучи хорошо освѣдомленъ о дѣятельности этого государственнаго мужа, осыпаетъ его похвалами и говоритъ, что значенiе Перикла было основано на всѣмъ извѣстной его честности. Вотъ примѣръ исторической критики.

Когда источникъ провѣренъ, историкъ долженъ его исчерпать, т.-е. извлечь изъ него все то, что онъ даетъ для исторiи даннаго народа и времени.

§ 1. Географическiя условiя русской исторiи. Древнѣйшiе обитатели страны: эллины, скиѳы. Готское королевство. Славяне и ихъ разселенiе; ихъ бытъ и религiя; сношенiя съ Византiей. Хозары. Болгары. Арабы. Финны. Литва. Норманны.

Сѣверо-восточная часть Европы, которую занимаетъ наше отечество, рѣзко отличается отъ запада ея. Западная Европа имѣетъ чрезвычайно изрѣзанную береговую полосу, что должно было содѣйствовать развитiю мореплаванiя и сношенiй западныхъ народовъ между собою. Напротивъ, моря, омывающiя наше отечество (Ледовитый океанъ, Бѣлое море, Балтiйское съ его заливами, Черное, Азовское и Каспiйское), мало изрѣзываютъ берега страны, и такимъ образомъ она самой природой была обособлена отъ остальной Европы. Изрѣзанности береговой линiи на западѣ Европы соотвѣтствуетъ и разнообразiе его поверхности. Напротивъ, сѣверо-востокъ Европы представляетъ собою огромную равнину съ очень

однообразнымъ характеромъ поверхности. Находимые въ ней остатки морскихъ растеній, животныхъ и раковинъ свидѣтельствуютъ о томъ, что эта равнина была нѣкогда дномъ огромнаго моря, которое постепенно убыло. Правда, на ней встрѣчаются возвышенности (Средне-Русская, Приволжская, Донецкій кряжъ, Авратынская), но онѣ слишкомъ незначительны для того, чтобы образовать физическія границы; онѣ служатъ только водораздѣлами бассейновъ нашихъ главнѣйшихъ рѣкъ. За нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова былъ на югѣ нашей равнины безсмертный „Отецъ исторіи" Геродотъ, который сказалъ: „въ Скиѳіи нѣтъ ничего удивительнаго, кромѣ рѣкъ, ее орошающихъ; онѣ велики и многочисленны". И дѣйствительно, рѣки Россіи имѣли огромное значеніе для нашей исторіи: расходясь во всѣхъ направленіяхъ по русской равнинѣ, онѣ образуютъ природную сѣть дорогъ, по которымъ разселялись наши предки. Всѣ эти природныя условія содѣйствовали тому, что сѣверо восточная часть Европы должна была составить одно большое государство, тогда какъ западная представляетъ множество государствъ.

На сѣверо-востокѣ наша страна отдѣлена отъ Азіи очень невысокимъ Уральскимъ хребтомъ, за которымъ разстилаются огромныя равнины Сибири. Уральскій хребетъ не могъ также образовать физической границы: онъ слишкомъ незначителенъ для этого. Съ другой стороны, Сибирь на сѣверѣ ограничена Ледовитымъ океаномъ, на востокѣ—Восточнымъ океаномъ (Великимъ), а на югѣ—пустынями средней Азіи. Такимъ образомъ, точно также, сама природа опредѣлила, чтобы Сибирь вмѣстѣ съ сѣверо-востокомъ Европы составила одно огромное государство.

Между Ураломъ и Каспійскимъ моремъ Азія и Европа какъ бы сливаются между собою: наши южно-русскія степи представляютъ собою продолженіе азіатскихъ. Это имѣло очень вредное значеніе для развитія нашего государства. Какъ мы увидимъ, въ эти, такъ называемыя, ворота Азіи на нашу родину постоянно нападали азіатскіе степные кочевники, которые надолго задержали движеніе нашего отечества по пути прогресса.

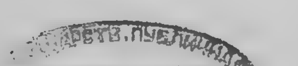
Таковы главнѣйшія благопріятныя и неблагопріятныя географическія условія, при которыхъ образовалось русское государство.

Знаменитый англійскій философъ Милль вѣрно сказалъ, что для нынѣшнихъ народовъ ближе и дороже тѣ народы, отъ которыхъ они заимствовали свою образованность, нежели тѣ, отъ которыхъ они происходятъ. Такъ для нынѣшняго англичанина образованный грекъ ближе и дороже, нежели его предокъ, полудикій англо-саксъ. Такъ и для насъ русскихъ особенно дорогъ тотъ народъ, который положилъ начало культуры въ нынѣшнихъ предѣлахъ нашего отечества. Такимъ народомъ были древніе греки или эллины, какъ они себя называли. За нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова

Рис. 2. Часть стѣны Херсонеса Таврическаго.

они основали много колоній на берегу нынѣшняго Чернаго моря, которое у нихъ носило названіе Евксинскаго Понта (что значитъ „гостепріимное море“). Сюда грековъ привлекали природныя богатства нашей страны: лѣсъ, хлѣбъ, въ которомъ особенно нуждалась Греція, медъ, воскъ и т. д. Главнѣйшими греческими колоніями на Черномъ морѣ въ древности были: Ольвія (у устья р. Южнаго Буга, который въ древности назывался Гипанисъ). Херсонесъ Таврическій на Таврическомъ полуостровѣ близъ нынѣшняго Севастополя и Пантикапея у Керченскаго пролива, который въ древности назывался Босфоромъ Киммерійскимъ. Послѣдняя сдѣлалась

центромъ эллинистическаго царства Босфорскаго. Эллинистическими государствами назывались такія государства, населеніе которыхъ было на-половину греческимъ, на-половину варварскимъ (варварами греки и римляне называли всѣхъ иностранцевъ). Вездѣ, гдѣ появлялись греки, они приносили съ собою начатки наукъ и искусствъ: „рѣзецъ (инструментъ скульпторовъ) и лиру (символъ поэзіи и музыки)“, по выраженію русскаго поэта. Такъ было и въ греческихъ колоніяхъ на берегу Чернаго моря. Какъ наслѣдіе ихъ, сохранилось здѣсь до нашего времени много памятниковъ искусства. На берегу Чернаго моря находятъ немало развалинъ греческихъ храмовъ и другихъ зданій, поражающихъ своей грандіозностью и красотой (рис 2 и 3). Очень изящны древне-греческія терракотовыя статуэтки, находимыя въ Керчи во множествѣ и изображающія древнихъ обитателей ея и цѣлыя сцены изъ ихъ жизни (рис. 4). Четыреугольные склепы, извѣстные подъ именемъ катакомбъ, въ той же Керчи поражаютъ насъ своей превосходной росписью (рис. 5). Все это свидѣтельствуетъ о томъ, какъ высока была здѣсь культурная жизнь въ древности. О томъ же свидѣтельствуютъ надписи на каменныхъ плитахъ въ Ольвіи и Херсонесѣ, представляющія собою богатый матеріалъ для изученія быта этихъ народовъ. Знаменитѣйшій изъ русскихъ музеевъ — Эрмитажъ обязанъ раскопкамъ на берегахъ Чернаго моря лучшими своими коллекціями.

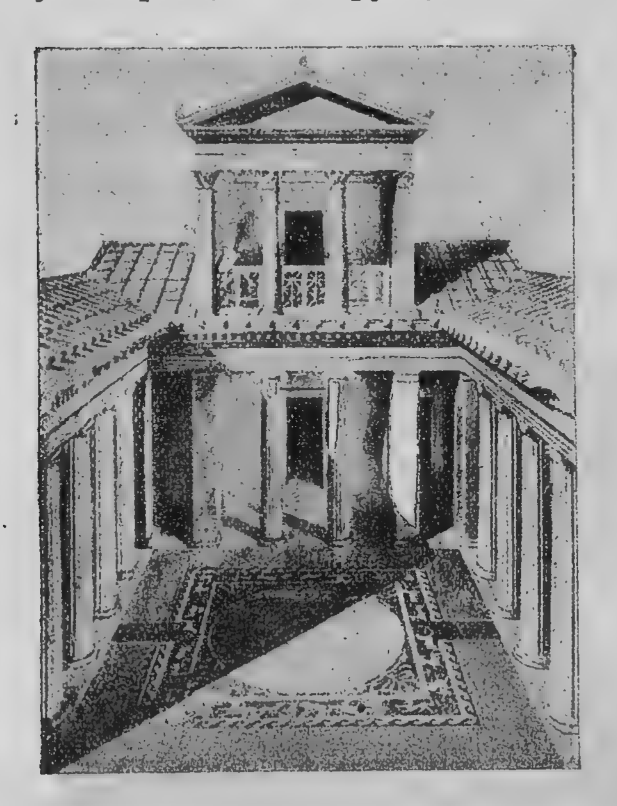

Рис. 3. Реставрація дома въ Ольвіи.

На сѣверъ отъ греческихъ колоній жили скиѳы, о которыхъ много интересныхъ подробностей сообщаетъ греческій

историкъ Геродотъ въ 4-й книгѣ своего знаменитаго сочиненія. Теперь можетъ считаться доказаннымъ, что это былъ не одинъ народъ, а нѣсколько различныхъ, причемъ среди нихъ были и родственные намъ арійцы[1]). Однако нѣтъ никакого основанія видѣть въ нихъ славянъ. По словамъ Геродота, скиѳы жили отъ Дуная (Истра) по нашимъ южнымъ рѣкамъ: Бугу (Гипанису), Днѣпру (Борисѳену) и др. до Дона (Танаиса). Часть ихъ, по Бугу и Днѣпру, вела осѣдлый образъ жизни и занималась хлѣбопашествомъ, но болѣе многочисленную (жившую на востокъ отъ первой) составляли кочевники. Послѣдніе, какъ всѣ кочевые народы, занимались главнымъ образомъ скотоводствомъ. Кочевники господствовали надъ жившими осѣдло. Управлялись скиѳы своими царями. Отличительными чертами ихъ были жестокость и воинственность. Геродотъ пишетъ о нихъ: „скиѳъ пьетъ кровь перваго убитаго имъ врага, а головы всѣхъ враговъ, убитыхъ въ сраженіи, относятся къ царю, потому что только подъ условіемъ доставленія головы непріятеля скиѳъ получаетъ долю добычи, въ противномъ случаѣ не получаетъ ничего. Съ головы онъ снимаетъ кожу слѣдующимъ образомъ: кругомъ головы около ушей дѣлаетъ надрѣзъ, потомъ беретъ голову въ руки и вытряхиваетъ ее изъ кожи, засимъ соскабливаетъ съ нея бычачьимъ ребромъ

Рис. 4. Женская статуэтка, найденная въ Керчи.

[1]) Въ глубокой древности большая часть народовъ Европы (въ томъ числѣ славяне) и часть народовъ Азіи составляли одинъ народъ, который назывался арійскимъ. Значеніе этого слова не выяснено вполнѣ; вѣроятно оно обозначало пахарей въ противоположность кочевникамъ. Арійскіе народы наиболѣе способны къ прогрессу.

мясо и выдѣлываетъ кожу въ рукахъ, дѣлая ее такимъ образомъ мягкою, затѣмъ употребляетъ ее какъ утиральникъ, привѣшиваетъ ее къ уздечкѣ той лошади, на которой ѣздитъ самъ, и гордится этимъ. Скиѳъ, располагающій наибольшимъ числомъ такихъ утиральниковъ изъ кожъ непріятелей, почитается доблестнѣйшимъ человѣкомъ. Многіе скиѳы приготовля-

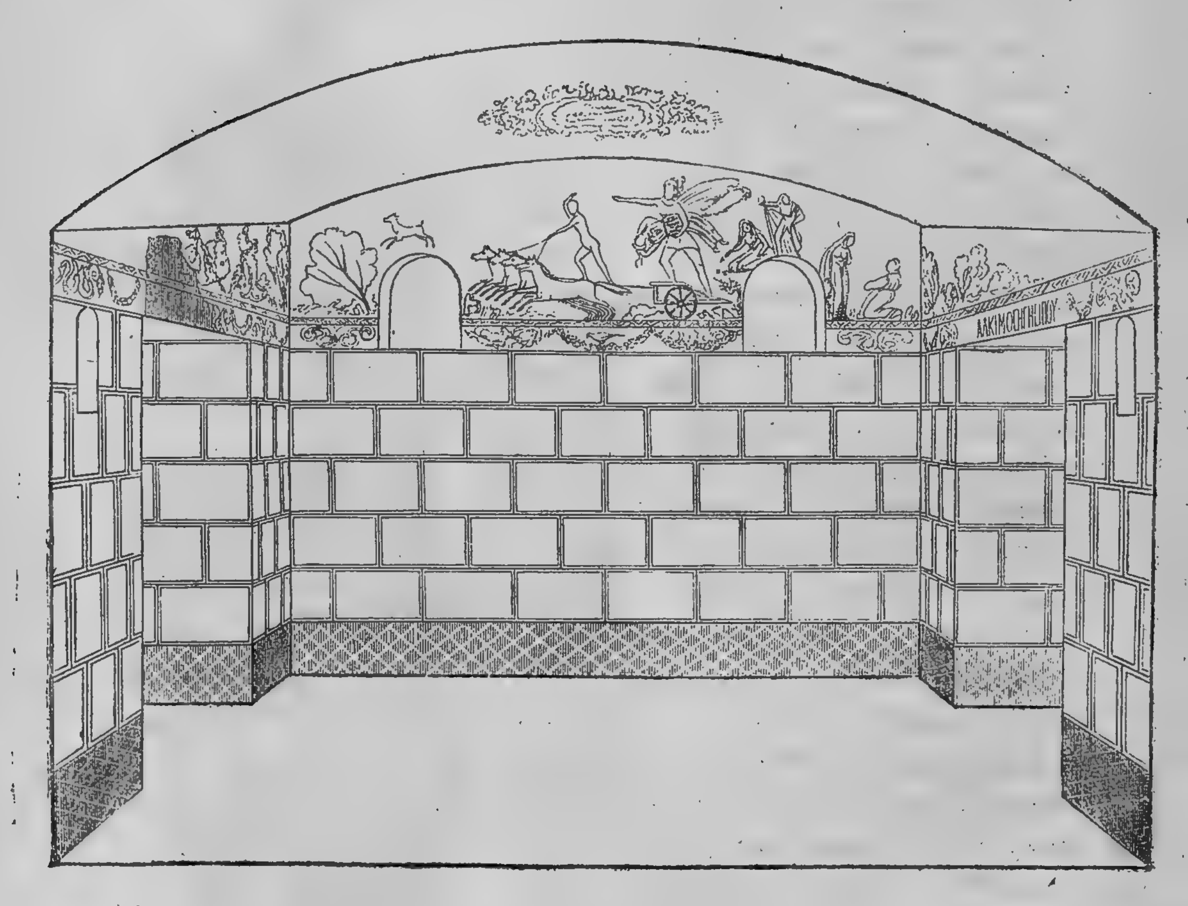

Рис. 5. Внутренность одной изъ Керченскихъ катакомбъ.

ютъ себѣ изъ собранныхъ кожъ плащи, въ которые и одѣваются; для этого кожи сшиваются вмѣстѣ какъ козьи шкурки. Съ другой стороны многіе изъ нихъ снимаютъ кожу до самыхъ ногтей съ правыхъ рукъ убитыхъ враговъ и приготовляютъ изъ этихъ кожъ футляры для колчановъ. Наконецъ многіе скиѳы снимаютъ кожу со всего трупа, напяливаютъ ее на палки и возятъ съ собою на лошадяхъ. Таковы у нихъ военные обычаи“ [1]).

---

[1]) Геродотъ отмѣчаетъ еще страсть скиѳовъ къ вину. По его извѣстію, спартанскій царь Клеомонъ сошелъ съ ума отъ того, что вслѣдствіе общенія со скиѳами сдѣлался горькимъ пьяницей.

Такимъ же мрачнымъ воинственнымъ характеромъ отличалась и религія скиѳовъ: они поклонялись въ особенности богу войны подъ видомъ стараго желѣзнаго меча, который втыкали въ насыпь; ему приносили въ жертву рогатый скотъ

Рис. 6. Никопольская ваза. Находится въ Эрмитажѣ.

и лошадей, а также кровь убитыхъ враговъ; вообще кровь играла большую роль въ скиѳской религіи: ее употребляли также при клятвѣ. У скиѳовъ было много гадателей и знахарей, которые лѣчили раненыхъ и больныхъ.

Какъ ни дикъ и жестокъ былъ этотъ народъ, однако греческая культура не могла не оказать на него вліянія. Геродотъ сообщаетъ имена скиѳскихъ царей, которые пытались ввести у себя греческіе нравы (Анахарсисъ, Скилла). Ближайшее къ Ольвіи племя каллипиговъ Геродотъ считалъ смѣшаннымъ изъ грековъ и скиѳовъ. Скиѳы не только нападали на греческія колоніи, но и вели съ ними торговыя сношенія; въ могилахъ скиѳскихъ царей находится много вещей греческаго происхожденія. Особенно любопытны двѣ

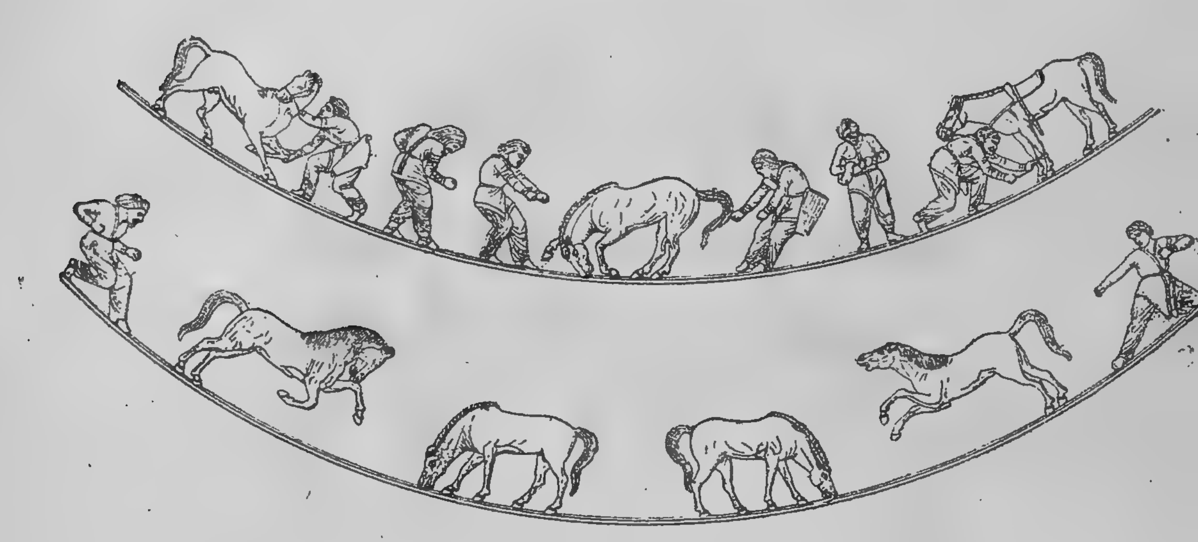

Рис. 7. Фризъ Никопольской вазы.

вазы: Никопольская и Куль-Обская. Первая серебряная (рис. 6 и 7) была найдена въ могильномъ курганѣ на рѣчкѣ Чертомлыкѣ, въ Херсонской губерніи. На ней изображены скиѳы за обычнымъ занятіемъ кочевниковъ—дрессировкой лошадей. Вторая небольшая золотая (рис. 8 и 9) найдена въ Куль-Обскомъ могильникѣ въ Керчи. На ней мы видимъ совѣщаніе скиѳскихъ воиновъ, скиѳа, чинящаго свой лукъ, и знахарей, лѣчащихъ своихъ паціентовъ. Обѣ вазы даютъ понятіе о внѣшнемъ видѣ и одеждѣ скиѳовъ и являются драгоцѣннымъ дополненіемъ къ извѣстіямъ Геродота о нихъ.

Извѣстія о другихъ народахъ, населявшихъ, по представленію грековъ, нашу страну въ тѣ времена, столь невѣроятны, что нѣтъ надобности ихъ приводить. Великій философъ Аристотель упрекалъ современниковъ за увлеченіе разсказами о нихъ.

Во второмъ вѣкѣ до Р. Х. Понтійскій царь Митридатъ VI завладѣлъ Босфорскимъ царствомъ.

Понтійскимъ царствомъ называлось эллинистическое го-

Рис. 8. Куль-Обская ваза. Находится въ Эрмитажѣ.

сударство на южномъ берегу Чернаго моря, занимавшее сѣверо-восточную часть Малой Азіи (самое имя Митридата было варварское—персидское, но онъ обладалъ греческою образованностью и окружалъ себя греками). Митридатъ велъ отчаян-

ную борьбу съ римлянами, но доведенный до крайности лишилъ себя жизни въ Пантикапеѣ (рис. 10).

Подъ властью римлянъ, особенно во время римскихъ императоровъ, греческія колоніи по Черному морю пришли въ полный упадокъ.

Когда послѣ Константина Великаго (умеръ въ 337 году по Р. Х.) Римская Имперія стала дѣлиться на западную и восточную, иначе называемую Византійской (по имени главнаго города Византіи или Константинополя), то послѣдняя владычествовала на берегахъ Чернаго моря. Въ ней преобладало греческое населеніе.

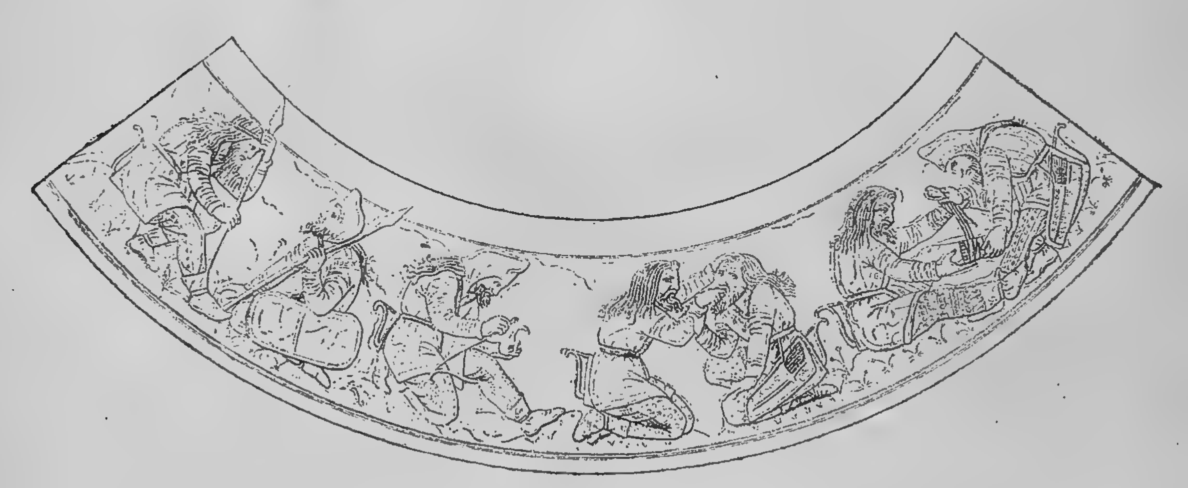

Рис. 9. Фризъ Куль-Обской вазы.

Въ IV вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ на югѣ нашей страны образовали сильное королевство готы,—народъ германскаго происхожденія, который пришелъ сюда, какъ полагаютъ ученые, съ Балтійскаго моря. Они исповѣдывали христіанство въ формѣ аріанской ереси и имѣли свою письменность, слѣдовательно, достигли нѣкоторой степени развитія. Сохранились отрывки перевода Священнаго писанія, сдѣланнаго ихъ епископомъ Вульфилой. Подъ властью готовъ упоминаются уже наши предки—славяне, носившіе названіе антовъ и венедовъ. Извѣстія о послѣднихъ становятся особенно ясными въ VI вѣкѣ. Готскій лѣтописецъ Іорнандъ раздѣляетъ венедовъ на два народа: на славянъ, жившихъ отъ верховья нынѣшней Вислы на востокъ до Днѣпра, и антовъ, которые жили въ странахъ припонтійскихъ отъ Днѣпра до Днѣстра. Византійскій историкъ Прокопій Кесарійскій говоритъ о многочислен-

ныхъ племенахъ антовъ, живущихъ на сѣверъ отъ нынѣшняго Азовскаго моря.

Королевство готовъ было сокрушено кочевымъ народомъ гуннами, пришедшими изъ Азіи. Это была первая изъ тѣхъ азіатскихъ степныхъ ордъ, которыя съ этого времени идутъ одна за другой на нашу родину путемъ, лежащимъ между Ураломъ и Каспійскимъ моремъ. Какого племени были гунны,

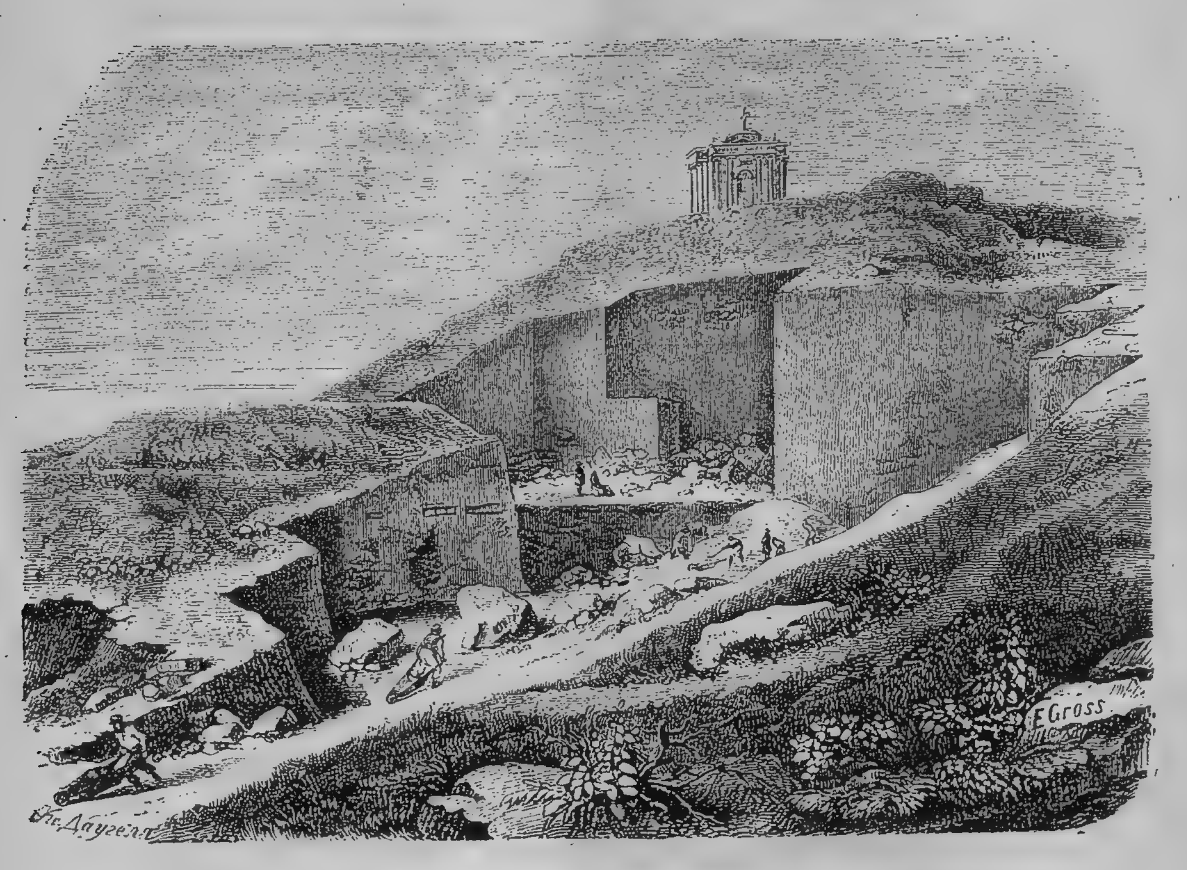

Рис. 10. Раскопки на горѣ Митридата въ Керчи.

до сихъ поръ не рѣшено наукой, но вѣроятнѣе всего монгольскаго. Коренастые, коротконогіе, съ толстыми короткими шеями, съ плоскими лицами и съ узкими глазами, они самымъ своимъ видомъ наводили ужасъ на готовъ и казались имъ какимъ-то порожденіемъ демоновъ. По дорогѣ своей они все истребляли и гордились тѣмъ, что тамъ, гдѣ вступитъ ихъ конь, трава не растетъ. Однако гунны не обосновались на нашей равнинѣ, а двинулись на западъ, гдѣ основали государство на Дунаѣ. Объ ихъ нашествіи ничего не знаетъ наша начальная лѣтопись, но она упоминаетъ уже о наше-

ствіи слѣдующаго по времени кочевого азіатскаго народа,— обровъ или аваровъ, родственныхъ гуннамъ. По словамъ лѣтописи, авары страшно мучили славянское племя дулѣбовъ (VI вѣкъ). „Были обры“ говоритъ лѣтопись: „тѣломъ велики и умомъ горды, но Господь истребилъ ихъ: умерли всѣ и не осталось ни одного обрина; есть на Руси поговорка: погибли какъ обры“. Обры прошли также на западъ и исчезли тамъ послѣ страшныхъ пораженій, нанесенныхъ имъ Карломъ Великимъ.

Рис. 11. Такъ называемая „каменная баба“,— образецъ грубо сдѣланныхъ истукановъ, находимыхъ въ степяхъ на югѣ Россіи, вѣроятно сдѣланныхъ кочевниками.

Такимъ образомъ на самой зарѣ достовѣрной исторіи нашей страны мы видимъ въ ней народы, способные къ культурѣ (греки, готы), и наряду съ ними кочевниковъ съ разрушительнымъ характеромъ (рис. 11). Кочевникамъ и суждено было на долго задержать развитіе нашего отечества.

Первоначальная родина славянъ достовѣрно неизвѣстна; обыкновенно считаютъ ею прикарпатскій край, но нѣкоторые ученые ищутъ ее въ другихъ мѣстахъ (напр. на Балтійскомъ морѣ, — въ XVIII столѣтіи нѣмецкій ученый Шлецеръ, а въ наше время академикъ А. А. Шахматовъ). Въ

VIII и въ IX столѣтіяхъ они разселились на значительной части нашей равнины, главнымъ образомъ по рѣкамъ, и соединились въ племена (первоначально они, какъ и всѣ народы, жили въ родовомъ быту, остатки котораго у нихъ держались долго). Всѣ славянскія племена заняли области по рѣкамъ. Такъ собственно славяне (иначе называвшіеся ильменскими славянами) поселились по рѣкѣ Волхову, полочане—по Западной Двинѣ, кривичи—въ области, гдѣ начинаются три главныхъ рѣки нашей равнины—Волга, Днѣпръ и Западная Двина, поляне—по среднему теченію Днѣпра, древляне—по правому притоку Днѣпра—Припети, сѣверяне—по лѣвому—Деснѣ, дулѣбы—по Западному Бугу, вятичи по притоку Волги—Окѣ.

Таковы были главнѣйшія области и племена славянъ, поселившихся въ нашей странѣ. У каждаго изъ нихъ явились свои племенные князья; какъ всѣ первобытные народы, славяне сходились на собранія подъ открытымъ небомъ, называемыя „вѣче", для рѣшенія своихъ дѣлъ. Монахъ-лѣтописецъ мало говоритъ о нравахъ языческихъ славянъ. Происходя изъ страны полянъ онъ только старается подчеркнуть, что это племя въ противоположность другимъ славянскимъ народамъ отличалось кроткими нравами. У полянъ по его словамъ, существовалъ уже бракъ посредствомъ выкупа, который женихъ платилъ роду невѣсты. У другихъ славянскихъ племенъ молодые люди похищали себѣ невѣстъ; однако лѣтописецъ дѣлаетъ оговорку, которая показываетъ, что похищеніе это не было дѣломъ исключительно насилія („съ которой дѣвушкой кто сговаривался"),—слѣдовательно имѣла мѣсто воля и женщины. Бракъ при помощи похищенія женщины (умыканіе) свойственъ всѣмъ полудикимъ народамъ; съ теченіемъ времени его смѣняетъ бракъ посредствомъ выкупа. Въ общемъ положеніе женщины у славянъ было довольно свободнымъ, не смотря на то, что у нихъ встрѣчалось многоженство.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о бытѣ первобытныхъ славянъ даютъ византійскіе и арабскіе писатели, знавшіе ихъ. Славяне имѣли понятіе уже о земледѣліи, хотя оно было еще слабо развито; точно также они занимались скотоводствомъ, но главными ихъ промыслами были тѣ, которымъ способствовали лѣса и воды, а именно: рыболовство, охота и бортничество. Борть—улей дикихъ пчелъ. Бортничество состояло въ томъ, что они разыскивали дикихъ пчелъ и брали у нихъ воскъ и медъ.

Жили славяне въ плохихъ избахъ или даже въ землянкахъ, на большомъ разстояніи одна отъ другой, и часто мѣняли свое мѣсто жительства. Наши предки были очень воинственны; въ бояхъ нерѣдко принимали участіе и женщины. Объ этомъ свидѣтельствуютъ византійцы, часто ведшіе войны съ славянами. Византійцы отмѣчаютъ ихъ умѣнье отлично плавать и подолгу оставаться въ водѣ, при чемъ они дышали черезъ пустыя палочки тростника.

Какъ всѣ полудикіе народы, на войнѣ славяне были склонны проявлять жестокость, но въ мирное время отличались добродушіемъ; рабовъ у нихъ было немного, и съ ними они обращались мягко. Особенно чтили наши предки гостя: чтобы угостить его допускалась даже кража. Впрочемъ славяне между собою постоянно вели войны. Причиною былъ обычай кровавой мести,—остатокъ родового быта. Хотя славяне и имѣли уже племенныхъ князей, тѣмъ не менѣе члены родовъ сохраняли между собою нѣкоторую связь. Въ случаѣ если бы славянинъ былъ убитъ, за него мстилъ его родъ непремѣнно убійствомъ же. Это называлось кровавой местью. Кровавая месть держится до сихъ поръ у нѣкоторыхъ народовъ (напр., у черногорцевъ и албанцевъ).

Въ тѣсной связи съ нравами каждаго народа находится его религія. Языческая религія обыкновенно проходитъ нѣсколько ступеней развитія, а поэтому необходимо поговорить о нихъ, прежде чѣмъ излагать религіозныя представленія славянъ. Самая древняя форма языческой религіи называется ф е т и ш и з м о м ъ. Это—грубое идолопоклонство, состоящее въ томъ, что люди обоготворяютъ безсловесныхъ животныхъ или неодушевленные предметы, почему бы то ни было поразившіе ихъ воображеніе (обыкновенно особенно вредные или полезные). Такой обоготворенный предметъ: камень, дерево и т. д. называется фетишомъ. Славяне переросли эту форму язычества: фетишей у нихъ не было.

Слѣдующей ступенью языческой религіи является а н и м и з м ъ (отъ латинскаго слова „anima“—душа). На этой ступени религіознаго развитія язычники обоготворяютъ не самый предметъ, а воображаемую душу предмета, которая въ немъ проявляется: вся природа представляется имъ населенной множествомъ мелкихъ духовныхъ существъ, которымъ они и поклоняются. У славянъ были слѣды анимизма; міръ имъ пред-

ставлялся населеннымъ массой мелкихъ божествъ: въ водѣ они видѣли водяныхъ и русалокъ, въ полѣ полевыхъ, въ лѣсу лѣшихъ.

Высшею ступенью религіознаго развитія язычника является политеизмъ (что съ греческаго значитъ многобожіе). На этой ступени язычникъ начинаетъ дѣлать обобщенія: причины отдѣльныхъ явленій, замѣчаемыхъ въ природѣ, онъ начинаетъ сводить къ силамъ природы, которыя и почитаетъ подъ видомъ боговъ. Славяне были политеистами: они обоготворяли различныя силы природы. Языческая религія ихъ походила на религіи другихъ арійскихъ народовъ. Такъ главнѣйшій богъ славянъ Перунъ—богъ грома и молніи вполнѣ соотвѣтствовалъ Зевсу древнихъ грековъ и Юпитеру италиковъ. Безоблачное небо славяне обоготворяли подъ именемъ Сварога; это былъ очень древній арійскій богъ, соотвѣтствующій Индрѣ, богу древнихъ индусовъ; солнце почиталось у нашихъ предковъ подъ видомъ различныхъ божествъ: Даждь-бога, Хорса и Велеса. Велесъ былъ также богомъ скота и всякаго богатства. Богомъ вѣтровъ считался Стрибогъ.

Въ честь боговъ у славянъ были особые праздники. Такъ Перуну былъ посвященъ первый четвергъ послѣ весенней грозы (отсюда наше выраженіе „послѣ дождика въ четвергъ“). Особенно было много праздниковъ въ честь солнца. Въ честь зимняго солнца былъ праздникъ Коляда, во время котораго пѣлись особыя пѣсни. Эти пѣсни и сейчасъ сохраняются во многихъ мѣстахъ на Руси и поются на Рождествѣ, которое по времени приблизительно совпадаетъ со временемъ Коляды. Въ честь весенняго солнца существовалъ праздникъ масленица; въ это время наши предки ѣли блины, которые своей круглой формой напоминаютъ солнце, и жгли соломенное чучело, изображавшее собою смерть или зиму. Впослѣдствіи масленица была пріурочена къ сырной недѣлѣ, предшествующей великому посту, и нѣкоторые языческіе обряды, съ нею связанные, сохранились до сихъ поръ.

Наконецъ третій языческій праздникъ Купала совпадалъ съ тѣмъ временемъ, когда лѣтнее солнце достигаетъ наибольшей силы. Въ это время ночью язычники гуляли, зажигали костры и прыгали черезъ нихъ. Они вѣрили, что въ это время цвѣтетъ папоротникъ, и что цвѣтъ его приноситъ богатство тому, кто его найдетъ. Эти обряды и повѣрья сохранились въ народѣ

до сихъ поръ и пріурочены имъ къ 23 іюня, когда христіанская церковь чтитъ Іоанна Крестителя, по сходству понятій „Купала“ и „Креститель“.

У славянъ не было храмовъ, какъ доказалъ еще въ XVIII столѣтіи митрополитъ Платонъ въ своей „краткой россійской церковной исторіи“, но они ставили изображенія своихъ боговъ

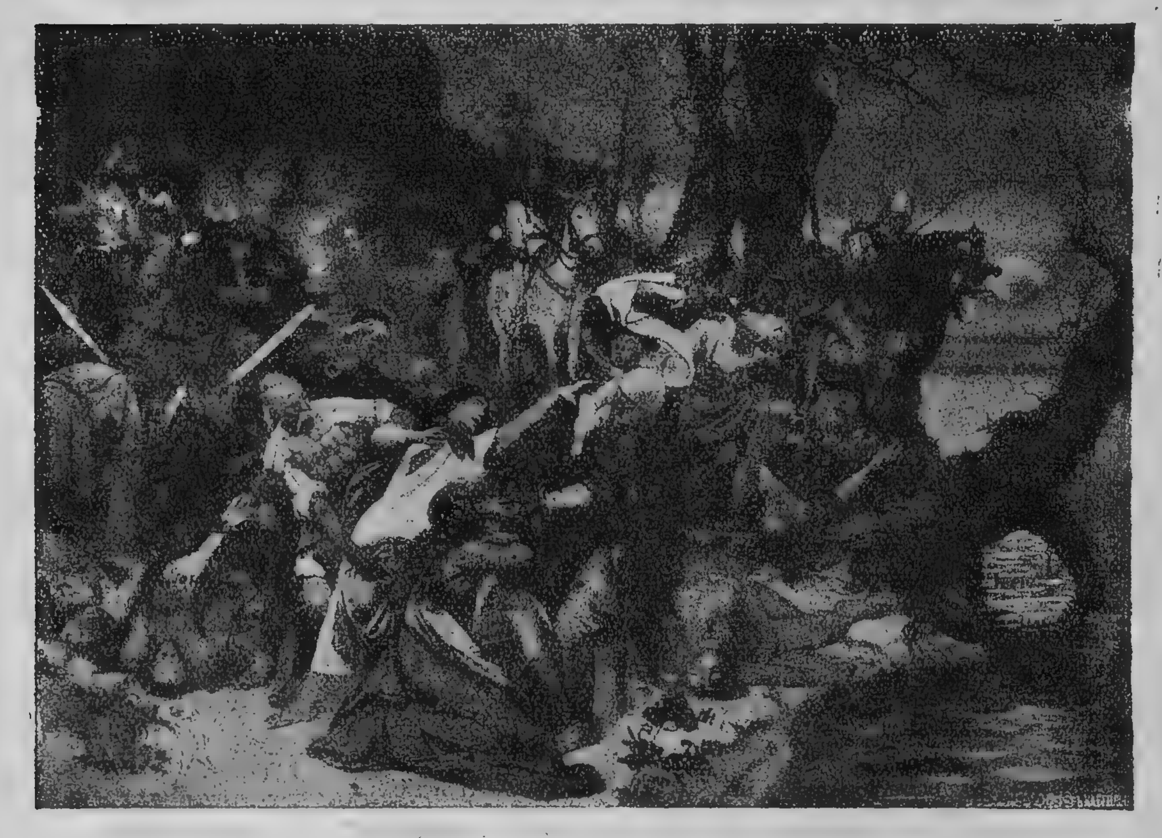

Рис. 12. Человѣческія жертвоприношенія славянскихъ воиновъ. Картина художника Семирадскаго.

(идоловъ) подъ открытымъ небомъ. Идолы эти имѣли подобіе людей. Повидимому славяне не скупились на украшеніе ихъ: такъ идолъ Перуна имѣлъ голову изъ серебра съ золотыми усами. Жрецовъ у нихъ также не было [1]), но были люди, считавшіеся особенно близкими къ богамъ и знавшими ихъ волю. Такіе люди назывались волхвами. Богамъ приносили жертвы иногда даже человѣческія (рис. 12).

Кромѣ того у славянъ, какъ у всѣхъ арійцевъ, существовалъ культъ предковъ. Культомъ предковъ называется

[1]) Это было также указано митрополитомъ Платономъ.

почитаніе умершихъ предковъ какъ боговъ. Каждый умершій славянинъ становился богомъ для своего рода. Такой обоготворенный предокъ назывался домовымъ или чуромъ. Къ нему обращался славянинъ въ минуту опасности, что также не исчезло безслѣдно: до сихъ поръ простолюдинъ говоритъ въ такихъ случаяхъ: „чуръ меня...," не воображая, что онъ обращается къ языческому богу.

Славяне, какъ всѣ первобытные народы, сначала полагали, что ихъ покойники послѣ смерти продолжаютъ жить такъ, какъ жили въ этомъ мірѣ. Поэтому они зарывали съ ними все то, въ чемъ они нуждались при жизни. Позже славяне стали представлять себѣ душу человѣка, какъ нѣчто воздушное, что должно какъ можно скорѣе отдѣлиться отъ тѣла покойника, а потому стали сжигать его. Пепелъ они ставили въ особыхъ сосудахъ на перекресткахъ. Вотъ откуда пошло у насъ повѣріе о перекресткахъ, какъ о мѣстахъ, гдѣ являются привидѣнія.

Въ честь умершихъ совершались особые обряды, называемые тризной.

Такова была религія славянъ. Отсутствіе у нихъ храмовъ и жрецовъ показываетъ, что она была слабо развита, а поэтому и не могла оказать сильнаго сопротивленія христіанству, съ которымъ славяне должны были познакомиться, благодаря сношеніямъ съ Византіей.

Славяне не только вели войны съ греками, но и рано завели съ ними торговыя сношенія.

Земля полянъ и ихъ городъ Кіевъ, какъ указываетъ греческій императоръ Константинъ Багрянородный въ своемъ трудѣ „объ управленіи имперіей", получили особенное значеніе отъ того, что сюда стекались лодки съ товарами изъ разныхъ славянскихъ земель, чтобы затѣмъ отправиться по Днѣпру въ Черное море; они приставали въ одинъ изъ рукавовъ Дуная, откуда шли въ различные греческіе города. Славяне везли грекамъ воскъ, медъ, особенно мѣха и другое сырье, а отъ нихъ получали произведенія ихъ искусства и промышленности. Въ нашихъ кладахъ находятъ много вещей греческаго происхожденія VII—IX вѣковъ. Таково, напр., найденное въ 1912 году въ Полтавской губ. круглое литое блюдо, принадлежавшее Патерну, епископу города Томи близъ Варны въ Болгаріи (VII в.; рис. 13 и 14).

Кромѣ Кіева у славянъ, благодаря торговлѣ, образовался рядъ другихъ большихъ городовъ: Ладога и Новгородъ въ землѣ ильменскихъ славянъ, на рѣкѣ Волховѣ, Смоленскъ въ землѣ Кривичей и Любечъ въ землѣ сѣверянъ. Мирныя торговыя сношенія съ византійцами должны были содѣйствовать тому, что славяне стали уважать ихъ культуру, какъ высшую, и стараться усвоить ее. Это уваженіе сказалось, между прочимъ,

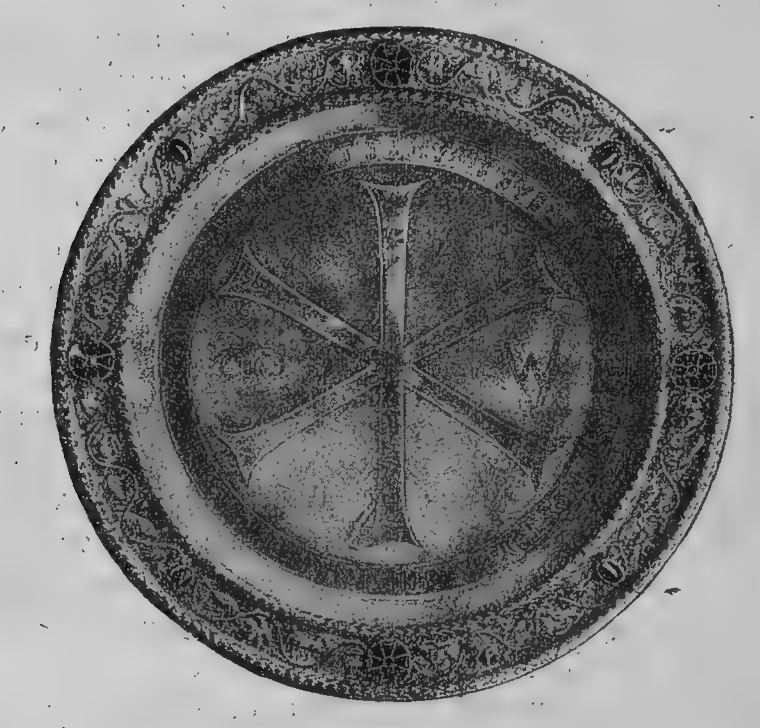

Рис. 13. Блюдо епископа Патерна. Находится въ Археологической Комиссіи.

въ томъ, что они назвали Константинополь Царь-градомъ, т.-е. царемъ городовъ.

Не у однихъ византійцевъ было славянамъ чему поучиться. Уже во II вѣкѣ между Чернымъ и Каспійскимъ морями появился полукочевой народъ хозары, происхожденіе котораго до сихъ поръ не выяснено. Они въ IX вѣкѣ жили главнымъ образомъ по низовьямъ Волги и Дона. Не смотря на то, что хозары вели полукочевой образъ жизни, они были народомъ торговымъ, довольно культурнымъ и имѣли значительные города (какъ городъ Итиль [1]) при самомъ впаденіи Волги въ

[1]) Итиль слово арабское. Арабы называли Волгу словомъ Итиль, что значить рѣка вообще. Городъ получилъ названіе отъ рѣки, подобно тому, какъ городъ Москва отъ рѣки Москвы.

море и Саркелъ на Дону, который называется въ нашей лѣтописи Бѣлой Вежей). Среди нихъ было много евреевъ, христіанъ и магометанъ, а самъ князь ихъ Каганъ исповѣдывалъ еврейскую вѣру. Хозары господствовали надъ булгарами, народомъ тюркскаго [1]) племени, жившимъ въ углу, образуемомъ рѣками Волгой и Камой. Булгары былъ также богатый и торговый народъ;

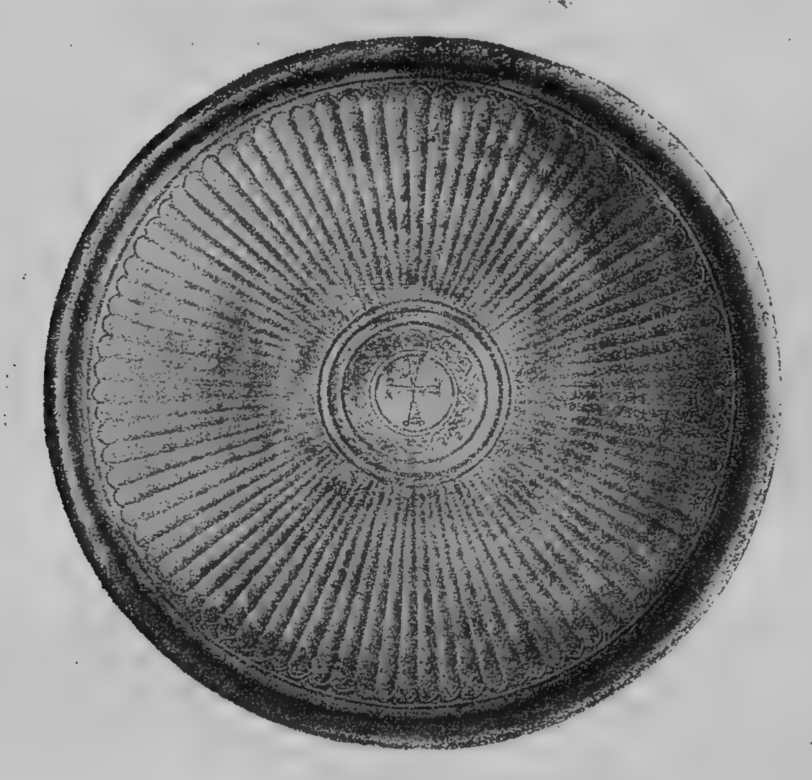

Рис. 14. Византійское блюдо, найденное въ Полтавской губерніи. Находится въ Археологической Комиссіи.

среди нихъ были хорошіе ткачи, ювелиры, кузнецы и другіе ремесленники. Булгары имѣли значительные города, между которыми главнымъ былъ городъ Булгаръ (рис. 15). Къ булгарамъ и хозарамъ пріѣзжали для торговли арабы, которые были въ то время очень образованнымъ народомъ (ихъ наука, въ особенности медицина и математика [2]), искусство такъ называемое мавританское и литература достигли высокой степени развитія). Арабы торговали здѣсь драгоцѣнными камнями, разными серебряными и золотыми вещами, бирюзой, доро-

[1]) Тюрки группа народовъ, родственныхъ монголамъ, населяющая значительную часть Азіи.

[2]) Алгебра получила свое начало у арабовъ.

гими тканями, а сами получали отсюда, подобно грекамъ, различное сырье, главнымъ образомъ мѣха и такъ называемый рыбій зубъ (клыки морского животнаго моржа; этотъ рыбій зубъ постоянно упоминается въ нашихъ былинахъ). Особенно цѣнился у нихъ мѣхъ черной (чернобурой) лисицы, которая тогда водилась во всей Европейской Россіи.

Съ хозарами славянамъ пришлось вести продолжительную борьбу и платить имъ дань (въ нашихъ былинахъ сохрани-

Рис. 15. Развалины зданія булгарскаго происхожденія на Волгѣ, такъ называемая „Черная палата“.

лась память объ этомъ: русскій богатырь Илья Муромецъ ведетъ борьбу съ богатыремъ изъ земли жидовской, несомнѣнно, представлявшимъ собою хозарскій народъ). Однако у нашихъ предковъ были и торговыя сношенія какъ съ булгарами, такъ и съ хозарами, а черезъ нихъ и съ арабами. Въ славянскихъ кладахъ попадается много вещей восточнаго происхожденія, какъ, напр., сасанидскія блюда (рис. 16). Сасаниды — персидская династія, четыреста лѣтъ господствова-

вшая въ Персіи. При этой династіи въ VII вѣкѣ Персія была покорена арабами. При Сасанидахъ особенно развилось ювелирное дѣло: изготовлялись большія серебряныя блюда съ

Рис. 16. Сасанидское блюдо.

изображеніемъ охоты царей и различныхъ фантастическихъ восточныхъ чудовищъ. Эти блюда арабы продавали вмѣстѣ съ другими драгоцѣнностями. Арабская монета (диргемы) была первой монетой, которая ходила у славянъ.

Такимъ образомъ ко времени образованія Русскаго государства наша страна не представляется совершенно дикимъ полемъ. Въ ней было сильно вліяніе византійской культуры— христіанской и арабской — мусульманской.

Весь сѣверъ нынѣшней Россіи и значительная часть средней были населены финнами, которые распадались на множество мелкихъ народцевъ. Они были въ культурномъ отношеніи ниже славянъ и должны были вслѣдствіе этого сами подчиниться ихъ вліянію. Славяне называли ихъ чудью (одинъ корень со словомъ чудакъ, означающимъ страннаго человѣка).

Среди финновъ долго держалось грубое язычество, даже фетишизмъ, и было много волхвовъ. Вслѣдствіе этого они были мало способны къ усвоенію христіанства. Точно также ниже славянъ въ культурномъ отношеніи стояли родственныя имъ племена литовскія, жившія въ лѣсныхъ и болотистыхъ мѣстахъ по р. Нѣману. Имъ суждено было выступить на историческое поприще позже славянъ.

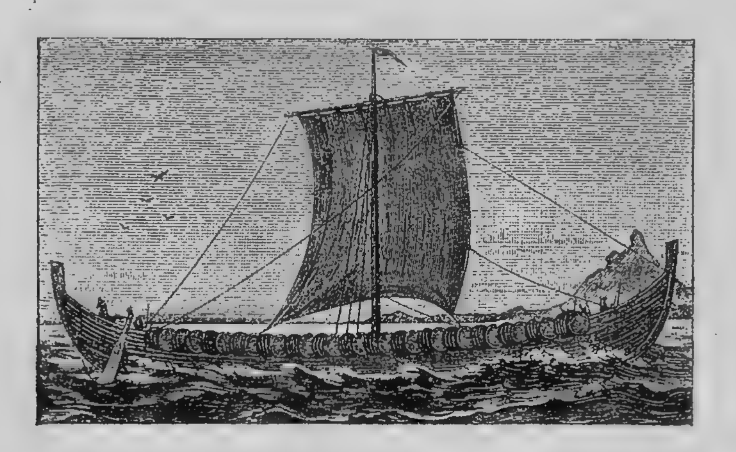

Рис. 17. Реставрація норманскаго судна, найденнаго въ Гокстадѣ въ Норвегіи.

Съ сѣверо-запада на славянъ нападали норманны (что значитъ сѣверные люди), — народъ германскаго племени, жившій на нынѣшнемъ Скандинавскомъ полуостровѣ. Норманны были очень воинственны и жестоки; ихъ витязи (викинги) со своими дружинами носились по морямъ, дѣлали внезапныя высадки въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ Европы и наводили на всѣхъ ужасъ (рис. 17), такъ что на Западѣ даже прибавили къ „Отче нашъ" новое прошеніе: „a furore normanorum libera nos, domine" [1]).

Многіе изъ этихъ викинговъ нанимались на военную службу въ разныя мѣста, особенно въ богатую Византію. Ихъ путь шелъ изъ Финскаго залива Невою въ Ладожское озеро, затѣмъ

[1]) „Избави насъ, Господи, отъ неистовства норманновъ".

Волховомъ, изъ Волхова въ озеро Ильмень, а оттуда до верховьевъ рѣки Ловати; затѣмъ приходилось тащить лодки по сушѣ до Днѣпра, по которому плыли въ Черное море, называвшееся тогда греческимъ (это—такъ называемый „великій водный путь изъ варягъ въ греки").

Съ этимъ воинственнымъ народомъ связаны извѣстія о началѣ Русскаго государства.

§ 2. **Преданіе о началѣ Руси. Различныя мнѣнія о томъ, кто были варяги. Олегъ и объединеніе славянскихъ племенъ подъ властью Кіева. Его договоръ съ византійцами. Преданіе объ его смерти. Игорь. Ольга. Святославъ.**

О началѣ Русской земли лѣтописецъ сообщаетъ такое преданіе: „Въ 6370 году (отъ сотворенія міра,—въ 862 году отъ Рождества Христова) славяне изгнали варяговъ за море, не дали имъ дани и стали управляться сами, но не было у нихъ праваго суда, а родъ всталъ на родъ и начались междоусобныя войны. Тогда они сказали между собою: „Поищемъ себѣ князя, который бы управлялъ нами и судилъ насъ по справедливости" и пошли за море къ варягамъ-руси. Послѣдніе назывались варяги-русь подобно тому, какъ другіе варяги называются шведами, норманнами, англами и готами. Сказали руси чудь, славяне и кривичи: „Земля наша велика и обильна, но нѣтъ въ ней власти; придите и управляйте нами". Вызвались три брата со своими родами; они взяли съ собою всю русь и пришли: старѣйшій Рюрикъ сѣлъ въ Новгородѣ (по другимъ спискамъ сначала въ Ладогѣ (рис. 18), а потомъ въ Новгородѣ), Синеусъ на Бѣлоозерѣ, а Труворъ въ Изборскѣ. Отъ тѣхъ варяговъ прозвалась Русская земля... Спустя два года умерли Синеусъ и Труворъ, и всю власть получилъ Рюрикъ, который роздалъ города своимъ мужамъ: одному Полоцкъ, другому Ростовъ, третьему Бѣлоозеро". Въ этомъ преданіи многое вызываетъ недоумѣнія. Во-первыхъ, кто такіе варяги-русь. Этотъ вопросъ рѣшали въ XVIII столѣтіи прежде всего наши академики—нѣмцы: Байеръ, Миллеръ и Шлецеръ. Они рѣшили его въ томъ смыслѣ, что варяги были норманнами. Такое мнѣніе имѣетъ за себя много данныхъ. Имена нашихъ первыхъ князей, несомнѣнно, норманскаго происхожденія. Императоръ Константинъ Багрянородный приводитъ названіе днѣпровскихъ пороговъ по-славянски и по-русски; русскія названія

оказываются норманскими. Въ западныхъ Бертинскихъ лѣтописяхъ упоминается о посольствѣ византійскаго императора Ѳеофила къ германскому императору Людовику Благочестивому (839 г.); съ этимъ посольствомъ пришли люди, называвшіе себя русью; они оказались шведами. Итальянскій епископъ Ліутпрандъ, современникъ Святослава, пишетъ: „Есть на Сѣверѣ народъ, котораго греки по наружности его называютъ Русью (Rusii, точнѣе: русыми), а мы, по положенію его ро-

Рис. 18. Остатки такъ называемой крѣпости Рюрика въ Старой Ладогѣ.

дины — норманнами"... Однако сторонники этой такъ называемой норманской теоріи впали въ крайность; они стали утверждать, что норманны первые принесли къ нашимъ предкамъ начатки культуры, тогда какъ мы видѣли, что славяне уже имѣли сношенія съ культурными народами. Эти ученые утверждали, что всѣ наши преданія, законы и учрежденія были заимствованы у норманновъ. Такія крайности вызвали противоположную крайность. Безсмертный Ломоносовъ, всю жизнь боровшійся у насъ съ нѣмецкимъ вліяніемъ, первый сталъ

утверждать, будто бы варяги были также славянами, но только западными — изъ Пруссіи.

Славянская теорія, т.-е. взглядъ, что варяги были славянами, нашла даровитыхъ сторонниковъ (историки Гедеоновъ, Иловайскій), но она не имѣетъ за себя такихъ вѣскихъ доказательствъ, какъ норманская; ея заслуга въ томъ, что она опровергла крайности норманской теоріи и доказала, что въ нашей исторіи незамѣтно сильнаго норманскаго вліянія.

Изученіе арабскихъ писателей показало, что названіе „русь" встрѣчается на югѣ нашей страны до призванія варяговъ; о томъ же свидѣтельствуютъ греческое житіе св. Георгія Амастридскаго и житіе св. Стефана Сурожскаго, написанное въ Россіи по византійскимъ источникамъ [1]).

Такъ какъ норманны не оказали большого вліянія на нашихъ предковъ, то знаменитѣйшій изъ нашихъ историковъ Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ полагалъ, что „русь", которая пришла съ Рюрикомъ и его братьями, была не народомъ, а разноплеменной дружиной норманскихъ викинговъ.

Для того, чтобы понять преданіе о началѣ Руси, нужно познакомиться ближе съ характеромъ норманновъ, какъ народа. Странно самое преданіе: славяне добровольно отказываются отъ свободы и идутъ къ варягамъ, которыхъ только что выгнали. Это становится понятно, если мы примемъ во вниманіе, что норманны всюду охотно служили, какъ военные наемники. Вѣроятно, и славяне призвали норманновъ, какъ наемниковъ, а тѣ подчинили ихъ своей власти. Народное преданіе смягчило обстоятельства непріятныя для народнаго самолюбія. Далѣе, ни одинъ народъ такъ легко не смѣшивался съ другими, какъ норманны (даже если они являлись побѣдителями). Плавая въ отдаленныя моря, они образовали герцогства въ Италіи и Франціи, но и тутъ, и тамъ быстро усвоили языкъ и нравы мѣстнаго населенія. Точно также французскіе норманны, овладѣвъ со своимъ герцогомъ Вильгельмомъ Завоевателемъ Англіей (1066 г.), очень легко смѣшались съ побѣжденнымъ населеніемъ—англо-саксами [2]).

По преданію, записанному въ лѣтописи, послѣ Рюрика сталъ править Олегъ за малолѣтствомъ сына Рюрика Игоря. Однако Олегъ княжилъ 33 года, такъ что Игорь былъ подъ опекой болѣе чѣмъ до сорокалѣтняго возраста; послѣднее со-

---

[1]) Амастрида, нынѣ Амассера,—городъ въ Малой Азіи. Сурожъ—городъ на Таврическомъ полуостровѣ, нынѣ селеніе Судакъ.

[2]) Рекомендуемъ прочесть блестящую монографію В. Г. Василевскаго: „Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константинополѣ XI и XII вѣковъ".

вершенно невѣроятно, а поэтому историкъ С. М. Соловьевъ предполагаетъ, что Олегъ правилъ какъ старшій въ родѣ. Онъ двинулся на югъ, завладѣлъ Смоленскомъ, а затѣмъ и Кіевомъ. О послѣднемъ событіи сохранилось слѣдующее преданіе: два дружинника Рюрика Аскольдъ и Диръ упросили Рюрика отпустить ихъ въ Византію, но по дорогѣ они захватили Кіевъ, собрали здѣсь много варяговъ и стали княжить. Когда Олегъ съ малолѣтнимъ Игоремъ приплылъ сюда, то онъ спряталъ своихъ воиновъ въ лодкахъ и велѣлъ сказать Аскольду и Диру: „Мы, варяжскіе гости, (т.-е. купцы), идемъ къ грекамъ отъ Олега и Игоря; придите повидаться со своими родичами...“ Не подозрѣвая обмана, Аскольдъ и Диръ пришли; тогда воины выскочили на берегъ изъ лодокъ, и Олегъ сказалъ кіевскимъ князьямъ: „Вы не князья и не княжескаго рода, а я рода княжескаго“... Тутъ вынесли Игоря, и Олегъ, указывая на него, прибавилъ: „А вотъ сынъ Рюриковъ“. Воины убили Аскольда и Дира. Аскольдъ былъ погребенъ на мѣстѣ убіенія, гдѣ поставили впослѣдствіи надъ его могилой церковь Св. Николая, а могила Дира была за монастыремъ Св. Ирины. Олегъ сталъ княжить въ Кіевѣ и назвалъ его „матерью городовъ русскихъ“.

Завладѣвъ Кіевомъ, Олегъ легко объединилъ подъ своею властью большинство славянскихъ племенъ, жившихъ по Днѣпру, До того времени они платили дань хозарамъ. По лѣтописи, Олегъ старался убѣдить ихъ въ томъ, что онъ врагъ не имъ. а хозарамъ. Тому, кто владѣлъ Кіевомъ и землей полянъ, легко было властвовать надъ другими славянами вслѣдствіе того, что ихъ главные матеріальные интересы (торговля съ греками) были связаны съ этимъ городомъ.

Въ 907 году Олегъ пошелъ противъ Византіи (рис. 19). Объ этомъ походѣ лѣтопись сообщаетъ много невѣроятныхъ народныхъ преданій. По преданію, греки заперлись въ Константинополѣ; опустошивъ окрестности его, Олегъ велѣлъ вытащить лодки на берегъ, поставить ихъ на колеса, поднять паруса и такимъ образомъ, при попутномъ вѣтрѣ, подошелъ къ городу; затѣмъ будто бы онъ прибилъ свой щитъ на вратахъ Царь-града, что у норманновъ означало полное покореніе города. Это—преувеличеніе, но, несомнѣнно, Олегъ былъ побѣдителемъ. Сохранился до насъ договоръ, заключенный этимъ княземъ съ Византіей въ 911 году. Видно, что условія дик-

товалъ онъ, такъ какъ въ основу договора были положены русскіе обычаи, а не письменные законы византійцевъ. По этому договору, русскіе купцы, приходившіе для торговли въ Византію, должны были получать содержаніе отъ византійской казны (мѣсячину). Они обязывались только стоять въ опредѣленномъ мѣстѣ, входить въ городъ партіями не болѣе 50 человѣкъ и безъ оружія. Если кто наносилъ ударъ мечемъ или какимъ-

Рис. 19. Русскіе подъ Царь-градомъ. Рисунокъ художника Тихонова.

нибудь другимъ оружіемъ, то за это долженъ былъ платить 5 литровъ серебра, по русскому обычаю, а не подвергаться наказаніямъ по византійскому праву. Наслѣдство русскихъ, которые служили въ Византіи, должно было итти ихъ родичамъ на Руси, тогда какъ по праву, существовавшему въ то время повсемѣстно, имущество умершаго иностранца, доставалось государству, гдѣ онъ жилъ. Наконецъ, обѣ договаривающіяся стороны обязывались оказывать другъ другу помощь въ случаѣ кораблекрушенія и взаимно выкупать плѣнныхъ.

Видно, что удачи князя произвели глубокое впечатлѣніе на воображеніе современниковъ. Они прозвали его „вѣщимъ", т.-е. мудрымъ или даже чародѣемъ. О смерти его сохранилось

поэтическое преданіе, которое всѣмъ хорошо извѣстно, благодаря безсмертной балладѣ Пушкина.

Какъ видно изъ всего сказаннаго, личность Олега покрыта густымъ облакомъ преданій, но во всякомъ случаѣ она историческая, такъ какъ сохранился его договоръ съ греками.

Рис. 20. Византійская ткань времени Македонской династіи, современной нашимъ первымъ князьямъ.

Послѣ Олега сталъ княжить Игорь, первый изъ нашихъ князей, имя котораго встрѣчается у византійскихъ историковъ. Онъ два раза ходилъ на Византію. Въ первый разъ русскихъ постигла неудача, благодаря такъ называемому „греческому

огню"; это былъ какой-то взрывчатый составъ, который греки бросали при помощи трубокъ; какъ онъ дѣлался — неизвѣстно. Имъ греки навели на нашихъ предковъ такой страхъ, что тѣ бросались въ воду, чтобы не сгорѣть, и, возвратясь на родину, разсказывали будто бы у грековъ въ рукахъ огонь. Однако, вернувшись домой, Игорь пополнилъ убыль въ войскахъ и

Рис. 21. Византійская ткань X вѣка.

двинулся на Византію. По словамъ лѣтописи, на этотъ разъ византійцы испугались и стали просить мира. Игорь согласился и, взявъ съ нихъ богатые дары, повернулъ на родину. Этому противорѣчатъ показанія греческихъ историковъ. И, дѣйствительно, договоръ, заключенный Игоремъ съ греками въ 945 году былъ выгоднѣе для нихъ, чѣмъ для него. Въ немъ преобладаетъ греческое право. Раньше русскіе могли покупать въ Византіи любые товары, — теперь имъ было запрещено вывозить дорогія ткани (рис. 20 и 21). Купцы должны были имѣть удостовѣрительныя грамоты отъ князя, — иначе визан-

тійцы имѣли право задерживать ихъ для удостовѣренія личности. Въ случаѣ сопротивленія русскихъ купцовъ, византійскія власти имѣли право убить ихъ и за это не подлежали отвѣтственности.

Время Игоря ознаменовалось появленіемъ въ степяхъ новыхъ азіатскихъ кочевниковъ — печенѣговъ. Печенѣги были народъ тюркскаго происхожденія гораздо менѣе культурный, нежели хозары и булгары. Хозары и булгары жили торговлей и промыслами, а печенѣги — набѣгами и грабежомъ. Они распространились по степямъ отъ Дона до Дуная (только устья Дона, Днѣпра и Дуная не были въ ихъ рукахъ). Эти новые степняки распадались на орды, называвшіяся по именамъ князей. Хотя Игорю и пришлось сразу столкнуться съ ними, тѣмъ не менѣе они были его союзниками въ походѣ на грековъ. Византійцы поняли пользу такихъ союзниковъ и стали богатыми дарами склонять ихъ на свою сторону. Константинъ Багрянородный пишетъ, что Имперіи нечего бояться русскихъ, если она въ союзѣ съ печенѣгами. Съ этого времени Русь пріобрѣла у себя подъ бокомъ опасныхъ враговъ, жившихъ постоянными грабежами.

Печально кончилъ свою жизнь Игорь. Лѣтописецъ разсказываетъ, что онъ собиралъ дань съ древлянъ, покоренныхъ еще Олегомъ. Когда князь уже возвращался домой, ему показалось что собрано мало, и онъ съ небольшой дружиной вернулся обратно. Тогда древляне сказали со своимъ княземъ Маломъ: „если повадится волкъ ходить, то перетаскаетъ всѣхъ овецъ“ и убили Игоря со всѣми его спутниками. Послѣ него осталась жена Ольга, родомъ изъ города Пскова (какъ показываетъ ея имя, она была несомнѣнно норманскаго происхожденія), и малолѣтній сынъ Святославъ.

По мало достовѣрному извѣстію греческаго историка Льва Діакона, о которомъ рѣчь будетъ ниже, Игорь погибъ въ походѣ противъ германцевъ (вѣроятно, историкъ разумѣетъ готовъ, жившихъ на Таврическомъ полуостровѣ), которые, будто бы, соединивъ два дерева, привязали къ нимъ Игоря и такимъ образомъ разорвали его пополамъ.

За малолѣтствомъ Игоря, Кіевскимъ княжествомъ управляла Ольга. По лѣтописи, она жестоко отомстила древлянамъ за смерть мужа и сожгла ихъ городъ Искоростѣнь. Всѣмъ извѣстные разсказы лѣтописи, соединенные съ ея местью,

столь наивны, что ихъ никакъ нельзя принимать иначе, какъ народныя сказанія. Лѣтопись рисуетъ эту княгиню мудрой правительницей: она объѣзжала свою землю и вездѣ ставила опредѣленныя дани и повинности. Во времена лѣтописца показывали въ разныхъ мѣстахъ ея „ловища“ (охота была тогда обычнымъ занятіемъ князей) и „становища“ (мѣста отдыха). Главнымъ дѣломъ ея было принятіе христіанства, по лѣтописи, въ 955 году въ Константинополѣ. Мудрой княгинѣ не трудно было познакомиться у себя на родинѣ съ христіанствомъ. Уже патріархъ Фотій [1]) говоритъ о массовомъ крещеніи Руси. То же самое подтверждается и раскопками (рис. 22). Во время Игоря христіанъ было достаточно въ Кіевѣ; объ этомъ свидѣтельствуютъ слова его договора съ византійцами: „а если изъ страны русской замыслятъ разрушить такую любовь (т.-е. союзъ съ греками), то пусть тѣ, которые приняли крещеніе, примутъ месть отъ Бога-Вседержителя: осужденіе на гибель и въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ; а тѣ которые не крещены, да не получатъ помощи ни отъ Бога, ни отъ Перуна, не защитятся своими щитами, но погибнутъ отъ своихъ мечей, отъ своихъ стрѣлъ и отъ всякаго своего оружія и будутъ рабами въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ“. Въ это время въ Кіевѣ уже существовала церковь св. Ильи, гдѣ и приносили присягу дружинники Игоря, принявшіе христіанство, въ томъ, что будутъ исполнять условія договора.

Рис. 22. Такъ называемый „корсунскій“ крестъ съ изображеніями святыхъ, исполненными инкрустаціей и рѣзьбой, VII или VIII вѣка. Найденъ въ Кіевской губерніи. Такихъ „корсунскихъ“ крестовъ на югѣ Россіи находятъ много.

---

[1]) Былъ патріархомъ съ 858 по 867 г. и вторично съ 878 по 886 г.

Что Ольга крестилась въ Константинополѣ подтверждается и византійскими историками. Они говорятъ о ней, какъ о женщинѣ очень мудрой и ревностной къ новой вѣрѣ. При св. крещеніи она была наречена Еленой.

Годъ крещенія Ольги, собственно говоря, точно не извѣстенъ. Императоръ, при которомъ Ольга была въ Византіи, Константинъ Багрянородный въ сочиненіи своемъ о церемоніалѣ византійскаго двора упоминаетъ о пріѣздѣ Ольги въ Константинополь въ 957 году, описываетъ пріемъ ея, но ни слова не говоритъ объ ея крещеніи. Между прочимъ въ свитѣ Ольги находился священникъ по имени Григорій. На этомъ основаніи наиболѣе авторитетные изъ нашихъ изслѣдователей историкъ русской церкви Голубинскій и академикъ Шахматовъ полагаютъ, что Ольга была въ Константинополѣ уже крещеной на Руси. Напротивъ, г. Пархоменко [1]) утверждаетъ, что Ольга была въ Константинополѣ еще язычницей и крестилась гораздо позже. Какъ на доказательство этого онъ указываетъ на то, что русская княгиня все еще называется у Константина языческимъ именемъ. Это возраженіе не важно: и св. Владиміръ, въ крещеніи Василій, продолжалъ именоваться Владиміромъ. Г. Пархоменко основывается на свидѣтельствѣ западнаго лѣтописца (гильдесгеймская лѣтопись), по которой въ 959 г. „пришли къ королю (Оттону I императору германскому),—какъ послѣ оказалось—съ неискренними намѣреніями,—послы Елены королевы руговъ, которая при константинопольскомъ императорѣ Романѣ крещена въ Константинополѣ...“ Императоръ Романъ II сынъ и преемникъ Константина Багрянороднаго царствовалъ отъ 959 до 963 г.

Историческій фактъ, крещеніе княгини Ольги, украшенъ въ лѣтописи совершенно невѣроятнымъ и наивнымъ народнымъ преданіемъ: императоръ византійскій сдѣлалъ предложеніе Ольгѣ, хотя ей было за 50 лѣтъ, а императоръ былъ уже женатъ. Ольга отвѣчала: „я язычница—крести меня самъ, иначе я не крещусь“. Императоръ былъ ея крестнымъ отцомъ; когда Ольга крестилась, онъ повторилъ ей свое предложеніе. Тогда Ольга указала ему на то, что по христіанскому закону крестный отецъ не можетъ жениться на крестной дочери. „Переклюкала мя еси“ (т.-е. перехитрила меня) отвѣчалъ ей императоръ.

Ольга напрасно стремилась склонить къ принятію христіанства сына своего Святослава. Онъ говорилъ, что его дру-

---

[1]) См. его книгу: „Начало христіанства на Руси“, Полтава, 1913 г.

жина будетъ надъ нимъ смѣяться. Однако, онъ не запрещалъ своимъ дружинникамъ принимать новую вѣру.

Святославъ былъ типъ настоящаго странствующаго норманскаго витязя, несмотря на свое славянское имя. Онъ съ успѣхомъ продолжалъ дѣло объединенія славянъ вокругъ Кіева. Такъ, онъ подчинилъ своей власти отдаленное славянское племя вятичей, жившее на Окѣ. Вслѣдствіе этого, ему, какъ и Олегу, пришлось столкнуться съ хозарами, бравшими дань съ вятичей. Святославъ нанесъ имъ окончательный ударъ (хозары и безъ того были обезсилены вслѣдствіе вторженія печенѣговъ): онъ взялъ ихъ главный городъ Саркелъ. Затѣмъ Святославъ проникъ на Кавказъ и покорилъ жившіе здѣсь народы—Ясовъ и Косоговъ.

Между тѣмъ обстоятельства сложились въ Византіи такъ, что сами греки обратились къ Святославу. Въ это время на византійскомъ престолѣ сидѣлъ императоръ Никифоръ Фока, одна изъ самыхъ величественныхъ фигуръ въ исторіи этого государства. Монахъ по образу жизни, онъ былъ великимъ полководцемъ и государственнымъ человѣкомъ; но время его царствованія было очень тяжелымъ для Византіи. Съ сѣвера на нее наступали дунайскіе болгары, съ востока арабы, а съ запада въ Италіи—германскій императоръ Оттонъ I. Никифоръ заключилъ перемиріе съ арабами и, воспользовавшись этимъ, нанесъ страшное пораженіе германскому императору, но противъ болгаръ онъ рѣшилъ противопоставить другихъ варваровъ—русскихъ. Онъ послалъ къ Святославу въ Кіевъ одного греческаго царедворца Калокира, чтобы убѣдить его напасть на болгаръ. Калокиръ очень подружился со Святославомъ и между друзьями состоялось тайное соглашеніе: Святославъ обязался послѣ смерти стараго и бездѣтнаго Никифора возвести Калокира на престолъ, а послѣдній уступалъ ему всю Болгарію. Святославъ явился на помощь Никифору, нанесъ страшныя пораженія болгарамъ и завладѣлъ ихъ городомъ Переяславцемъ (рис. 23). За это онъ получилъ много денегъ отъ императора.

Однако, по словамъ лѣтописи, русскія дѣла отвлекли Святослава отъ дѣлъ на Дунаѣ. На Кіевъ напали печенѣги, осадили его, и престарѣлая мать князя Ольга и его дѣти находились въ смертельной опасности. Люди умирали съ голоду и отъ недостатка воды. По преданію, такая смертельная опас-

Рис. 23. Сраженіе русскихъ съ болгарами. Изъ славянской рукописи Ватиканской библіотеки.

ность была предотвращена только благодаря удачной хитрости воеводы Претича [1]). Когда печенѣги отступили отъ Кіева, кіевляне послали къ Святославу звать его на помощь, грозя ему тѣмъ, что если онъ не придетъ, то печенѣги возьмутъ его престарѣлую мать съ его дѣтьми. Святославъ явился въ Кіевъ, повидался со своими, затѣмъ выступилъ противъ печенѣговъ и прогналъ ихъ далеко въ степь.

По словамъ лѣтописи, Святослава тянуло на Дунай. Онъ говорилъ матери: „не нравится мнѣ въ Кіевѣ; хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ, такъ какъ тамъ средоточіе моей земли. . . . Туда свозятъ всякія блага: отъ грековъ золото, ткани, вина, различныя овощи. . . изъ Руси мѣха, воскъ, медъ и челядь (рабы)". Отсюда видно, что Болгарія была важна для Святослава, въ виду ея торговаго значенія. Какъ было указано, она являлась посредницей въ торговлѣ между Русью и греками. Однако, уступая, по словамъ лѣтописи, просьбамъ матери, Святославъ пробылъ до ея смерти въ Кіевѣ. Послѣ ея смерти онъ опять направился на Дунай. Теперь обстоятельства сложились такъ, что тайный договоръ его съ Калокиромъ заставлялъ его вмѣшаться въ греческія дѣла. Никифора Фоку убилъ его родственникъ Іоаннъ Цимисхій, который и завладѣлъ престоломъ. Святославъ пошелъ противъ грековъ. Однако положеніе его сдѣлалось крайне затруднительнымъ. Съ одной стороны противъ него возстали болгары, которые съ неудовольствіемъ сносили иго русскихъ, а съ другой—ему пришлось имѣть дѣло съ войскомъ грековъ во много разъ превосходившимъ численностью русскихъ. Болгаръ Святославъ думалъ удержать подъ своей властью жестокостью и множество ихъ распялъ на крестахъ, но только еще болѣе раздражилъ ихъ. Несмотря на проявленныя имъ и его войскомъ чудеса храбрости, онъ долженъ былъ уступить превосходству греческихъ силъ. Войну эту описалъ намъ греческій діаконъ Левъ. Онъ показываетъ съ какимъ религіознымъ ужасомъ смотрѣли византійцы на нашествіе нашихъ предковъ. Греческій діаконъ вспоминаетъ пророчество Іезекіиля (гл. 38 и 39)

---

[1]) Хитрость состояла въ томъ, что воевода увѣрилъ печенѣговъ будто бы онъ командуетъ передовымъ отрядомъ Святослава, а сзади его идетъ князь съ несмѣтной силой: такого рода хитрость часто встрѣчается въ преданіяхъ различныхъ народовъ. Какъ всегда въ преданіяхъ непріятели представляются очень простоватыми.

о князѣ Роша, котораго Господь грозитъ навести на еврейскій народъ. Поэтому и окончательное торжество надъ русскими греки приписали не столько военнымъ талантамъ своего императора (дѣйствительно, выдающагося полководца), сколько непосредственному вмѣшательству св. мученика Ѳеодора Стратилата, котораго видѣли несущимся во главѣ ихъ войскъ. Святославъ долженъ былъ очистить Болгарію и на возвратномъ пути у днѣпровскихъ пороговъ былъ убитъ печенѣгами;

Рис. 24. Святославъ и его дружина. Рисунокъ художника Лисснера.

послѣдніе напали внезапно на его войско въ надеждѣ на богатую добычу.

Такъ кончилъ свою бурную жизнь этотъ мужественный князь-дружинникъ (рис. 24).

Изъ всего сказаннаго видно, что исторія первыхъ нашихъ князей наполнена преданіями и поэтому мало достовѣрна.

Болѣе достовѣрныя свѣдѣнія начинаются со времени св. Владиміра, принявшаго христіанство,—такъ какъ вмѣстѣ съ христіанствомъ къ намъ пришла и грамотность.

§ 3. Св. Владиміръ. Принятіе имъ христіанства. Крещеніе Руси. Послѣдствія этого событія. Грамотность. Искусства. Борьба св. Владиміра со степью. Сношенія съ Западомъ.

Уходя въ походъ на Дунай и думая остаться въ Болгаріи, Святославъ раздѣлилъ свою землю между тремя сыновьями. Кіевъ получилъ старшій сынъ Ярополкъ, Древлянскую землю второй—Олегъ, а Новгородскую третій—Владиміръ (рис. 25). Князь Ярополкъ, по преданіямъ, былъ юноша кроткій, склонялся къ христіанству и завелъ сношенія съ западными государствами. Однако, подъ вліяніемъ своего главнаго совѣтника Свѣнельда, сподвижника его отца, онъ разсорился со своимъ братомъ Олегомъ и началъ съ нимъ борьбу. Въ этой междоусобицѣ Олегъ погибъ. Однако Ярополка въ свою очередь погубилъ коварнымъ образомъ, при помощи воеводы Блуда, младшій братъ его Владиміръ. Владиміръ снова объединилъ подъ своей властью всю Русскую землю.

Рис. 25. Портретъ св. Владиміра, сдѣланный на основаніи его изображенія на монетѣ художникомъ кн. Г. Г. Гагаринымъ.

Владиміръ былъ сначала ревностнымъ язычникомъ, чему содѣйствовало его пребываніе въ Новгородѣ, такъ какъ здѣсь язычество было сильнѣе, нежели въ Кіевѣ, благодаря множе-

ству волхвовъ среди чуди здѣшней области. Подобно другимъ язычникамъ русскимъ, онъ имѣлъ нѣсколько женъ, но лѣтопись впадаетъ въ крайность, утверждая, что ихъ у него было 800. Однако, попавъ въ Кіевъ, князь быстро познакомился съ христіанствомъ и понялъ его превосходство надъ язычествомъ. Кромѣ того его влекла къ себѣ богатая и культурная Византія, сближеніе съ которой было невозможно безъ религіознаго единства. По словамъ лѣтописи, особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на Владиміра слѣдующій случай. Владиміръ совершилъ нѣсколько удачныхъ походовъ противъ вятичей, поляковъ и ятвяговъ [1]) и хотѣлъ отблагодарить боговъ за это торжественнымъ жертвоприношеніемъ; при этомъ должны были быть принесены въ жертву юноши или дѣвицы по жребію. Жребій палъ на сына одного варяга, принявшаго христіанство. Толпа пришла на дворъ христіанина и требовала выдачи его сына; отецъ громко прославлялъ христіанскаго Бога и хулилъ боговъ языческихъ; онъ говорилъ, что не отдастъ сына своего бѣсамъ; „если они боги", кричалъ онъ окружающимъ: „то пусть пришлютъ кого-нибудь изъ своей среды за нимъ". Толпа въ остервененіи разрушила домъ варяга и умертвила его вмѣстѣ съ сыномъ. Твердость христіанскихъ мучениковъ, по словамъ лѣтописи, заставила Владиміра задуматься надъ тѣмъ, гдѣ истина. Впрочемъ, изъ этого одного случая нельзя заключать, чтобы Владиміръ вообще преслѣдовалъ христіанъ: расправу съ варягами-христіанами учинила толпа, а не князь.

О принятіи христіанства Владиміромъ существуетъ въ лѣтописи такой недостовѣрный разсказъ. Къ Владиміру послѣдовательно приходили послы народовъ, исповѣдывавшихъ различныя религіозныя ученія и хвалили ихъ. Сначала пришли булгары-магометане и предлагали князю принять исламъ. Однако правила ислама не понравились Владиміру. Затѣмъ пришли нѣмцы и хвалили ему догматы римско-католической церкви, хотя въ то время она еще не отдѣлилась отъ восточной православной. Это показываетъ, что авторъ излагаемаго разсказа составилъ его уже послѣ 1054 года — года раздѣленія церквей. Послѣ нѣмцевъ пришли евреи, которые

---

[1]) Ятвяги—племя родственное Литвѣ, область котораго лежала на границѣ между рѣчными системами Вислы, Нѣмана и Днѣпра.

предлагали русскому князю вѣру іудейскую. Владиміръ спросилъ ихъ: „гдѣ земля ваша“. Они отвѣчали ему: „въ Іерусалимѣ“. „Такъ ли“, переспросилъ Владиміръ. — „Разгнѣвался Господь на отцовъ нашихъ“, сознались евреи: „и разсѣялъ насъ по разнымъ странамъ, а землю нашу далъ христіанамъ“. На это Владиміръ отвѣчалъ: „Такъ что же? вы хотите, чтобы и насъ постигло то же самое“. Здѣсь мы видимъ опять позднее происхожденіе этого разсказа: при св. Владимірѣ Іерусалимъ принадлежалъ магометанамъ, а не христіанамъ; христіанамъ онъ сталъ принадлежать только послѣ 1099 года, когда былъ завоеванъ западно-европейскими рыцарями. Болѣе всѣхъ произвелъ впечатлѣніе на Владиміра греческій философъ, показавшій ему картину страшнаго суда. „Добро тѣмъ, которые стоятъ одесную“ сказалъ князь. — „Крестись и будешь съ ними“, отвѣчалъ философъ, и затѣмъ лѣтописецъ приводитъ его длинную рѣчь, составленную по книгамъ священнаго писанія.

Далѣе, по словамъ лѣтописи, Владиміръ созвалъ дружину свою и старцевъ градскихъ, т.-е. городскихъ старшинъ, и разсказалъ имъ все слышанное отъ иностранныхъ проповѣдниковъ. Они дали ему такой совѣтъ: „Никто не бранитъ свое, но хвалитъ; если хочешь испытать должнымъ образомъ разныя вѣры, то пошли людей посмотрѣть кто какъ служитъ Богу“. Владиміръ такъ и сдѣлалъ. Съ этой цѣлью были посланы разумные мужи. Ни одна вѣра не понравилась имъ, кромѣ греческой; „когда же мы были у грековъ“, разсказывали они князю и дружинѣ: „то не знали, находимся ли мы на землѣ или на небѣ. Никто, вкусивъ сладкаго, не захочетъ горькаго,—такъ и мы не хотимъ никакой вѣры, кромѣ греческой. На это дружина сказала князю: „если бы вѣра греческая была не хороша, то не приняла бы ее бабка твоя Ольга, мудрѣйшая изъ людей“.

Однако Владиміръ не сразу крестился отъ грековъ. Въ то время существовалъ взглядъ, будто бы духовный просвѣтитель долженъ властвовать надъ своими духовными чадами. На этомъ основаніи римскій папа высказывалъ претензіи на господство надъ всѣмъ Западомъ. Патріархъ Фотій уже называлъ въ числѣ подданныхъ Византійской имперіи руссовъ, только что крестившихся отъ нея. Поэтому Владиміръ, по лѣтописи, рѣшилъ завоевать вѣру: онъ двинулся противъ Хер-

сонеса Таврическаго, который русскіе называли Корсунью, и осадилъ его. Городъ представлялъ собою неприступную крѣпость. Однако среди осажденныхъ нашелся, по словамъ преданія, измѣнникъ, по имени Анастасъ, который пустилъ стрѣлу въ русскій лагерь съ надписью, указывавшей какъ перехватить воду у осажденныхъ. Владиміръ такъ и сдѣлалъ, и Корсунь была взята. Взявъ Корсунь Владиміръ послалъ пословъ въ Византію, гдѣ въ то время царствовали два брата императоры Василій и Константинъ, просить руки ихъ сестры Анны; иначе онъ грозилъ итти на Константинополь. Родство съ единственнымъ въ то время царскимъ родомъ должно было быть очень лестнымъ для князя. Братья-императоры отвѣчали, что не могутъ выдать свою сестру за язычника. Владиміръ выразилъ согласіе креститься. Трудно было уговорить царевну Анну отправиться къ русскимъ, которымъ греки приписывали большую жестокость и дикость. Царевна говорила, что идетъ къ русскому князю, какъ на смерть, но должна была подчиниться политическому расчету [1]. По словамъ лѣтописи, Владиміръ крестился въ Корсуни, принявъ имя Василія [2]), взялъ съ собою Анну, Анастаса, иконы, мощи и церковные сосуды и вернулся на Русь. Привезъ онъ съ собой и памятники греческаго искусства, а именно — четыре мѣдныхъ коня, которыхъ, по словамъ лѣтописца, незнающіе люди принимали за мраморныхъ.

Въ Корсуни онъ построилъ церковь, существовавшую еще во время лѣтописца. Самый городъ былъ отданъ имъ греческимъ императорамъ, какъ свадебный даръ за Анну.

Вернувшись въ Кіевъ, Владиміръ велѣлъ всѣмъ русскимъ креститься и истреблять идоловъ (988 г.). Кіевляне крестились безъ труда, такъ какъ распространеніе здѣсь христіанства было задолго подготовлено. Изъ Кіева христіанство стало быстро распространяться по всѣмъ землямъ русскимъ. Правда, мѣстами оно встрѣчало сопротивленіе со стороны волхвовъ, которые были заинтересованы въ поддержаніи язычества. Такъ, новгородцевъ, по преданію, увлекъ къ сопротивленію новой вѣрѣ волхвъ Богумилъ, прозванный „Соловьемъ“ за сладость

---

[1]) Вскорѣ Византійскіе императоры убѣдились въ томъ, какъ имъ выгоденъ союзъ съ русскимъ княземъ: послѣдній помогъ имъ усмирить мятежнаго полководца Варда-Фоку.

[2]) Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ именоваться и Владиміромъ.

рѣчи. Здѣсь, по тѣмъ же преданіямъ, силой насаждали христіанство дядя св. Владиміра Добрыня и посадникъ Путята. Впослѣдствіи существовала поговорка: „Путята крестилъ Новгородцевъ мечемъ, а Добрыня—огнемъ".

Въ лѣтописи встрѣчается другое извѣстіе о крещеніи Владиміра, а именно до похода на Корсунь въ городѣ Василевѣ, на Днѣпрѣ, но лѣтописецъ не вѣритъ этому; однако это мнѣніе принимаетъ академикъ Голубинскій въ своей „Исторіи русской церкви".

Принятіе христіанства имѣло неизмѣримыя культурныя послѣдствія для нашей родины. Во первыхъ, къ намъ съ христіанствомъ пришла и грамотность. Славянская азбука была изобрѣтена святыми братьями-иноками Кирилломъ († въ 869 г.) и Меѳодіемъ († въ 885 г.), происходившими изъ греческаго г. Солуни. Они проповѣдывали вѣру Христову нашимъ братьямъ-славянамъ, жившимъ въ Моравіи и Чехіи. Человѣкъ широко образованный, св. Кириллъ [1]) понялъ, по словамъ его житія, что „проповѣдывать безграмотнымъ все равно, что писать на пескѣ". Святые братья перевели священныя книги на славянскій языкъ. Эти книги проникли съ христіанствомъ въ Россію. Владиміръ любилъ, по словамъ лѣтописи, „словеса книжныя"; онъ устроилъ въ Кіевѣ и въ другихъ городахъ школы, велѣлъ брать дѣтей знатныхъ гражданъ и отдавать ихъ туда въ ученіе. Сначала матери плакали по этимъ дѣтямъ, какъ будто они шли на смерть, но скоро наши предки оцѣнили пользу книжнаго ученья. Послѣ появленія грамотности, вѣроятно, скоро стали записываться происходившія на Руси событія, а потому наша исторія со времени св. Владиміра становится достовѣрнѣе. Вмѣстѣ съ христіанствомъ и грамотностью проникло къ намъ и искусство. Оно прежде всего сказалось въ убранствѣ церквей. Владиміръ построилъ въ Кіевѣ церковь Пресвятой Богородицѣ, на которую пожертвовалъ десятую часть своихъ доходовъ. Поэтому эта церковь стала называться Десятинной (рис. 26). Русскія церкви стали строиться по образцу греческихъ (такъ называемый византійскій стиль). Храмы византійскіе представляли собою четыреугольныя зданія, раздѣленныя пилонами, то есть столбами,

[1]) Онъ воспитывался при константинопольскомъ дворѣ и былъ впослѣдствіи библіотекаремъ храма св. Софіи, самаго большого собранія книгъ въ то время.

на которыхъ покоились своды зданія, такъ, что въ основаніи получался равносторонній крестъ. Средина этого равноконечнаго креста увѣнчивалась куполомъ; иногда помѣщались купола меньшаго размѣра и надъ сторонами креста. Окна храмовъ бывали обыкновенно большихъ размѣровъ; стѣны украшались фресками и мозаиками, что придавало зданію характеръ свѣтлый, радостный, въ противоположность мрачнымъ зданіямъ тогдашней западной Европы.

Рис. 26. Развалины Десятинной церкви до ихъ срытія. (Извѣстная теперь въ Кіевѣ подъ именемъ Десятинной церковь построена въ прошедшемъ столѣтіи).

Греческое искусство быстро распространялось у насъ; образцомъ его могутъ служить русскія золотыя и серебряныя вещи, находимыя въ нашихъ кладахъ. Обыкновенно онѣ украшались „финифтью“, то есть эмалевыми орнаментами и изображеніями (святыхъ угодниковъ, растеній, райскихъ птицъ и т. д.) (рис. 27). Эти вещи дѣлались на Руси по византійскимъ образцамъ, но почти не уступаютъ оригиналамъ.

Еще важнѣе было вліяніе принятія св. крещенія на нравственность общества. Церковь уничтожила многоженство и потребовала отъ отцовъ семействъ вѣрности ихъ законнымъ женамъ и христіанскаго обращенія со всѣми домашними, не исключая рабовъ. Всѣ семейныя дѣла разбирались епископами и священниками, которые строго смотрѣли за чистотой нравовъ. Судили они по церковнымъ правиламъ, а не по русскимъ обычаямъ. Эти правила были изложены въ

Византіи въ книгѣ, называемой „Номоканонъ" (въ Россіи—„Кормчая книга"). Точно также церковь взяла подъ свою защиту всѣхъ слабыхъ и беззащитныхъ людей (слѣпыхъ, больныхъ, увѣчныхъ и т. д.); такіе люди стали называться „богадѣльными". (Отсюда слово; „богадѣльня"). Ихъ положеніе въ первобытномъ обществѣ, основанномъ на силѣ, было особенно тяжело.

Владиміръ былъ любимцемъ своего народа. Долго потомъ пѣлись пѣсни про „ласковаго князя Владиміра" и „Владиміра Красное Солнышко". Въ этихъ пѣсняхъ много говорится о пирахъ Владиміра. Пиры его имѣли, повидимому, двойную цѣль: съ одной стороны удовлетворить потребности молодого свѣ-

Рис. 27. Золотыя украшенія съ эмалевыми изображеніями райскихъ птицъ и лилій, сдѣланныя на Руси по византійскимъ образцамъ.

жаго народа въ весельѣ, а съ другой и христіанскую благотворительность. На пиръ къ князю могъ притти каждый нуждающійся и ѣсть до-сыта. Кто не могъ притти, тому пища посылалась на домъ. Лѣтопись сообщаетъ такое любопытное извѣстіе. Вслѣдствіе доброты новокрещеннаго князя очень размножились разбойники. Духовенство, состоявшее главнымъ образомъ изъ грековъ, стало убѣждать его казнить злодѣевъ смертью. „Боюсь грѣха", отвѣчалъ милосердный князь. Однако Владиміръ убѣдился доводами своихъ духовныхъ отцовъ и сталъ казнить разбойниковъ смертью. Черезъ нѣсколько времени духовенство само сообразило, что смертная казнь не въ нравахъ русскаго общества и посовѣтовало князю брать вмѣсто нея по русскому обычаю денежныя пени (виры).

Точно также былъ любимъ св. Владиміръ и за свою борьбу со степью. Печенѣги причиняли много вреда мирному русскому населенію. Владиміръ противъ дикихъ кочевниковъ по-

строилъ много городовъ по Деснѣ и другимъ лѣвымъ притокамъ Днѣпра. Изъ этихъ городовъ особенно замѣчателенъ былъ Переяславль, на рѣкѣ Трубежѣ, построенный, по преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ русскій богатырь побѣдилъ печенѣжскаго и такимъ образомъ „переялъ славу". Вообще о борьбѣ Владиміра со степью сохранилось много преданій, показывающихъ, что эта борьба была очень популярна у нашихъ предковъ (обыкновенно народныя преданія имѣютъ сво-

Рис. 28. Владиміръ съ дружиной. Изъ рукописнаго житія Бориса и Глѣба XIV вѣка.

имъ предметомъ событія, произведшія особенное впечатлѣніе на народъ).

Въ былинахъ богатыри св. Владиміра—Илья Муромецъ, Добрыня Никитычъ и Алеша Поповичъ—постоянно ведутъ борьбу въ степи съ иноземными богатырями. Земледѣлецъ (крестьянинъ) Илья, дружинникъ княжескаго рода Добрыня и поповичъ Алеша являются представителями классовъ, на которые распадалось тогдашнее свободное общество. Въ былинахъ, конечно, много анахронизмовъ (ошибокъ во времени): Илья борется и съ „богатыремъ изъ земли жидовской" (хотя Владиміру не приходилось уже бороться съ хозарами) и съ

татарами, которые явились гораздо позже. Въ лѣтописи Владиміръ является по преимуществу княземъ дружинникомъ (рис. 28). Безъ совѣта съ дружиной онъ ничего не предпринималъ. По лѣтописному разсказу, однажды на пиру дружина стала роптать на то, что ей подали деревянныя ложки. Владиміръ велѣлъ подать серебряныя и сказалъ: „серебромъ и золотомъ я не добуду дружины, а съ дружиной добуду серебро и золото"...

Св. Владиміръ велъ мирныя сношенія съ западными народами; къ нему приходили послы и отъ римскаго папы „съ любовью и честью", и отъ королей чешскаго и угорскаго (венгерскаго). Въ свою очередь онъ посылалъ, какъ впослѣдствіи Петръ Великій, своихъ людей и на Западъ и на Востокъ знакомиться съ чужими землями и ихъ обитателями.

Скончался св. Владиміръ въ глубокой старости 15 іюля 1015 г. въ своемъ селѣ Берестовѣ. Онъ былъ погребенъ въ Десятинной церкви. Православная церковь чтитъ его, какъ святаго и равноапостольнаго.

§ 4. Кіевская Русь при Ярославѣ Мудромъ и его потомкахъ. Княжескія междоусобицы и борьба за старшинство и за волости. Владиміръ Мономахъ. Борьба съ половцами. Слово о полку Игоревѣ. Государственный и общественный бытъ Кіевской Руси въ исходѣ XII вѣка.

Послѣ смерти Владиміра осталось 12 сыновей, между которыми онъ еще при жизни раздѣлилъ Русскую землю. Кіевъ получилъ его старшій сынъ Святополкъ. Среди сыновей св. Владиміра особенно былъ любимъ дружиной Борисъ, который въ это время былъ посланъ отцомъ противъ печенѣговъ. Онъ вмѣстѣ со своимъ братомъ Глѣбомъ представлялъ собою высокій примѣръ христіанской кротости и незлобія. Дружина совѣтовала ему итти противъ Святополка и овладѣть Кіевомъ. Однако богобоязненный князь рѣшительно отказался, заявивъ: „Не подниму руки на брата моего старшаго". Не такъ думалъ Святополкъ. Стремясь овладѣть всей Русской землей онъ, при помощи наемныхъ убійцъ, убилъ того же самаго Бориса, а затѣмъ Глѣба и третьяго брата— Святослава. Мстителемъ за пролитую кровь явился братъ Ярославъ, сидѣвшій княземъ въ Новгородѣ. Между обоими братьями шла упорная борьба. Ярославъ опирался на призванныхъ изъ-за моря варяговъ, а Святополкъ на своего тестя короля

польскаго Болеслава Храбраго. Сначала одолѣлъ Святополкъ, и Ярославъ долженъ былъ бѣжать. Однако Святополкъ скоро не поладилъ со своимъ тестемъ, который и покинулъ его. На этотъ разъ побѣда увѣнчала Ярослава. Святополкъ бѣжалъ въ Венгрію, гдѣ и погибъ. Народъ справедливо назвалъ его окаяннымъ (то есть проклятымъ).

Овладѣвъ Кіевомъ, Ярославъ постепенно объединилъ подъ своей властью всю Русскую землю. Противъ него выступилъ было его братъ Мстиславъ, княжившій въ Тмутаракани и даже одержалъ надъ нимъ побѣду. Однако Мстиславъ добровольно уступилъ Кіевъ Ярославу, какъ старшему. Братья подѣлили Русскую землю Днѣпромъ. Правая сторона принадлежала Ярославу, а лѣвая Мстиславу. Когда же Мстиславъ умеръ, въ 1036 году, то и его область отошла къ Ярославу („бысть самовластенъ“ по выраженію лѣтописи).

Все княженіе Ярослава наполнено войнами: на югѣ онъ продолжалъ борьбу Владиміра съ печенѣгами, на сѣверѣ съ финнами, а на западѣ съ литвой и ятвягами. Подобно Владиміру, онъ строилъ города на окрайнахъ тогдашней Руси, чтобы укрѣпить ихъ. Такъ въ нынѣшней Лифляндской губерніи онъ построилъ г. Юрьевъ (его христіанское имя было Георгій по славянски Юрій; преемники св. Владиміра продолжали имѣть по два имени), а на Волгѣ—Ярославль. Южную границу Кіевскаго княжества онъ укрѣпилъ острожками (небольшими укрѣпленіями и сталъ здѣсь селить плѣнныхъ поляковъ. Тѣмъ не менѣе Ярославъ не забывалъ и мирныхъ занятій: онъ много заботился о распространеніи христіанства, просвѣщенія и о подготовкѣ священнослужителей изъ русскихъ: при немъ былъ поставленъ первый митрополитъ Кіевскій изъ русскихъ Иларіонъ. Ярославъ основалъ Софійскій соборъ въ Кіевѣ и Софійскій соборъ въ Новгородѣ. При Софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ, по его повелѣнію, было собрано много рукописей для общаго пользованія и, такимъ образомъ, положено начало первой у насъ публичной библіотеки. При немъ пріѣхавшіе греки обучали русскихъ церковному пѣнію. Кромѣ того, Ярославъ построилъ монастыри св. Георгія и св. Ирины (жена Ярослава норманская княжна Ингеерда въ Россіи называлась Ириной). За свое правленіе онъ справедливо былъ названъ народомъ „Мудрымъ“.

Кіевскій соборъ святой Софіи является драгоцѣннымъ па-

Рис. 29. „Нерушимая стѣна“. Мозаика.

мятникомъ нашей старины: онъ украшенъ такими чудесами искусства, которымъ до сихъ поръ дивятся иностранные путешественники. Таковы знаменитыя мозаики Софійскаго собора. Особенно знамениты: огромный образъ Божіей Матери съ воздѣтыми къ небу руками, извѣстный подъ именемъ „Нерушимая Стѣна" (рис. 29), и образъ Евхаристіи (Причащенія), изображающій Спасителя причащающаго своихъ учениковъ Тѣломъ и Кровью Своими (рис. 30; это было, очевидно, изображено въ обличеніе римско-католической церкви, гдѣ въ то время стали причащать мирянъ подъ однимъ видомъ, то есть безъ чаши); далѣе—Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы, отличающееся

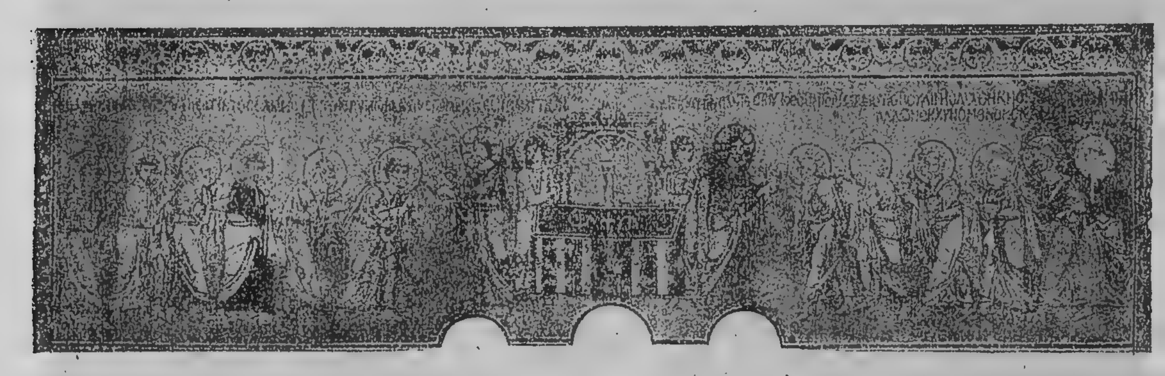

Рис. 30. Евхаристія. Мозаика.

большой живостью изображенія. Богородица, противъ обыкновенія, изображена съ прялкой въ рукахъ, а не за книгой (рис. 31 и 32). Не менѣе замѣчательны фрески. Таково, напримѣръ, изображеніе князя съ семьей, отъ котораго сохранилась только часть (рис. 33). Фрески на лѣстницѣ, которая вела, можетъ быть, въ находившійся рядомъ теремъ, были свѣтскаго характера и изображали бытовыя сцены: охоту, шутовъ и т. д. (рис. 34). Вообще Ярославъ украсилъ Кіевъ различными зданіями, обвелъ его новыми стѣнами и устроилъ въ нихъ, такъ называемыя, золотыя ворота, по образцу византійскихъ. Надъ ними помѣщалась церковь во имя Благовѣщенія. Въ настоящее время сохранились только развалины этихъ воротъ (рис. 35). Нѣмецкій лѣтописецъ Титмаръ Мерзенбургскій, современникъ Ярослава, признавалъ Кіевъ самымъ обширнымъ городомъ Европы. Другой нѣмецкій лѣтописецъ Адамъ Бременскій называлъ Кіевъ соперникомъ Царь-града.

Ярославъ былъ въ сношеніяхъ со всѣми государствами современной ему Европы. Польскій король Казимиръ былъ

женатъ на его сестрѣ, а сынъ Ярослава Изяславъ—на сестрѣ Казимира. Дочери Ярослава были замужемъ за королями норвежскимъ, французскимъ и венгерскимъ; сынъ его Всеволодъ былъ женатъ на греческой принцессѣ изъ рода Мономаховъ.

Рис. 31. Архангелъ благовѣствуетъ. Мозаика.

Рис. 32. Богоматерь съ пряжкой. Мозаика.

Объ Ярославѣ много говорится въ норманскихъ сказаніяхъ (такъ называемыхъ исландскихъ сагахъ). Многіе короли Европы искали союза и помощи Ярослава. Такъ король норвежскій св. Олафъ, изгнанный своими подданными за распространеніе христіанства, нашелъ у него себѣ пріютъ.

Ярославъ скончался въ 1054 году и былъ погребенъ въ Софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ (рис. 36).

Въ концѣ жизни Ярослава возникъ самый знаменитый изъ русскихъ монастырей Кіево-Печерскій, нынѣ лавра [1]) (рис. 37). Онъ былъ основанъ на южной оконечности возвышенности, занимаемой Кіевомъ, надъ Днѣпромъ, близъ села

Рис. 33. Часть фрески, изображающей семью князя.

Берестова. Мѣсто, гдѣ онъ возникъ, представляло собою два холма, раздѣляемыхъ глубокой ложбиной, спускающейся къ Днѣпру, и покрытыхъ лѣсомъ. Здѣсь выкопалъ себѣ пещеру священникъ села Берестова Иларіонъ, чтобы предаваться на-

[1]) Лавра—почетный титулъ особенно важныхъ монастырей, которые подчинены непосредственно св. синоду.

единѣ подвигамъ благочестія. Вскорѣ онъ былъ поставленъ митрополитомъ. Въ это время пришелъ сюда нѣкто Антоній, уроженецъ города Любеча, постригшійся въ монахи на горѣ Аѳонѣ въ Греціи. Онъ поселился въ пещерѣ Иларіона и сталъ вести самый строгій образъ жизни. Къ нему стекались благочестивые люди, желавшіе удалиться отъ міра. Когда число ихъ возрасло до 12, они построили себѣ кельи и церковь. Антоній поставилъ имъ игуменомъ Варлаама, а самъ удалился на ближайшую гору, гдѣ выкопалъ себѣ новую пещеру. Осо-

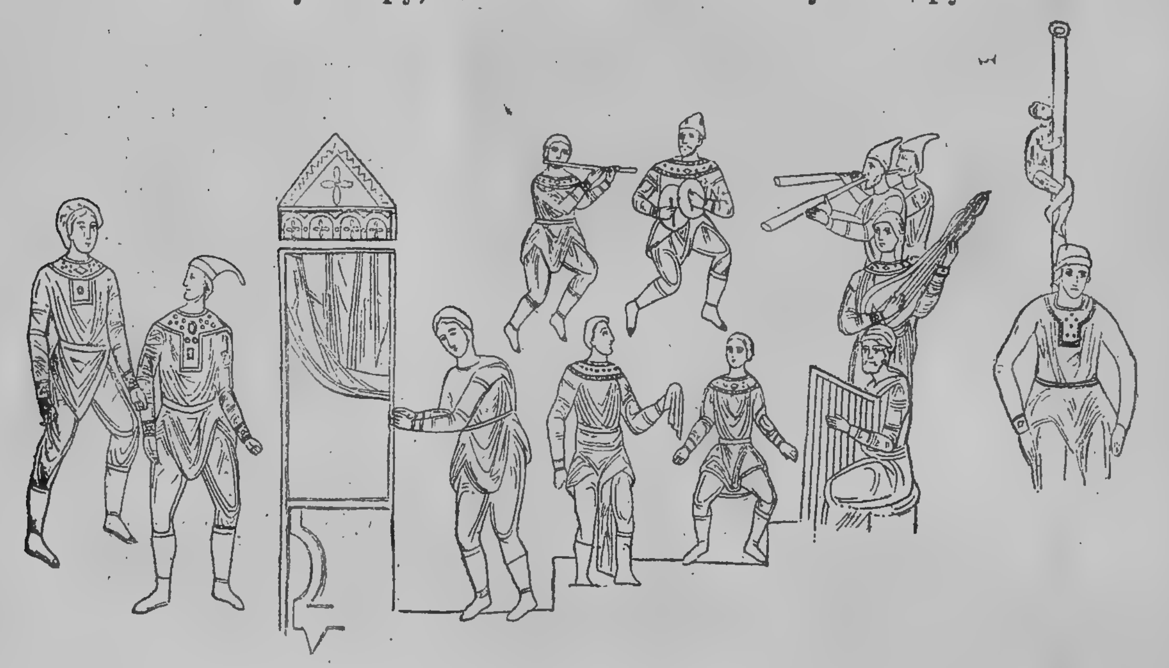

Рис. 34. Часть фресокъ на лѣстницѣ въ Софійскомъ соборѣ.

бенно увеличился и пріобрѣлъ значеніе монастырь при третьемъ игуменѣ—Ѳеодосіи (изъ г. Курска). Св. Антоній былъ человѣкъ склонный къ созерцательной жизни и уединенію. Напротивъ, Ѳеодосій не чуждался общенія съ мірянами съ цѣлью ихъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія и былъ чрезвычайно отзывчивъ на ихъ духовныя нужды. Объ этомъ свидѣтельствуютъ его превосходныя проповѣди противъ пьянства и остатковъ язычества. Онъ говорилъ простымъ и всѣмъ доступнымъ народнымъ языкомъ, чѣмъ выгодно отличался отъ другихъ нашихъ духовныхъ лицъ того времени, по большей части, греческаго или болгарскаго происхожденія. Князья чтили св. Ѳеодосія, и онъ пользовался этимъ въ интересахъ меньшей братіи, заступаясь за невинно-обиженныхъ. Этотъ свя-

той игуменъ основалъ при монастырѣ страннопріимный для нищихъ и убогихъ домъ, на который употреблялъ одну десятую долю монастырскихъ доходовъ: пожертвованія стекались въ монастырь со всѣхъ сторонъ. Самый монастырь при Θеодосіи былъ расширенъ и украшенъ. Была заложена великая каменная церковь, украшенная мозаиками и фресками работы цареградскихъ мастеровъ (окончена уже послѣ смерти святого). Монахи переселились въ кельи изъ пещеръ, которыя сдѣлались усыпальницами почившей братіи (рис. 38). Скоро Печерскій монастырь сдѣлался центромъ нашего религіознаго просвѣщенія: отсюда шли во всѣ стороны Русской земли проповѣдники слово Божьяго. Здѣсь принялъ постриженіе св. Леонтій, первый епископъ Ростовскій, обратившій въ христіанство Ростовскій край, населенный главнымъ образомъ финнами (умеръ около 1077 г.). Изъ Кіево-Печерскаго монастыря вышелъ просвѣтитель вятичей св. Кукша, который былъ убитъ язычниками за проповѣдь св. Евангелія (1113 г.). Велики заслуги монастыря и передъ свѣтской образованностью; монахи его много содѣйствовали распространенію у насъ грамотности и книгъ. Здѣсь была составлена наша начальная лѣтопись (см. введеніе), чему содѣйствовало особенно положеніе монастыря: въ него стекались люди съ разныхъ концовъ Русской земли, а поэтому иноки могли лучше чѣмъ кто-либо слѣдить за судьбами родного народа. Подвиги отцовъ монастыря изложены

Рис. 35. Золотыя ворота.

Рис. 36. Гробница Ярослава въ Софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ.

въ памятникѣ, извѣстномъ подъ названіемъ: „Патерикъ Печерскій“, являющемся также драгоцѣннымъ матеріаломъ для изученія быта и воззрѣній того времени (XIII в.).

Умирая, Ярославъ раздѣлилъ всю Русскую землю своимъ сыновьямъ: старшему—Изяславу онъ отдалъ самое важное княжество—Кіевское и Новгородъ, второму Святославу—Черниговское, третьему Всеволоду—Переяславское, четвертому Вячеславу—Смоленское, пятому Игорю—Владиміро-Волынское.

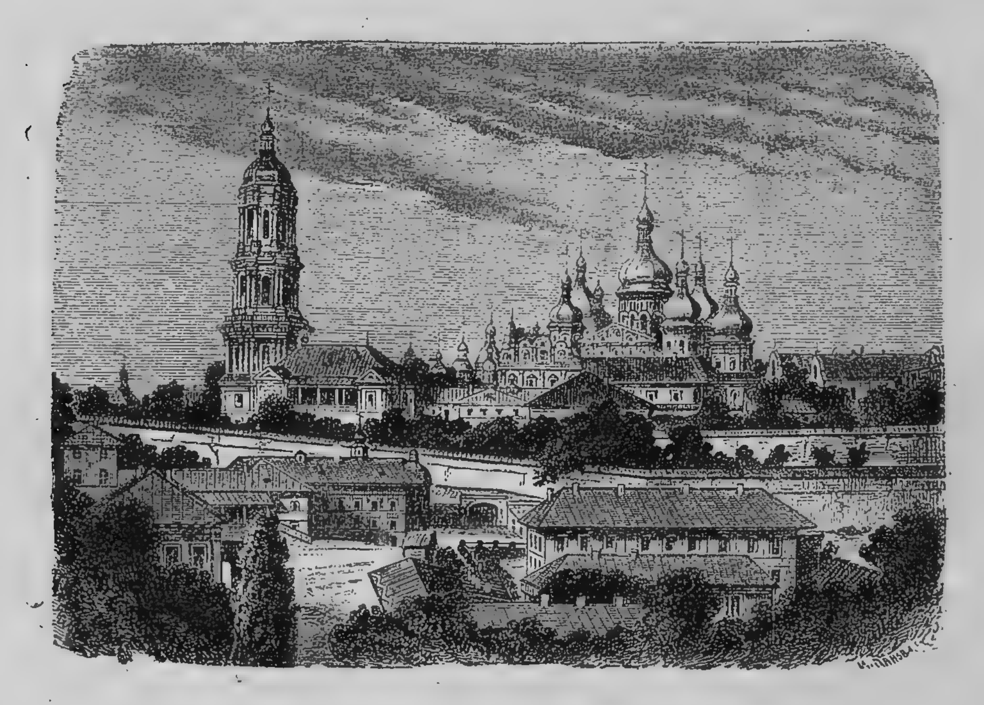

Рис. 37. Кіево-Печерская лавра. Общій видъ въ настоящее время.

Онъ убѣждалъ ихъ жить въ мирѣ и любви, говоря, что если они будутъ жить дружно, то Господь покоритъ имъ всѣхъ враговъ; если же они начнутъ между собою междоусобицу, то сами погибнутъ и погубятъ землю, которую пріобрѣли ихъ дѣды и отецъ. Младшимъ своимъ сыновьямъ умирающій князь завѣщалъ слушать старшаго—Изяслава, какъ отца („той вы будетъ въ мене мѣсто“), а Изяславу, въ свою очередь, завѣщалъ защищать того изъ братьевъ, кого другіе обидятъ. Завѣщаніе Ярослава для насъ интересно въ томъ отношеніи, что даетъ понятіе о порядкѣ, который установился послѣ Ярослава на Русской землѣ. Она раздѣлилась между сыновьями Ярослава такъ, что болѣе старшему досталась и болѣе важная область. Въ Кіевѣ сидѣлъ (на „кіевскомъ столѣ“, какъ

тогда говорили) самый старшій князь, который назывался великимъ княземъ. Однако братья его не были его подданными. Между ними существовали только семейныя отношенія. Старшаго брата братья должны были слушать „какъ отца", а не какъ государя.

Первое время князья жили мирно и сообща рѣшали дѣла. Послѣ смерти князя Вячеслава они перевели на его мѣсто Игоря изъ Владиміра Волынскаго, тогда какъ у покойнаго былъ сынъ—Борисъ. Такимъ образомъ сначала княжества переходили послѣ смерти князей не къ ихъ дѣтямъ, а

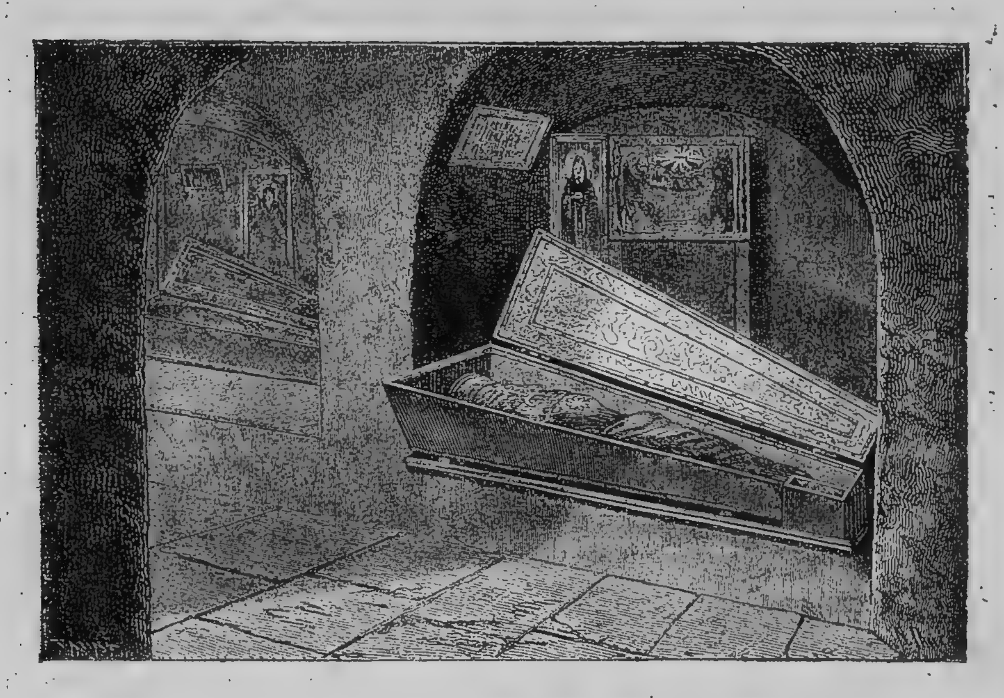

Рис. 38. Гробница преп. Нестора въ пещерѣ Кіево-Печерской лавры.

къ старшимъ послѣ нихъ родственникамъ. Вслѣдствіе этого князья передвигались, приближаясь къ старшему княжеству,—Кіевскому.

Русь въ это время постигло новое несчастье: на нее пришли половцы-кочевники, родственные печенѣгамъ. Ярославичи выступили противъ нихъ, но потерпѣли пораженіе. Изяславъ и Всеволодъ бѣжали въ Кіевъ, а Святославъ въ Черниговъ. Кіевляне хотѣли биться съ врагами не на животъ, а на смерть, но Изяславъ отказалъ имъ въ этомъ. За это его изгнали изъ Кіева, и онъ бѣжалъ въ Польшу. Напротивъ Святославъ удачно отразилъ половцевъ отъ Чернигова и взялъ

въ плѣнъ ихъ хана. Это, вѣроятно, поставило его въ глазахъ народа выше великаго князя. Изяславъ скоро вернулся на Русь и былъ принятъ кіевлянами. Однако теперь ему трудно было удержаться: побѣдитель половцевъ Святославъ теперь вовсе не былъ намѣренъ повиноваться старшему брату, но въ союзѣ съ Всеволодомъ изгналъ его и сѣлъ въ Кіевѣ (1073г.). Изяславъ напрасно искалъ помощи на Западѣ. Онъ обѣщалъ германскому императору сдѣлаться его вассаломъ; кромѣ того онъ посылалъ сына своего въ Римъ обѣщать подчиненіе русской церкви папѣ. Однако вмѣшательство обѣихъ главъ тогдашней западной Европы (свѣтскаго и духовнаго) ни къ чему не повело. До смерти непреклоннаго Святослава Изяславъ былъ изгнанникомъ. Только послѣ смерти брата Изяславъ снова вернулся на Русь, съ помощью польскаго войска. Князь Всеволодъ отличался, въ противоположность Святославу, мягкимъ и даже слабымъ характеромъ и безъ труда уступилъ старшему брату его законный кіевскій столъ, а отъ него получилъ Черниговъ. Оба князя устранили отъ владѣнія Русской землей дѣтей Святослава, какъ незаконно владѣвшаго кіевскимъ столомъ. Сынъ бывшаго великаго князя Олегъ Святославичъ соединился съ Борисомъ, сыномъ князя Вячеслава. Оба князя бѣжали въ Тмутаракань, привели половцевъ и изгнали Всеволода изъ Чернигова. Старшіе князья выступили противъ своихъ племянниковъ. Въ битвѣ на Нежатиной Нивѣ Изяславъ былъ убитъ (3 октября 1078 г.). Горькій упрекъ заслужили князья Олегъ и Борисъ отъ русскихъ людей за то, что первые подали гибельный примѣръ, вмѣшавъ кочевниковъ во внутреннія дѣла Русской земли.

Такіе князья, какъ Борисъ, отцы которыхъ не сидѣли на кіевскомъ столѣ, назывались „изгоями“. Слово: „изгой“ означало всякаго человѣка, отбившагося отъ своей среды [1]. Князья-изгои считались лишенными права занимать кіевскій столъ, а всѣ князья смотрѣли на свои княжества только какъ на ступени къ Кіеву. Въ большинствѣ случаевъ изгои не мирились со

[1]) Князь св. Всеволодъ Гавріилъ (XII вѣкъ) въ своемъ церковномъ уставѣ такъ опредѣляетъ значеніе слова „изгой“: „изгои трои: поповъ сынъ, грамотѣ не умѣетъ, холопъ, исъ холопьства выкупится, купецъ одолжаетъ; а се и четвертое изгойство и къ себѣ приложимъ: аще князь осиротѣетъ“.

своимъ положенiемъ, а стремились захватить Кiевъ силой. Это много содѣйствовало развитiю смутъ на Русской землѣ.

Послѣ смерти Изяслава великимъ княземъ кiевскимъ по праву сдѣлался Всеволодъ. Онъ былъ человѣкъ образованный[1]), но не обладалъ твердостью, нужной для правителя. Новый великiй князь подчинялся влiянiю младшихъ дружинниковъ, которые давали вредные совѣты; его намѣстники притѣсняли народъ. За то при немъ выдвинулась благородная личность его сына—Владимiра Мономаха, получившаго свое названiе, вѣроятно, отъ матери, происходившей изъ византiйскаго царскаго дома Мономаховъ. Онъ сидѣлъ сначала въ Черниговѣ. На протяженiи всего изучаемаго времени это единственный князь, который постоянно имѣлъ въ виду интересы всей Русской земли.

Онъ не вносилъ ничего новаго въ русскiе порядки, но старался удовлетворить самымъ насущнымъ потребностямъ народа: мирить князей и направлять ихъ силы противъ общаго врага—половцевъ, разрушавшихъ экономическое благосостоянiе Кiевской Руси. Между тѣмъ, междоусобицы неизбѣжно должны были усилиться по мѣрѣ того, какъ родъ князей размножался. По принятому правилу, болѣе важную область получалъ болѣе старшiй князь, но часто нельзя было рѣшить, кто старшiй: дядя, напримѣръ, могъ быть моложе племянника. Много вредили дѣлу мира князья-изгои, число которыхъ все росло. Теперь выступаетъ новая сила—народное вѣче, такъ какъ сами области не могли относиться равнодушно къ тому, кто будетъ надъ ними княжить. Жители старыхъ большихъ городовъ обыкновенно собирались на вѣче, и то, что они постановляли, должны были принимать зависѣвшiе отъ этихъ городовъ новые города, называвшiеся пригородами.

Послѣ смерти Всеволода кiевское вѣче предложило кiев-

[1]) Вся его семья была предана интересамъ просвѣщенiя, вѣроятно, не безъ влiянiя его жены—византiйской царевны. Дочь Всеволода Анна, принявъ монашество, устроила въ Кiевѣ школу для дѣвушекъ.

скій столъ Владиміру Мономаху. Однако онъ отказался въ пользу Святополка, сына Изяслава, такъ какъ послѣдній сидѣлъ въ Кіевѣ раньше Всеволода.

Святополкъ былъ человѣкъ коварный, нерѣшительный, слабохарактерный. Кіевляне не любили его. Тѣмъ не менѣе Мономахъ къ нему постоянно относился какъ къ старшему князю. Уступчивость Мономаха, имѣвшая цѣлью предотвращать междоусобицы, могла казаться въ то время даже слабостью.

Рис. 39. Съѣздъ князей. Съ рисунка художника Кившенко.

Такъ, когда Олегъ подступилъ къ Чернигову, Владиміръ при всемъ своемъ мужествѣ покинулъ этотъ городъ и удалился въ Переяславль. Затѣмъ онъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ обратился къ Олегу съ предложеніемъ пріѣхать въ Кіевъ для того, чтобы кончить дѣло тамъ судомъ передъ дружиной, духовенствомъ и людьми городскими, а затѣмъ итти на половцевъ. Олегъ, опиравшійся на половцевъ, надмѣнно отказался (по выраженію лѣтописца: „воспріимъ смыслъ буй и словеса величава“). Тогда только Владиміръ вмѣстѣ со Святополкомъ пошелъ на Олега, выгналъ его изъ Чернигова и взялъ съ него слово, что онъ пріѣдетъ на съѣздъ князей. Въ 1097 году этотъ съѣздъ состоялся въ Любечѣ (рис. 39). На немъ князья поми-

рились, постановили, чтобы каждый изъ нихъ владѣлъ областью своего отца, и цѣловали крестъ (поклялись) на томъ, что всѣ будутъ противъ того, кто нарушитъ миръ. Однако вслѣдъ за этимъ съѣздомъ миръ былъ нарушенъ. Изгой князь Давидъ Игоревичъ оклеветалъ другого изгоя князя Василько передъ Святополкомъ, будто бы тотъ злоумышляетъ противъ великаго князя. Послѣдній коварнымъ образомъ заманилъ Василько и несчастный князь былъ ослѣпленъ. Владиміръ Мономахъ пришелъ въ негодованіе отъ этого и теперь самъ пошелъ противъ Святополка. Святополкъ хотѣлъ бѣжать, но кіевляне не пустили его. Посредницей между нимъ и Владиміромъ явилась мать послѣдняго—вдова Всеволода, жившая въ Кіевѣ. Уступая ея просьбамъ, Мономахъ пощадилъ Святополка, но послѣдній долженъ былъ наказать Давида. Давидъ призвалъ половцевъ, и началась новая междоусобица. Эти смуты кончились на съѣздѣ князей въ Вятичевѣ только въ 1100 году. Вслѣдъ затѣмъ Владиміру на съѣздѣ князей у Долобскаго озера въ 1103 году удалось убѣдить Святополка и другихъ князей итти на половцевъ. Какіе насущные интересы родины защищалъ доблестный князь, показываютъ переговоры на этомъ съѣздѣ, приводимые лѣтописцемъ. Сначала говорила дружина Святополка, утверждавшая, что неудобно итти весною и лишать пахарей лошадей, которыми тѣ пашутъ. На это Мономахъ возражалъ: „Странно мнѣ, что вы жалѣете лошадей, на которыхъ пашутъ, а о томъ не думаете: начнетъ пахарь пахать, — явится половчинъ, ударитъ его стрѣлой, возьметъ его лошадь, а затѣмъ поѣдетъ въ его село и заберетъ жену, дѣтей и все его имущество. Лошадь жалѣете, а его вамъ не жалко“. Торговля съ Византіей была главнымъ источникомъ богатства Кіевской Руси—половцы затрудняли ее. Точно также они дѣлали невозможнымъ и спокойное занятіе земледѣліемъ. Князья двинулись на половцевъ, нанесли имъ страшное пораженіе и съ честью вернулись домой.

Въ 1111 году Владиміръ съ другими князьями совершилъ блестящій походъ на Донъ и нанесъ два сильныхъ пораженія половцамъ. Въ 1113 году умеръ Святополкъ. Кіевляне призвали снова Владиміра Мономаха на княженіе. Онъ колебался, такъ какъ все еще не былъ старшимъ въ родѣ, и только послѣ угрозъ со стороны кіевлянъ, что они все равно никого къ себѣ не пустятъ, кромѣ него, согласился. Какъ великій князь, Владиміръ пользовался большимъ авторитетомъ въ своемъ

родѣ. Онъ не позволялъ князьямъ заводить междоусобицы и, попрежнему, продолжалъ успѣшно бороться со степью. Точно также онъ удачно защищалъ границы Русской земли на сѣверо-востокѣ, противъ чуди и камскихъ булгаръ. Наконецъ Владиміръ Мономахъ возобновилъ походы на Византію. Онъ поддерживалъ низвергнутаго византійскаго царевича Леона противъ узурпатора—Алексѣя Комнена. Когда Леонъ былъ убитъ, Алексѣю Комнену удалось заключить миръ съ могущественнымъ кіевскимъ княземъ, которому онъ прислалъ богатые дары. Такимъ образомъ при Владимірѣ Мономахѣ Кіевская Русь ненадолго вернула себѣ силу и славу времени Ярослава Мудраго. Отъ Владиміра Мономаха сохранилось „Поученіе", написанное имъ для его дѣтей. Въ немъ великій князь излагаетъ обязанности человѣка по отношенію къ Богу и князя къ подданнымъ, какъ онъ ихъ понималъ. Для насъ очень интересны воззрѣнія лучшаго правителя того времени на свои обязанности. Князь завѣщалъ дѣтямъ, чтобы они вставали рано и сами за всѣмъ слѣдили какъ на войнѣ, такъ и въ мирное время, не полагаясь на своихъ слугъ—тіуновъ; они должны были не позволять своимъ воинамъ во время походовъ обижать мирныхъ гражданъ, „да не клясть васъ начнутъ", не давать сильнымъ людямъ погубить слабаго человѣка; больше всего чтить гостя, такъ какъ иностранцы разносятъ добрую и дурную славу. Внукъ мудраго Ярослава цѣнилъ высоко, подобно своему дѣду, образованіе. Онъ писалъ своимъ сыновьямъ: „что доброе знаете, того не забывайте, чего не знаете, тому учитесь", и ставилъ въ примѣръ своего отца, который „сидя дома" зналъ пять языковъ. Особенно интересенъ его взглядъ на смертную казнь: „не убивайте ни праваго, ни виноватаго... если кто и будетъ повиненъ смерти, все-таки не губите христіанской души". На западѣ въ то время никто еще не задумывался надъ этимъ. Въ „Поученіи" Владиміръ даетъ довольно подробное описаніе своихъ многочисленныхъ походовъ.

Этотъ доблестный князь скончался въ 1125 году, унеся съ собой въ могилу спокойствіе Русской земли.

Владиміръ Мономахъ и его потомство были очень любимы на Руси. Въ честь ихъ дружинники сочиняли поэтическія произведенія, отрывки которыхъ сохранились въ Волынской лѣтописи [1].

---

[1]) Рекомендуется прочесть въ высокой степени поэтическій разсказъ „Емшанъ", переложенный въ стихи поэтомъ Майковымъ.

Такія произведенія писались въ дружинахъ и другихъ князей. Цѣликомъ сохранилось одно только произведеніе дружинной поэзіи: „Слово о полку Игоревѣ“ (сочинено въ концѣ XII вѣка). Это „Слово“ было открыто знаменитымъ археологомъ гр. А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ въ 1795 г. и издано въ первый разъ имъ въ 1800 г. Къ сожалѣнію, единственная сохранившаяся рукопись этого драгоцѣннаго памятника погибла въ 1812 году, а издана она была очень неисправно. Предметомъ этого произведенія является также борьба со степью,—воспѣвается неудачный походъ князя Новгородъ-Сѣверскаго[1]) Игоря Святославича противъ половцевъ въ 1185 г. Походъ окончился плѣномъ русскихъ князей, изъ котораго Игорю удалось бѣжать. Авторъ „Слова“—большой патріотъ; онъ глубоко скорбитъ о несчастьяхъ Русской земли. По его мнѣнію все зло началось съ того времени, какъ князья стали говорить: „это мое и это мое“. Олега Святославича онъ саркастически называетъ Гореславичемъ; по словамъ пѣвца „Слова“, этотъ князь „мечомъ ковалъ крамолу и сѣялъ стрѣлы по землѣ“. Всѣ симпатіи поэта на сторонѣ Владиміра Мономаха, который „закладывалъ себѣ уши“, чтобы не слышать о междоусобицахъ. „Слово“ прекрасно показываетъ намъ настроеніе лучшихъ русскихъ людей того времени.

О внутреннемъ строѣ общества того времени мы знаемъ главнымъ образомъ изъ сборника законовъ, извѣстнаго подъ именемъ „Русской Правды“ и составленнаго при Ярославѣ, его сыновьяхъ и внукахъ (такъ въ составъ ея вошелъ законъ Владиміра Мономаха, ограничившій взиманіе рѣза, то-есть процентовъ съ отданнаго взаймы капитала; слѣдовательно, Владиміръ Мономахъ былъ и мудрый законодатель, защищавшій интересы нуждающихся людей). „Русская Правда“ составилась главнымъ образомъ изъ отдѣльныхъ рѣшеній князей, какъ показываетъ, напримѣръ, слѣдующая статья: „Если украдутъ овцу, или козу, или свинью, а будетъ воровъ 10“,—слѣдуетъ опредѣленіе наказанія; очевидно это отдѣльный случай рѣшенный княземъ, а не законъ, который обыкновенно имѣетъ общій характеръ. Въ „Русскую Правду“ вошли также нѣкоторые русскіе обычаи и правила, заимствованные изъ византійскихъ законовъ. Отмѣтимъ главныя положенія этого памятника:

---

[1]) Княжество Новгородъ-Сѣверское—часть Черниговской области.

Ярославъ ограничилъ кровавую месть ближайшими родственниками, сыновья его совсѣмъ ее отмѣнили. Они постановили, чтобы за убійство платили штрафъ, называемый вирой. За болѣе знатнаго платили 80 гривенъ, за менѣе знатнаго—40. За другія преступленія платили также штрафы, называемые продажей. Продажа была разныхъ размѣровъ; высшимъ размѣромъ были 12 гривенъ. Любопытно привести нѣкоторые случаи, когда полагалась высшая степень продажи: 12 гривенъ платили,

Рис. 40. Церковь Спаса на Берестовѣ въ Кіевѣ, построенная при Владимірѣ Мономахѣ и возстановленная изъ развалинъ въ XVII в. митрополитомъ Петромъ Могилой.

напримѣръ, за вырванные усы (высшее оскорбленіе для свободнаго человѣка), за кражу бобра (бобръ тогда водился въ Европейской Россіи) и за убійство холопа, которое разсматривалось только, какъ истребленіе чужого имущества. Вообще нарушеніе права чужой собственности наказывалось особенно строго. Если вора убили у клѣти во время кражи, то это не считалось виной.

Въ случаѣ обвиненія требовались свидѣтели. Если ихъ не было, то обвиняемаго подвергали суду Божьему, то-есть испы-

тывали водою и огнемъ (раскаленнымъ желѣзомъ). Если онъ ихъ выдерживалъ, то его оправдывали.

Особенно строго карали разбой, поджогъ и конокрадство,— преступленія, отъ которыхъ особенно страдало первобытное общество. Можно легко понять, чѣмъ былъ конь для пахаря, и какой страшный вредъ могъ причинить поджогъ въ селеніяхъ, состоявшихъ изъ деревянныхъ избъ. Такихъ преступниковъ выдавали князю „на потокъ". Это наказаніе состояло въ томъ, что имущество виновнаго шло въ казну князя, семейство его продавали въ рабство, а самого изгоняли изъ области. Въ „Русской Правдѣ" упоминаются верви—общины, на которыя дѣлилось населеніе. Если убійство было совершено въ запальчивости, неумышленно, то община помогала своему члену платить виру, однако въ томъ только случаѣ, если онъ помогалъ другимъ. Если въ какой-нибудь верви находили тѣло убитаго, то за него вся община платила виру. Такая вира называлась дикой.

Изъ „Русской Правды" мы узнаемъ на какіе классы дѣлилась тогдашняя Русь. Въ ней не было сословій въ томъ смыслѣ, какъ теперь понимается это слово въ наукѣ; подъ сословіями разумѣются подраздѣленія общества, права которыхъ опредѣлены закономъ и передаются наслѣдственно. Въ первобытной Руси были только классы, то-есть подраздѣленія общества, установленныя самой жизнью: занятіями, экономическими условіями—бѣдностью или богатствомъ и т. д. Холопъ могъ всегда сдѣлаться дружинникомъ, если попадалъ въ милость князя; съ другой стороны дружинникъ, въ случаѣ несостоятельности, всегда могъ быть проданъ въ рабство.

Высшимъ классомъ была дружина князя. Она дѣлилась на старшую—бояръ и младшую. За убійство старшаго дружинника платили 80 гривенъ, а за убійство младшаго, какъ за всякаго свободнаго человѣка,—40. Съ боярами князья обходились почти какъ съ равными и обо всемъ съ ними совѣщались. Дружинники могли переходить отъ князя къ князю. Чѣмъ славнѣе былъ князь, тѣмъ многочисленнѣе была его дружина. Среди старшихъ дружинниковъ выдѣлялся по значенію тіунъ-огнищный [1]), то-есть домоправитель князя, соотвѣтствовавшій мажордому франкскихъ королей. На немъ лежало не только хозяйство князя, но и важнѣшія обязанности по управленію княжествомъ.

---

[1] Огнище означало домашній очагъ, а затѣмъ домъ, жилище.

Затѣмъ изъ свободнаго населенія должно отмѣтить купцовъ и ремесленниковъ, жившихъ въ городахъ, и смердовъ, занимавшихся земледѣліемъ и жившихъ въ селеніяхъ. Всякое первобытное общество относилось очень свысока къ человѣку, слу-

Рис. 41. Изображеніе великаго князя съ семьей изъ „Изборника Святослава 1073 года" въ реставрированномъ видѣ. Оригиналъ сильно пострадалъ. Рисунокъ даетъ понятіе объ одеждахъ того времени. Изборникъ (сборникъ различныхъ нравоучительныхъ сочиненій) находится въ Москвѣ въ Патріаршей библіотекѣ.

жащему по найму. Наймитъ въ „Русской Правдѣ" разсматривался какъ полусвободный человѣкъ. Хозяинъ могъ бить его за вину; впрочемъ, если хозяинъ билъ его напрасно, въ пьяномъ видѣ, то наймитъ становился свободнымъ, несмотря на полученныя деньги. Впрочемъ, наймитъ постоянно находился въ

опасности потерять совсѣмъ свою свободу, напримѣръ, если онъ терялъ что-либо, принадлежащее хозяину, и не могъ уплатить за это.

Низшимъ классомъ общества являлись рабы — холопы. „Русская Правда" указываетъ два источника холопства: если кто пойдетъ въ услуженіе, не выговоривъ себѣ свободы, и если кто женится на холопкѣ. Былъ и еще источникъ рабства—междоусобицы: плѣнные обыкновенно продавались въ рабство. Постоянныя нападенія половцевъ разоряли смердовъ и заставляли ихъ итти въ наймиты, а наймиту легко было всегда сдѣлаться холопомъ. Вотъ почему этотъ классъ общества постоянно увеличивался численностью.

Въ этомъ заключалась главная причина слабости Кіевской Руси. Достигнувъ быстро довольно высокой степени образованности, она послѣ смерти Владиміра Мономаха стала еще быстрѣе клониться къ упадку во всѣхъ отношеніяхъ. Хотя среди сыновей и внуковъ Мономаха, сидѣвшихъ въ Кіевѣ, не было недостатка въ крупныхъ личностяхъ (Мстиславъ I, Изяславъ II), но они не были чужды своекорыстныхъ побужденій и не могли продолжать дѣло великаго человѣка. Точно также безуспѣшны были старанія духовенства сдержать междоусобицы. Поэтому во второй половинѣ XII вѣка Кіевская земля должна была уступить первенство Ростово-Суздальской землѣ, до того времени мало населенной, лежавшей на среднемъ теченіи рѣки Волги.

§ 5. **Новгородская Русь. Ея государственное устройство. Колонизація сѣвера Русской земли. Торговый и промышленный характеръ Новгорода. Сношенія съ Балтійскимъ моремъ (Скандинавія, Готландъ, Ганза). Торговля съ остальной Русью и Востокомъ. Новгородскія былины. Отношеніе къ Ливоніи. Псковъ и его устройство. Вятская земля.**

Совершенно особенное положеніе заняла среди русскихъ земель Новгородская земля. Великій Новгородъ находился далеко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ шли княжескія междоусобицы, въ сѣверо-западномъ углу тогдашней Руси. Рѣкой Волховомъ онъ дѣлился на двѣ стороны: Софійскую и Торговую. Софійская сторона получила свое названіе отъ каѳедральнаго собора св. Софіи, построеннаго Ярославомъ. Это была главная святыня новгородцевъ. Идя въ сраженія, они кричали: „Умремъ

за святую Софію!". На Софійской сторонѣ находился дѣтинецъ или кремль, гдѣ жилъ князь и другія новгородскія власти. На Торговой сторонѣ находился Ярославовъ дворъ, гдѣ собиралось вѣче (рис. 42). Здѣсь сосредоточивалось торговое на-

Рис. 42. Ярославовъ дворъ въ настоящее время.

селеніе города. Стороны дѣлились на пять концовъ, а концы на улицы. На Торговой сторонѣ было два конца: Плотницкій и Славенскій, а на Софійской — три: Неревскій, Гончарный или Людинъ и Загородный. Каждый конецъ, каждая улица имѣли свое вѣче, кромѣ общаго новгородскаго.

Новгородцы воспользовались княжескими междоусобицами для того, чтобы освободиться отъ власти кіевскаго князя, подъ которой они сначала находились, и стали избирать себѣ князей между всѣми членами дома Рюрика. По преданію, они это право получили отъ Ярослава за помощь, оказанную ему во время борьбы его со Святополкомъ, но на самомъ дѣлѣ вольности Новгорода образовались позже. Князь, приглашенный новгородцами, обыкновенно присягалъ соблюдать эти вольности. Онѣ сводились главнымъ образомъ къ слѣдующему: князь долженъ былъ судить народъ, раздавать земли и грамоты не иначе, какъ въ присутствіи избраннаго на вѣчѣ посадника; онъ не могъ назначать на должности въ Новгородѣ своихъ бояръ; не имѣлъ права раздавать Новгородскія земли своимъ боярамъ, и доходы его были строго опредѣлены. Посадникъ былъ первымъ послѣ князя лицомъ; князь не могъ смѣнить его безъ согласія вѣча. На вѣчѣ избирался также другой сановникъ, который назывался тысяцкимъ. Онъ былъ начальникомъ чернаго народа, судилъ его, а также командовалъ Новгородскимъ ополченіемъ въ походахъ [1]).

Большое участіе въ дѣлахъ Новгорода принималъ владыка, — мѣстный епископъ, позже архіепископъ (рис. 43), который предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ, состоявшемъ изъ бывшихъ посадниковъ; совѣтъ этотъ подготовлялъ дѣла для представленія на вѣче. (Этотъ совѣтъ назывался господа, въ нѣмецкихъ документахъ — Herrenrath). Вообще владыка вѣдалъ въ Новгородѣ много такихъ дѣлъ, которыя обыкновенно не входятъ въ кругъ дѣятельности духовныхъ лицъ, напримѣръ, наблюденіе за правильностью мѣръ и вѣсовъ. Вѣче въ Новгородѣ рѣшало всѣ дѣла. Главнымъ недостаткомъ этого учрежденія было отсутствіе правильнаго голосованія на немъ. Вслѣдствіе этого брала обыкновенно верхъ та сторона, которая перекричитъ другую. Нерѣдко борьба на вѣчѣ переходила въ открытую драку между партіями. Вѣчники дрались на мосту, который велъ съ Торговой стороны на Софійскую, и топили другъ друга въ рѣкѣ. Въ такомъ случаѣ являлся архіепископъ съ крестомъ и убѣждалъ ихъ помириться.

Кромѣ собственно Новгородской области, простиравшейся отъ Финскаго залива до р. Онѣги, Новгородъ владѣлъ всѣмъ

---

[1]) Тысяцкіе были сначала во всѣхъ большихъ городахъ.

сѣверомъ нынѣшней Россіи, а именно слѣдующими землями, называвшимися волостями: Заволочьемъ—по Сѣверной Двинѣ отъ р. Онѣги до Мезени, Пермью—по Вычегдѣ и верхней Камѣ, Печерой по р. Печерѣ до Уральскаго хребта (въ то время назывался Каменнымъ Поясомъ) и Югрой — по ту сторону хребта. Эти мѣста были первоначально населены финскими племенами. Русской колонизаціи въ нихъ много содѣйствовали

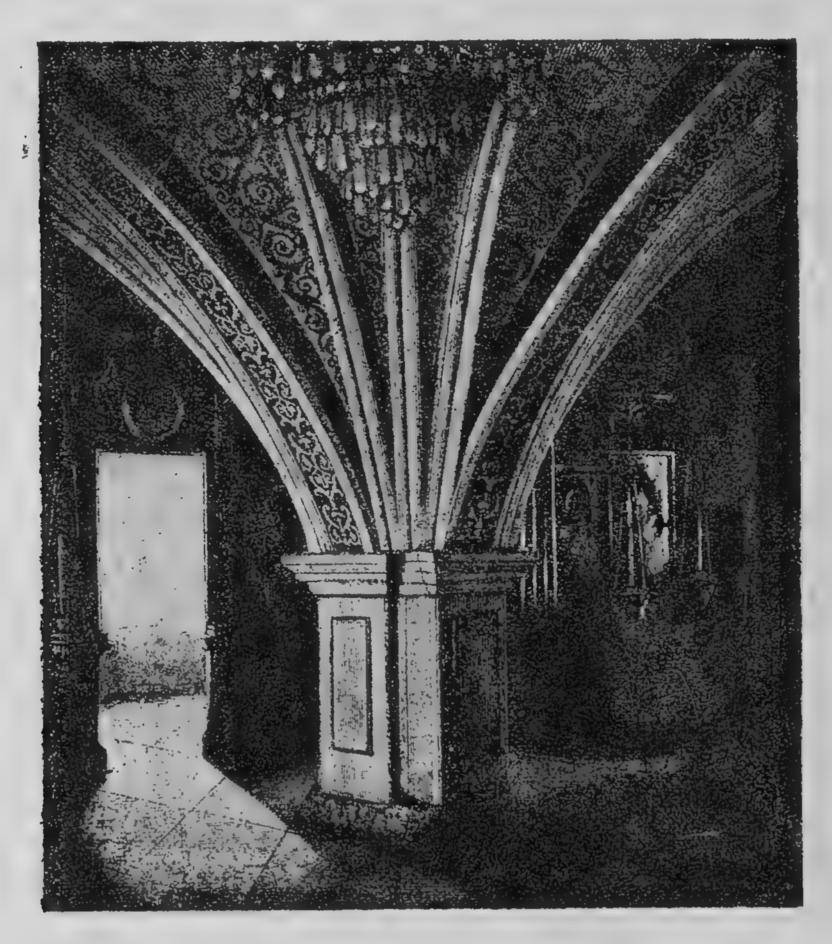

Рис. 43. Большая архіепископская палата въ Новгородѣ; построена иностранными мастерами и послужила образцомъ для московской Грановитой палаты.

новгородскіе иноки, устраивавшіе въ новыхъ мѣстахъ монастыри, которые сдѣлались здѣсь очагами православія и русской народности. Они распространяли среди финскаго населенія христіанство и просвѣщеніе, призывали сюда поселенцевъ и устраивали различные промыслы. За монастырями проникали сюда князья со своей дружиной и водворяли здѣсь русское владычество. Въ этихъ земляхъ новгородскіе купцы завели

торговыя сношенія съ инородцами. Отъ нихъ новгородцы получали въ особенности металлы и мѣха, которыми въ то время изобиловалъ сѣверъ. Въ Ладогѣ разсказывали будто бы на Югрѣ падаютъ съ неба и разбѣгаются въ разныя стороны пушные звѣри. Торговля была мѣновая и велась безъ помощи рѣчи: напримѣръ, при торговыхъ сношеніяхъ съ инородцами Югры новгородскіе купцы показывали имъ различное оружіе, а тѣ взамѣнъ извѣстное количество мѣховъ. Такая нѣмая торговля ведется и теперь кое-гдѣ въ Сибири съ инородцами.

Вообще торговля была главнымъ занятіемъ новгородцевъ, такъ какъ въ ихъ области было мало плодородной земли, а поэтому земледѣліе не могло прокормить всего населенія. Новгородцы славились также, какъ ремесленники. Особенно развились у нихъ тѣ ремесла, которыя имѣютъ своимъ предметомъ обработку металловъ (кузнечное дѣло, мѣдное мастерство и т. д.), но болѣе всего они славились, какъ плотники, и кромѣ того въ ихъ области производилась великолѣпная рѣзьба изъ моржевой кости, какъ показываютъ образцы ея въ новгородскихъ монастыряхъ.

На Балтійскомъ морѣ новгородцы торговали прежде всего со Скандинавіей. Торговля эта была также мѣновой. Скандинавы привозили сукна, вина и хлѣбъ, а вывозили мѣха, византійскія матеріи, утварь и драгоцѣнные камни, которые получались съ Востока черезъ булгаръ отъ арабовъ и изъ Византіи. Затѣмъ въ XII вѣкѣ центромъ торговыхъ сношеній на Балтійскомъ морѣ сдѣлался островъ Готландъ съ гор. Висби. Жители Готланда (потомки готовъ) имѣли свой дворъ въ Новгородѣ. Однако, съ теченіемъ времени, они должны были уступить свое первенство германскимъ городамъ, составившимъ впослѣдствіи такъ называемый Ганзейскій союзъ съ цѣлью защиты своихъ торговыхъ интересовъ [1]). Во главѣ этого союза стоялъ городъ Любекъ. (Готскій дворъ въ Новгородѣ сталъ въ зависимость отъ нѣмецкаго). До насъ дошли договоры новгородцевъ съ Готландомъ и нѣмецкими городами, имѣвшіе задачей гарантировать торговые интересы обѣихъ сторонъ (рис. 44 и 45). Нѣмцы покупали у новгородцевъ сырье (необработанные мѣха, металлы и т. д.), обрабатывали его и

---

[1]) Въ 1367 году (Кельнская конференція).

перепродавали новгородцамъ же, конечно, съ прибылью. Слѣдовательно, преимущество было на сторонѣ нѣмцевъ. Перевѣсъ былъ на сторонѣ нѣмцевъ и потому, что на Балтійскомъ морѣ новгородцы не имѣли своихъ кораблей, а ѣздили за море и возили свои товары на нѣмецкихъ.

Какъ особенно важную статью новгородской заморской торговли нужно отмѣтить воскъ, который они продавали въ огромномъ количествѣ, такъ какъ восковыя свѣчи были осо-

Рис. 44. Грамота, данная въ Новгородѣ великимъ княземъ Андреемъ Александровичемъ († въ 1304 г.) нѣмецкимъ городамъ.

бенно нужны на Западѣ для богослуженія при господствовавшемъ тамъ религіозномъ настроеніи. Нѣмцы доставляли въ Новгородъ различные металлическіе предметы, матеріи, вина и даже конфеты. Такъ въ Новгородѣ особенно славилось бременское полотно. Обыкновенно нѣмецкіе купцы приходили въ Новгородъ два раза въ годъ: были „зимніе“ и „лѣтніе“ гости. Уходя изъ Новгорода они обыкновенно сдавали свой дворъ со всѣмъ, что тамъ находилось, владыкѣ по описи. Онъ запечатывалъ все своей печатью и отдавалъ ключи отъ двора новымъ гостямъ. Вообще владыки принимали большое участіе въ сношеніяхъ Новгорода съ нѣмцами. Въ Новгородъ пріѣз-

жали также фламандскіе, ломбардскіе и англійскіе купцы, но они не могли соперничать съ нѣмцами. Впрочемъ фламандскія

Рис. 45. Такъ называемыя Корсунскія ворота Новгородскаго Софійскаго собора (на самомъ дѣлѣ воздвигнуты не греческими, а нѣмецкими мастерами).

сукна имѣли въ Новгородѣ большое распространеніе. Высшій сортъ ихъ обыкновенно дарилъ владыка каждому новому князю.

Нѣмецкіе товары новгородцы продавали во всѣ области Руси, а изъ нихъ въ Новгородъ подвозился хлѣбъ, преимущественно изъ области средняго теченія Волги. Иногда впрочемъ въ Новгородъ подвозили хлѣбъ и нѣмцы. Были случаи, что въ голодные годы они выручали новгородцевъ.

Новгородскіе купцы торговали также по Волгѣ съ булгарами и ѣздили въ Каспійское море, которое тогда называлось Хвалисскимъ (Хвалынскимъ), для торговли съ азіатскими народами. Благодаря такимъ обширнымъ торговымъ сношеніямъ съ самыми разнообразными народами, Новгородъ скоро сдѣлался самымъ богатымъ городомъ Руси; вслѣдствіе этого его величали „Господиномъ Великимъ Новгородомъ". До насъ дошли новгородскія былины, героями которыхъ были удалой вѣчникъ Васька Буслаевъ и Садко богатый гость. Одинъ со своей дружиной наводитъ страхъ на всѣхъ новгородцевъ и такимъ образомъ господствуетъ на вѣчѣ: другой посылаетъ полные товаровъ корабли въ Хвалынское море.

У новгородцевъ съ нѣмцами были не только мирныя сношенія. Въ Ливоніи, какъ въ средніе вѣка называлась страна, гдѣ теперь находятся губерніи Лифляндская, Эстляндская и Курляндская, въ началѣ XIII вѣка обосновался нѣмецкій рыцарскій орденъ меченосцевъ. Рыцарскіе ордена были организованы римско-католическою церковью для того, чтобы защищать Іерусалимъ отъ мусульманъ. Вступая въ эти ордена, представители высшаго средневѣковаго сословія рыцарства оставались воинами, принявъ только обѣтъ безбрачія. Эти ордена вели сначала борьбу съ мусульманами, но не могли удержать Іерусалима. Тогда они разсѣялись по разнымъ мѣстамъ, вездѣ стараясь огнемъ и мечомъ распространять покорность римско-католической церкви. Рыцарскій орденъ меченосцевъ обосновался, какъ сказано, въ Ливоніи и здѣсь крестилъ оружіемъ финскіе и литовскіе племена. Они угрожали и Новгороду, и новгородцамъ не разъ приходилось выдерживать съ ними тяжелую борьбу. Однако основанные нѣмцами Ливонскіе города вошли въ составъ Ганзейскаго союза, торговали съ Новгородомъ и участвовали въ торговыхъ договорахъ между нимъ и нѣмцами. Среди нихъ особенно замѣчателенъ городъ Рига, основанный епископомъ Альбертомъ фонъ-Буксгевденомъ въ 1201 году при впаденіи Западной Двины въ Балтійское море (этотъ епископъ и призвалъ сюда меченосцевъ).

Особенно много ударовъ со стороны меченосцевъ пришлось выдержать городу Пскову, который былъ пригородомъ Нов-

Рис. 46. Планъ древняго Пскова на старинной иконѣ.

города. Благодаря его положенію на самой границѣ Ливоніи, ему суждено было сдѣлаться главнымъ оплотомъ Руси противъ нѣмцевъ. (Борьба славянскаго племени съ нѣмецкимъ длится вѣками).

Псковъ находится при впаденіи рѣки Псковы въ рѣку Великую въ 15 верстахъ отъ Псковскаго озера. Рѣки Великая и Пскова дѣлятъ его на три части. Въ немъ былъ такъ же, какъ въ Новгородѣ дѣтинецъ на холмѣ надъ р. Великой. Подобно Новгороду, онъ дѣлился на концы (ихъ было шесть) (рис. 46). Вначалѣ Псковъ находился въ полной зависимости отъ Новгорода, и только послѣ 1132 года онъ получилъ перваго своего князя Всеволода-Гавріила. Князь этотъ оставилъ по себѣ добрую память, такъ какъ былъ милостивъ къ убогимъ и нищимъ. Отъ него сохранился законодательный памятникъ: „Уставъ о церковныхъ судѣхъ и о людѣхъ и мѣрилѣхъ торговыхъ“. Имъ былъ построенъ главный храмъ Пскова Соборъ Пресвятыя Троицы, который имѣлъ такое же значеніе для псковичей, какъ соборъ св. Софіи для новгородцевъ; въ сраженіяхъ псковичи кричали: „Пресвятая Троица!..“ Всеволодъ-Гавріилъ былъ причисленъ къ лику святыхъ и считается покровителемъ Пскова.

Съ этого времени во Псковѣ установились такіе же порядки, какъ въ Новгородѣ. Заслуживаетъ особеннаго вниманія то, что изъ всѣхъ русскихъ областей только во Псковѣ не было совсѣмъ холоповъ. Что касается до церковнаго управленія, то Псковъ никогда не имѣлъ самостоятельнаго епископа, а вполнѣ зависѣлъ отъ новгородскаго владыки. Высшимъ духовнымъ лицомъ его былъ протоіерей собора Св. Троицы.

Изъ князей Пскова послѣ св. Всеволода-Гавріила особенно прославился св. Довмондъ, въ крещеніи Тимоѳей, родомъ изъ Литвы (1266—1299 гг.). Съ беззавѣтною храбростью онъ соединялъ крупный военный талантъ. Ему пришлось вести упорную борьбу съ нѣмцами, въ которой псковичи показали чудеса мужества. Особенно сильное пораженіе нанесъ нѣмцамъ Довмондъ, уже глубокимъ старцемъ, въ годъ своей смерти на рѣкѣ Псковѣ.

На рѣкѣ Вяткѣ, впадающей въ Каму, новгородскіе выходцы основали городъ Хлыновъ (XII в.). Онъ имѣлъ свои пригороды и сдѣлался центромъ Вятской земли. Здѣсь также всѣмъ управляло вѣче, но княжеской власти совсѣмъ не было. Вятская земля стала независимой отъ Новгорода, вела борьбу съ татарами и другими инородцами и сдѣлалась важной торговой областью на востокѣ Русской земли.

§ 6. Суздальская земля. Великій князь Юрій Долгорукій. Удѣльный періодъ. Всеволодъ Большое Гнѣздо. Междоусобицы между его дѣтьми. Побѣда стараго порядка.

Суздальская земля занимала среднее теченіе рѣки Волги. Сначала она была населена финскими племенами, которыя назывались Меря и Мурома. Раскопки могилъ этого народа показываютъ, что онъ стоялъ на очень невысокой степени культуры. Употребленіе металловъ было ему извѣстно, но оружіе и другіе предметы его быта отличаются чрезвычайной грубостью и простотой (рис. 47). Правда, среди нихъ попа-

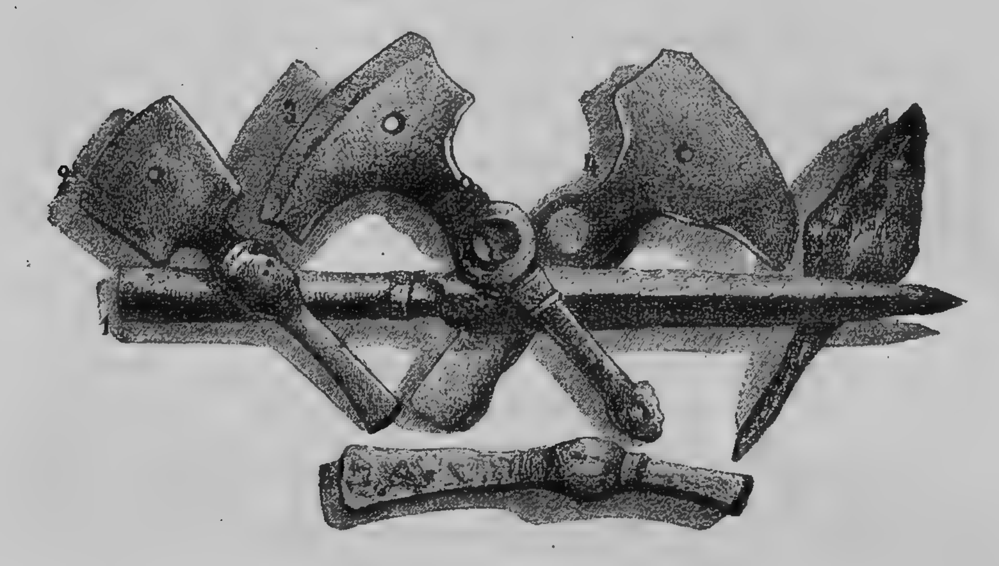

Рис. 47. Оружіе, найденное въ Мерянскихъ могилахъ.

даются привозные цѣнные предметы восточнаго происхожденія (преимущественно бусы и другія украшенія), но въ очень небольшомъ количествѣ, и при томъ эти вещи удовлетворяли не самыя насущныя потребности населенія. Въ краѣ находились старинные русскіе города Ростовъ и Суздаль, но только въ XII вѣкѣ начинается усиленная колонизація его пришельцами съ юга, которые бѣжали вслѣдствіе разоренія южной Руси отъ междоусобицъ. Что Суздальская земля была колонизована съ юга, показываютъ названія городовъ ея. Многіе изъ нихъ являются повтореніемъ названій городовъ южной Руси, какъ напримѣръ: Владиміръ, Переяславль, Галичъ. Переселенцы часто называютъ новыя поселенія по именамъ своихъ родныхъ мѣстъ. Такъ, напримѣръ, дѣлали англичане, переселившіеся въ Америку, вслѣдствіе чего есть много городовъ съ одними и

тѣми же названіями въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ. Суздальская земля была покрыта непроходимыми болотами и лѣсами. Переселенцамъ приходилось нести тяжелые труды, отвоевывая у суровой природы каждый кусокъ земли: они рубили лѣса, высушивали болота, превращали безплодныя мѣста въ нивы и строили селенія и города. Финны—Меря и Мурома—вездѣ безъ боя отступали передъ болѣе культурнымъ русскимъ населеніемъ и постепенно смѣшивались съ нимъ. Отъ этого смѣшенія получилось новое русское племя—великорусское. Борьба съ природой закалила великоросса, сдѣлала его выносливымъ и способнымъ къ усиленнымъ трудамъ. Это племя и создало, главнымъ образомъ, то государство, въ которомъ мы живемъ. Финны оказали значительное вліяніе на великорусское племя. Вслѣдствіе финской примѣси черты лица великороссовъ приближаются къ азіатскому типу (широкій носъ, выдающіяся скулы часто встрѣчаются въ средней Россіи) и рѣзко отличаются отъ правильныхъ чертъ южноросса. Въ великорусскомъ нарѣчіи есть много словъ, корней и звуковъ финскаго происхожденія. Историкъ В. О. Ключевскій отмѣтилъ слѣды финскихъ вѣрованій въ русскихъ сѣверныхъ былинахъ и сказкахъ; напримѣръ, „царь морской“ нашихъ сказокъ и есть не кто иной, какъ финское морское божество — Ахти. Среди финновъ была очень распространена вѣра въ колдовство, что также отразилось въ нашихъ народныхъ сказаніяхъ. Къ финскимъ волхвамъ часто обращались русскіе христіане. Эти волхвы пользовались славой искусныхъ колдуновъ.

Остатки финскаго племени и сейчасъ живутъ по Волгѣ. Среди нихъ существуетъ преданіе о томъ, что предки ихъ владѣли тѣми мѣстами, гдѣ стоитъ Москва [1]). Но русскіе пришельцы будто бы обманули ихъ, купивъ у нихъ столько земли, сколько займетъ одна воловья шкура; они изрѣзали ее на мельчайшіе ремешки и захватили ими огромное пространство. Финнамъ пришлось уйти. Это преданіе встрѣчается у многихъ народовъ, которые были вытѣснены болѣе культурными пришельцами.

Суздальская земля была сначала волостью кіевскихъ князей, а затѣмъ переяславскихъ, которые управляли ею черезъ своихъ намѣстниковъ. Первымъ ея самостоятельнымъ княземъ былъ Юрій Долгорукій, сынъ Владиміра Мономаха. Юрій

---

[1]) Самое слово „Москва“—финское и значитъ: „мутная вода“.

Долгорукій сдѣлалъ много для этой земли. Онъ вызывалъ поселенцевъ, населялъ ими новыя мѣста и строилъ города.

Такъ въ 1156 году онъ основалъ на рѣкѣ Москвѣ, притокѣ Оки, городъ Москву, которому суждена была такая блестящая будущность. Впрочемъ Юрій все еще стремился къ Кіеву, участвовалъ въ борьбѣ за него и скончался въ немъ (въ 1157 г.).

Настоящимъ создателемъ могущества Суздальской земли былъ сынъ Юрія Андрей, прозванный Боголюбскимъ. Въ молодости онъ участвовалъ въ междоусобныхъ войнахъ своего отца за Кіевъ и показалъ при этомъ большую личную храбрость. Однако онъ никогда не любилъ Кіевской Руси и непрестанно стремился въ родную Суздальскую землю.

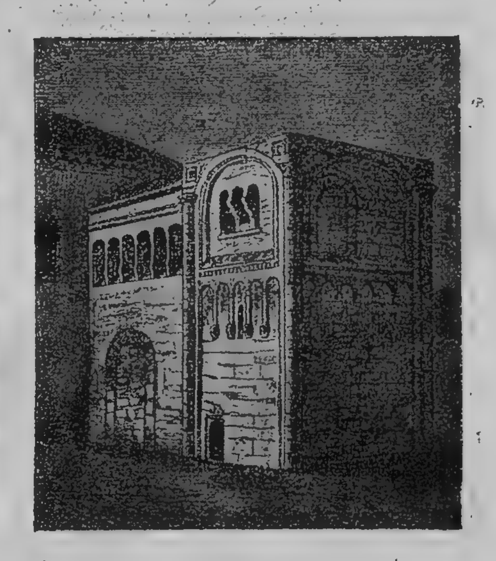

Рис. 48. Дворецъ князя Андрея въ Боголюбовѣ.

Когда Юрій уже прочно усѣлся въ Кіевѣ, Андрей самовольно ушелъ въ Суздальскую землю, при чемъ увезъ съ собой икону Божьей Матери, которая впослѣдствіи стала называться Владимірской. Она, по преданію, написана св. Евангелистомъ Лукою и сдѣлалась одной изъ наиболѣе чтимыхъ святынь сѣверо-восточной Руси (сейчасъ эта икона находится въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ).

По преданію, не доѣзжая 11 верстъ до города Владиміра на Клязьмѣ, лошади, на которыхъ везли икону, стали и не двигались далѣе. На этомъ мѣстѣ Андрей основалъ село Боголюбово, которое сдѣлалось его любимымъ мѣстопребываніемъ, (рис. 48). Послѣ смерти Юрія Долгорукаго ростовцы, суздальцы и владимірцы пригласили Андрея къ себѣ на княженіе, вопреки волѣ Юрія, который отдалъ Суздальскую землю младшимъ сыновьямъ.

Однако Андрей не любилъ старыхъ городовъ Ростова и Суздаля, гдѣ было сильно вѣче, и обосновался въ новомъ городѣ Владимірѣ. Этотъ городъ онъ расширилъ и украсилъ: здѣсь онъ устроилъ золотыя ворота, по образцу кіевскихъ (рис. 49), и воздвигъ церковь Успенія Пресвятыя Богоро-

дицы, на которую далъ десятину „въ стадахъ своихъ и торговыхъ пошлинахъ“. При этой постройкѣ работали иноземные мастера.

Рис. 49. Золотыя ворота въ г. Владимірѣ.

ные мастера. По выраженію лѣтописца, Андрей хотѣлъ быть „самовластцемъ“ въ Суздальской землѣ. Онъ не терпѣлъ ни-

какихъ противорѣчій и изгналъ даже епископа Леонтія, не соглашавшагося съ нимъ въ чисто церковномъ вопросѣ. Этотъ князь хотѣлъ учредить во Владимірѣ митрополію, независимую отъ кіевской, но это ему не удалось. Кромѣ того Андрей успѣшно воевалъ съ булгарами и взялъ нѣсколько ихъ городовъ. Занятый этими дѣлами, онъ не обращалъ вниманія на дѣла юга, а старался только поставить въ зависимость отъ себя Новгородъ, въ чемъ и успѣлъ: новгородцы нѣкоторое время принимали князей по указанію Андрея. Когда же они выбрали себѣ княземъ, противъ его воли, сына кіевскаго князя Мстислава Изяславича—Романа, то Андрей отправилъ войско противъ Кіева. Городъ былъ взятъ „на щитъ" (приступомъ) и разграбленъ. По выраженію лѣтописца „никогда не было такъ матери городовъ русскихъ". Сдѣлавшись великимъ княземъ, Андрей остался на сѣверѣ, а Кіевъ отдалъ одному изъ младшихъ князей. Съ этого времени „мать городовъ русскихъ" утратила всякое значеніе (1169 г.).

Точно также онъ послалъ войско подъ Новгородъ, но осаду Новгородъ выдержалъ (рис. 50). Однако Новгородская область, какъ мы видѣли, не имѣла своего хлѣба, а получала его изъ Суздальской. Андрей остановилъ подвозъ хлѣба и тѣмъ заставилъ новгородцевъ смириться и принимать отъ него князей. Суздальскій князь стремился подчинить себѣ всѣхъ другихъ князей и сдѣлать ихъ своими подручниками, какъ тогда говорили, но это ему не удалось. Войско его бѣжало подъ Вышгородомъ въ Кіевской землѣ, гдѣ засѣлъ непокорный племянникъ великаго князя Мстиславъ Ростиславичъ. Со своими боярами князь Андрей обходился также совсѣмъ иначе, нежели другіе князья и держалъ ихъ въ строгости и полномъ повиновеніи. Это вызвало ихъ неудовольствіе, и онъ былъ убитъ своими приближенными (1174 г.).

Андрею Боголюбскому не удалось объединить Русской земли,—напротивъ, она окончательно распалась на области, изъ коихъ въ каждой былъ свой великій князь. Самой значительной областью стала Владиміро-Суздальская. Изъ другихъ областей надо отмѣтить: Рязанскую (по среднему теченію Оки съ ея притоками) Тверскую (по верхнему теченію Волги), Смоленскую, Владиміро-Волынскую, Кіевскую, Черниговскую и Галицкую (самый крайній юго-западный уголъ Руси). Такимъ образомъ наступило то время на-

шей исторіи, которое называется удѣльнымъ, въ отличіе отъ предшествующаго—кіевскаго. Теперь князья уже не переходили со стола на столъ, какъ раньше, стремясь къ Кіеву, а сидѣли

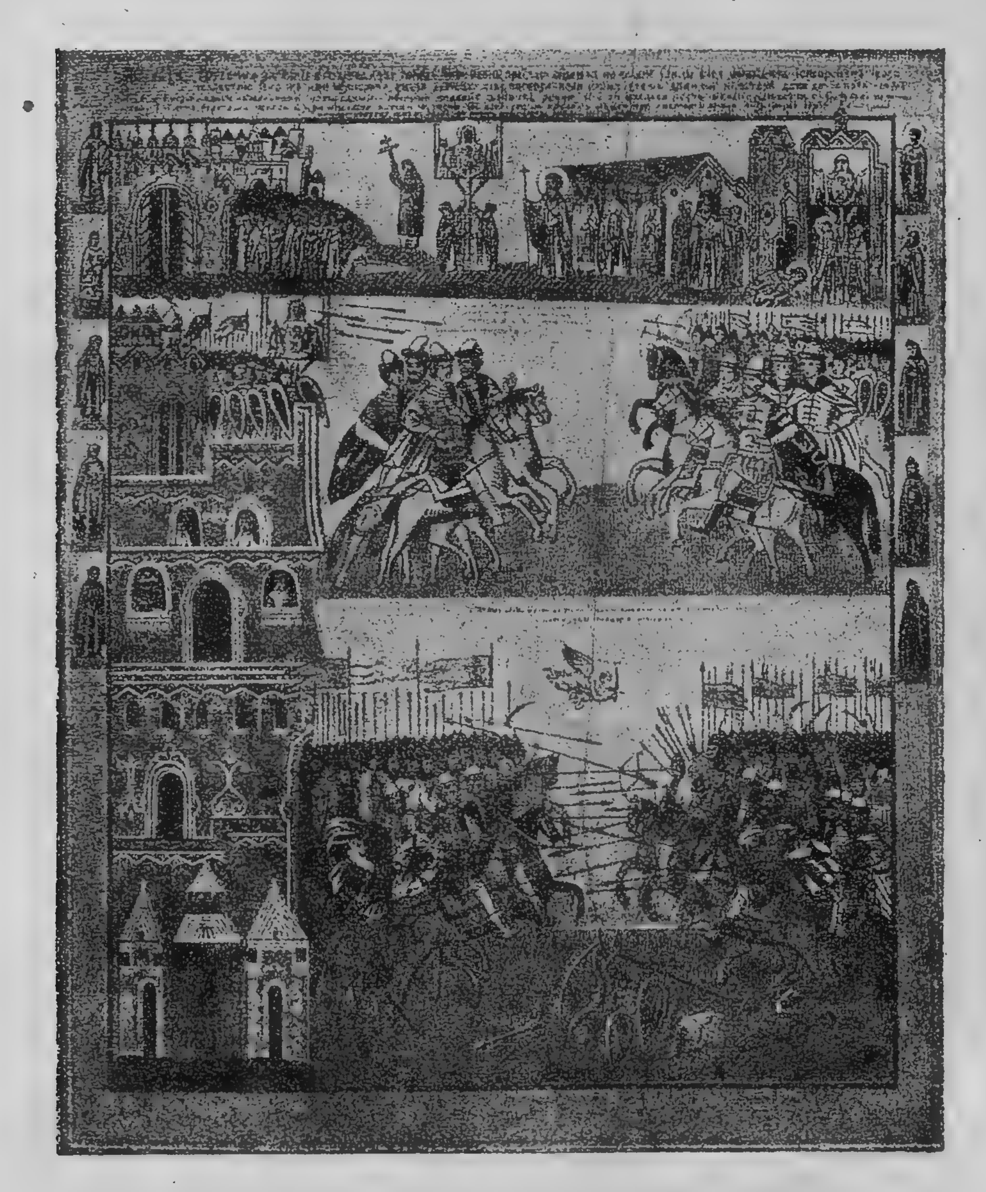

Рис. 50. Изображеніе осады Новгорода суздальцами на старинной новгородской иконѣ.

въ своихъ княжествахъ; земля принадлежавшая тому или иному князю называлась его удѣломъ или вотчиной. Какъ помѣщики, они заботились о своихъ удѣлахъ: старались расширить, заселить и отстроить ихъ. Князь кіевскаго періода

былъ дружинникомъ, владиміро-суздальскаго— помѣщикомъ.

Бояре сохранили свое право переходить отъ князя къ князю (право „отъѣзда“) и могли сохранять при этомъ земельную собственность въ удѣлѣ, который покидали. По этому они пріобрѣтали большія земли, на которыя привлекали, подобно князьямъ, поселенцевъ.

Кромѣ бояръ, которые назывались слугами вольными, князья имѣли въ своемъ услуже-

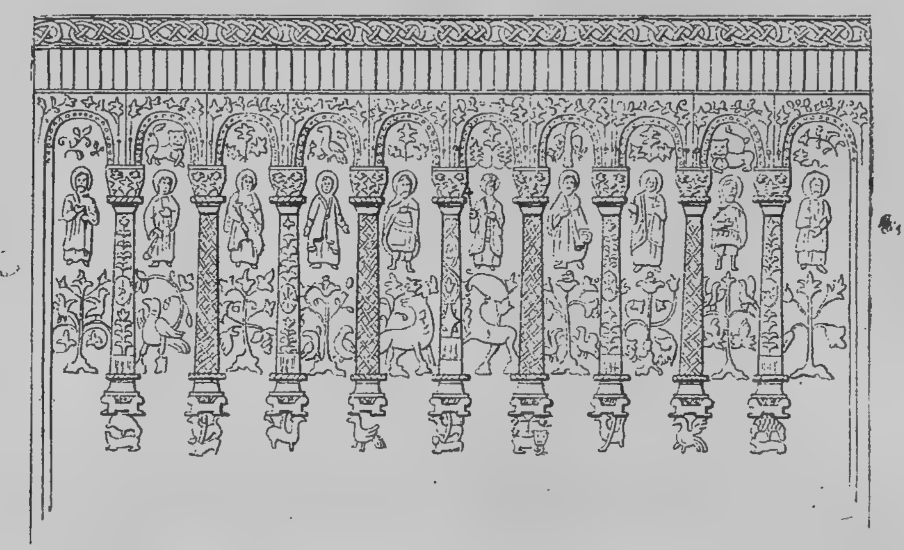

Рис. 51. Часть пояска Дмитріевскаго собора.

ніи менѣе знатныхъ людей, терявшихъ свои земли въ случаѣ перехода въ другую область. Такъ какъ воздѣлываніе новыхъ мѣстъ требовало много рабочихъ рукъ, то приходилось оказывать льготы простому народу. Поэтому положеніе его въ Суздальской землѣ было лучше, нежели въ Кіевской.

Послѣ смерти Андрея Боголюбскаго, начались междоусобицы между старыми городами и Владиміромъ. Старые города держали сторону племянниковъ Андрея, а владимірцы его братьевъ. Въ концѣ концовъ утвердился на великокняжескомъ столѣ братъ Андрея Всеволодъ-Дмитрій Юрьевичъ, прозванный „Большое Гнѣздо“, вслѣдствіе многочисленнаго семейства. Это былъ князь съ такимъ же характеромъ, какъ

его покойный братъ. Онъ велъ удачную борьбу съ камскими булгарами, подчинилъ своей власти рязанскихъ князей, и, подобно Андрею, держалъ въ зависимости отъ себя Великій Новгородъ. Пѣвецъ „Слова о полку Игоревѣ“ прославляетъ

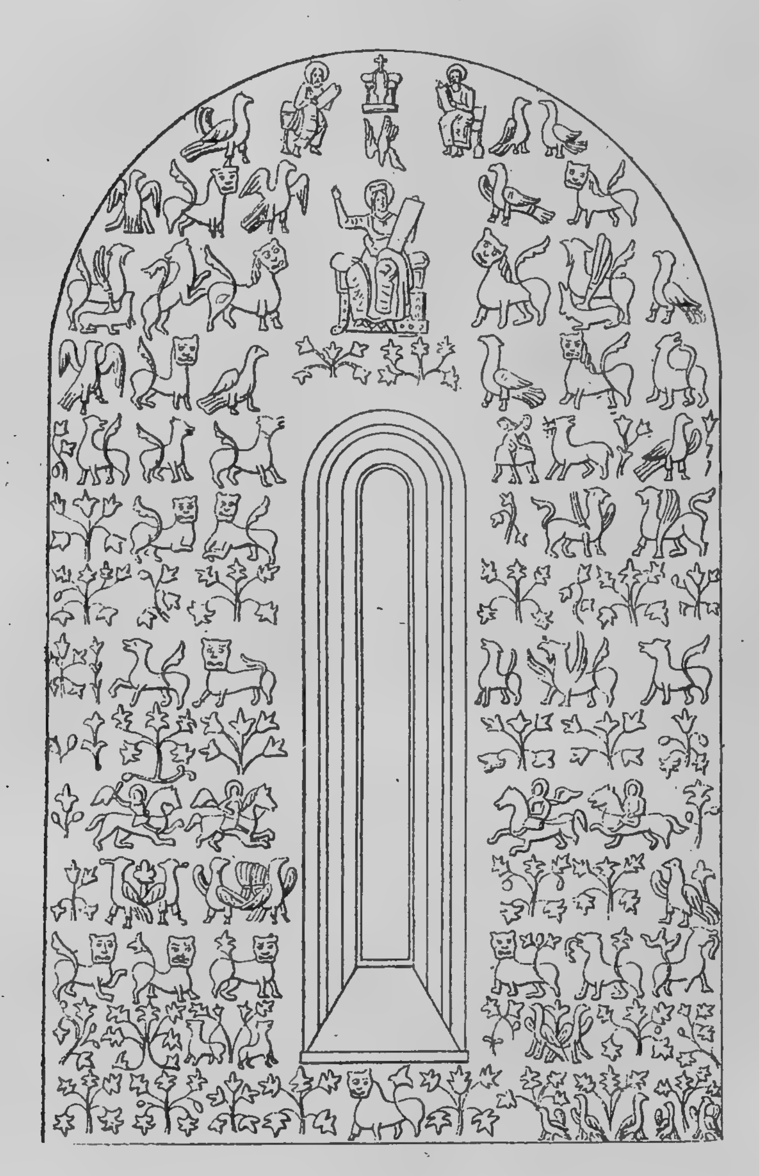

Рис. 52. Изображеніе на стѣнѣ Дмитріевскаго собора юноши на тронѣ и царствъ природы.

его могущество говоря: „ты можеши Волгу веслы раскропити и Донъ шеломы выльяти“. При немъ во Владимірѣ былъ построенъ Дмитріевскій соборъ, одно изъ чудесъ нашей старинной архитектуры. Въ этой постройкѣ участвовали западно-европейскіе мастера.

Подобно западно-европейскимъ, этотъ соборъ былъ украшенъ лѣпными и высѣченными изъ камня фигурами. Особенно красивъ окружающій его поясокъ изъ мелкихъ колонокъ и изображеній святыхъ (рис. 51). На одной изъ стѣнъ изображенъ отрокъ на тронѣ, окруженный растеніями и животными. Наши знатоки искусства различно объясняютъ это изображеніе: по однимъ изъ нихъ, это царь Соломонъ на тронѣ, который, по Библіи, зналъ три царства природы, по другимъ это Отрокъ - Спаситель, которому поклоняется вся природа (рис. 52). На Дмитріевскомъ соборѣ встрѣчаются тѣ же изображэнія, какъ и въ западныхъ храмахъ, напримѣръ: восшествіе на небо Александра Македонскаго на грифонахъ, заимствованное изъ многочисленныхъ легендъ объ этомъ царѣ (рис. 53).

Рис. 53. Восхожденіе Александра Македонскаго на небо. Изображеніе на стѣнѣ Дмитріевскаго собора.

Всеволодъ много сдѣлалъ, подобно своимъ предшественникамъ для колонизаціи своего княжества, а поэтому естественно смотрѣлъ на него, какъ на свою собственность. Вслѣдствіе этого онъ считалъ себя въ правѣ завѣщать его второму своему сыну Юрію II, помимо старшаго Константина. Однако Константинъ не уступилъ брату отцовскаго наслѣдья, и между ними началась междоусобица. Къ этому присоединилось возстаніе новгородцевъ. Они изгнали отъ себя третьяго сына Всеволода—Ярослава, котораго посадилъ къ нимъ княземъ его отецъ. Ярославъ уѣхалъ въ одинъ изъ пригородовъ Новгорода—Торжокъ и сталъ угрожать новгородцамъ. Новгородцы, естественно, сдѣлались союзниками Константина, а Ярославъ—Юрія. На помощь Константину и новгородцамъ явился южно-русскій князь Мстиславъ Удалой, сынъ Мстислава Ростиславича, того самаго, который боролся съ Андреемъ Боголюбскимъ. Мстиславъ Удалой былъ очень храбрый князь и

старался всегда оказывать помощь всѣмъ тѣмъ, кто по старымъ понятіямъ, считался обиженнымъ. Онъ сказалъ историческую фразу: „не бывать Торжку выше Новгорода!“.... И дѣйствительно, въ битвѣ на Липецкомъ полѣ [1]) имъ были разбиты на голову Ярославъ и Юрій (1216 г.). Юрій долженъ былъ уступить княжество брату своему Константину (рис. 54).

Такъ внѣшнимъ образомъ побѣдилъ старый порядокъ. Однако Константинъ скоро помирился съ Юріемъ, далъ ему Суздаль (оставивъ себѣ Владиміръ и Ростовъ) и назначилъ его своимъ преемникомъ на княжескомъ столѣ. Юрій продолжалъ удачно борьбу съ камскими булгарами и построилъ противъ нихъ городъ Нижній Новгородъ, который сдѣлался здѣсь оплотомъ русской народности; находясь при впаденіи Оки въ Волгу, онъ сдѣлался и важнымъ торговымъ центромъ.

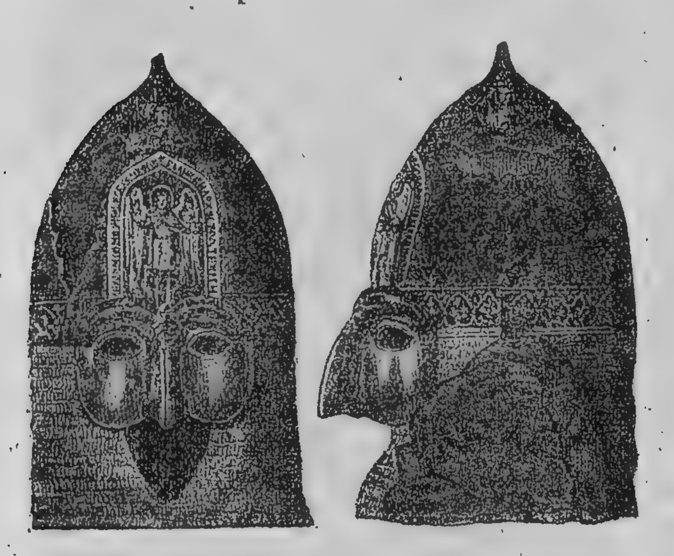

Рис. 54. Шлемъ князя Ярослава Всеволодовича, найденный на Липецкомъ полѣ.

Теперь Владиміръ рѣшительно занялъ первенствующее положеніе на Руси, и, подобно кіевскому столу, Владимірское великое княжество стало переходить преемственно къ старшему въ родѣ Всеволода Большое Гнѣздо.

§ 7. Татарское нашествіе и начало ига. Св. Александръ Невскій. Борьба съ западными врагами: со шведами, нѣмцами и Литвой. Отношеніе къ татарамъ.

Въ началѣ XIII вѣка Русь постигло великое бѣдствіе—татарское иго.

Татары не представляли собою одного народа; это были соединенныя подъ властью одного великаго хана нѣсколько племенъ монгольскаго и тюркскаго происхожденія. Они издавно кочевали въ степяхъ Средней Азіи и дѣлились на орды, во главѣ

[1]) Урочище на рѣкѣ Гзѣ у города Юрьева.

которыхъ стояли ханы. Всѣ эти ханы подчинялись верховному хану, жившему въ глубинѣ азіатскихъ степей и управлявшему ими деспотически. Главнымъ источникомъ для изученія общественнаго и частнаго быта и вѣрованій татаръ являются китайскіе писатели, а добавленіемъ къ нимъ европейскіе путешественники, каковы, напримѣръ, католическій миссіонеръ Плано-Карпини, посланный папой Иннокентіемъ IV къ татарамъ въ 1246 году, посланецъ французскаго короля Людовика IX монахъ де-Рубрукъ, венеціанецъ Марко-Поло и другіе. Какъ всѣ кочевники, татары жили главнымъ образомъ скотоводствомъ. Главнымъ ихъ

Рис. 55. Юрта хана. Изъ „Путешествія Вильгельма де-Рубрука".

богатствомъ были верблюды и лошади. Изъ кобыльяго молока они приготовляли свой національный напитокъ—кумысъ, имѣвшій для нихъ религіозное значеніе, и ѣли верблюжье мясо. Татары жили въ юртахъ, которыя легко перевозились на верблюдахъ и лошадяхъ (рис. 55). Исповѣдывали они религію, называемую шаманствомъ. Эта религія представляла собою весьма грубое язычество; послѣдователи ея предполагали, что весь міръ населенъ множествомъ духовъ, которыхъ необходимо умилостивлять; иначе они будутъ вредить дѣламъ человѣка. Высшимъ изъ такихъ духовъ считался духъ неба—Тенгри. У татаръ было много колдуновъ, называвшихся шаманами. Татары вѣрили, что шаманы надѣлены сверхъестественной силой и могутъ повелѣвать самимъ духамъ. Впрочемъ татары относились съ поразительнымъ уваженіемъ ко всѣмъ религіямъ. „Какъ рукѣ", говорилъ де-Рубруку одинъ ханъ: „Богъ далъ различные пальцы, такъ и людямъ раз-

личные пути къ спасенію: вамъ Богъ далъ писаніе, а намъ шамановъ“. Позже татары приняли магометанство, но не усвоили нетерпимости этой религіи.

Нравы татаръ отличались жестокостью. „Преступникъ уличенный въ воровствѣ“, пишетъ Марко-Поло: „присуждался къ нѣкоторому числу палочныхъ ударовъ: 7, 17, 27, 37-ми и т. д. до ста, соразмѣрно цѣнѣ украденнаго и обстоятельствамъ, сопровождавшимъ воровство, многіе умирали подъ палками. Если кто украдетъ лошадь или другую собственность, за похищеніе которой полагается смертная казнь, то ему наносятъ удары саблей по поясницѣ и такимъ образомъ убиваютъ“. Впрочемъ, внеся сумму денегъ въ девять разъ больше стоимости украденнаго, воръ избавлялся совсѣмъ отъ наказанія. Заслуживаетъ особеннаго вниманія военное устройство татаръ: они дѣлились на десятки, сотни и тысячи („тьмы“). „Если“, пишетъ Плано-Карпини: „одинъ или двое или больше смѣло вступаютъ въ бой, а десять другихъ не слѣдуютъ, то ихъ умерщвляютъ, а если изъ десяти попадаютъ въ плѣнъ одинъ или больше, другіе же товарищи не освобождаютъ ихъ, то они также умерщвляются“. Впрочемъ татары любили притворно обращаться въ бѣгство для того, чтобы завлечь непріятеля и атаковать его. При осадѣ городовъ они лили растопленный жиръ убитыхъ враговъ и при помощи его устраивали поджогъ. Впрочемъ изъ укрѣпленныхъ мѣстъ татары предпочитали выманивать воиновъ обѣщаніемъ пощады и, когда тѣ сдавались, они ихъ безчеловѣчно умерщвляли (рис. 56).

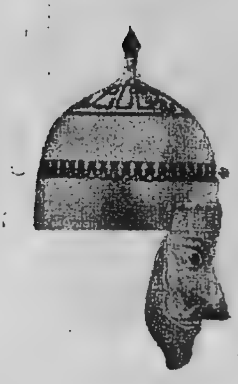

Рис. 56. Татарскіе шлемы съ масками (личинами). Хранятся въ Эрмитажѣ.

Въ началѣ XIII вѣка среди татаръ появился великій завоеватель Темучинъ, прозванный Чингизъ-ханомъ. Настоящее значеніе этого прозванія еще не установлено. Два полководца этого завоевателя прошли обычной дорогой кочевниковъ между Ураломъ и Каспійскимъ моремъ, разгромили яссовъ и напали на половцевъ. Половцы обратились за помощью къ русскимъ князьямъ. Русскіе князья съѣхались въ Кіевѣ и совѣщались между собой, помогать ли половцамъ. Мстиславъ Мстиславовичъ Удалой, побѣдитель на Липецкомъ полѣ, въ это время сидѣвшій въ Галиціи, убѣдилъ другихъ князей помочь недавнимъ врагамъ русскаго народа, чтобы тѣ не передались на сторону татаръ. Князья согласились, такъ какъ ду-

мали, что лучше встрѣтить непріятеля на чужой землѣ, и двинулись противъ кочевниковъ. Они встрѣтились съ ними на рѣкѣ Калкѣ (нынѣ рѣка Калецъ, впадающая вмѣстѣ съ рѣкой Кальміусомъ въ Азовское море). Здѣсь произошла битва (1223 г.). Исходъ ея былъ неудаченъ, благодаря отсутствію единства въ дѣйствіяхъ союзниковъ: князь Мстиславъ Удалой перешелъ со своимъ войскомъ черезъ рѣку и ударилъ на татаръ, не предупредивъ другихъ князей. Вслѣдствіе этого тѣ не приготовились къ сраженію; затѣмъ половцы первые обратились въ бѣгство и внесли безпорядокъ въ русскія войска. Русскіе проиграли сраженіе. Часть ихъ князей укрѣпилась въ полѣ. Татары обѣщали имъ, по своему обыкновенію, пощаду, а когда тѣ сдались положили ихъ подъ доски, на которыя сѣли обѣдать. Впрочемъ татары вскорѣ исчезли въ степяхъ, и 13 лѣтъ о нихъ не было никакихъ вѣстей.

Въ 1237 году татарскій ханъ Батый вторгся въ Рязанскую землю. Въ первый разъ пришло только татарское войско, на этотъ разъ двигалась многочисленная орда съ женами и дѣтьми. Рязанцы обратились за помощью къ великому князю владимірскому Юрію II, но онъ не оказалъ имъ помощи. Татары разорили Рязанскую землю и вторглись въ Суздальскую. Великій князь Юрій собиралъ войска на сѣверѣ своего княжества. Владиміръ на Клязьмѣ былъ разоренъ дикими кочевниками, причемъ погибла семья великаго князя. Затѣмъ онъ самъ встрѣтился съ татарами на берегу рѣчки Сити, гдѣ былъ разбитъ и убитъ. Татары пошли было къ Новгороду, но были задержаны весеннимъ разливомъ рѣкъ и болотъ. Они опять потянулись на югъ, въ привольныя для нихъ степи, но по дорогѣ ихъ нѣсколько недѣль задержалъ городъ Козельскъ. Князь этого города былъ еще очень молодъ; жители поклялись положить за него свои головы и, дѣйствительно, полегли всѣ до одного. Раздраженный сопротивленіемъ Батый не пощадилъ даже грудныхъ дѣтей. Юный князь, по преданію, утонулъ въ потокахъ крови.

Въ 1240 году татары осадили самый Кіевъ, который находился въ это время подъ властью Волынскаго и Галицкаго князя Даніила Романовича. Князь былъ въ Венгріи куда отправился просить помощи противъ татаръ, поручивъ защиту „Матери городовъ Русскихъ“ тысяцкому Дмитрію.

Не смотря на мужество Дмитрія, городъ былъ взятъ непріятелемъ и разграбленъ. Послѣ этого Батый отправился на западъ, вездѣ распространяя передъ собой ужасъ. Онъ обрушился на другой славянскій народъ—чеховъ, но мужественный чешскій князь Ярославъ остановилъ его геройской защитой города Оломуца. Татары повернули въ южно-русскія степи, гдѣ образовали, такъ называемую Золотую орду. Центромъ ея былъ городъ Сарай на рѣкѣ Волгѣ.

Здѣсь татары стали заниматься и мирными занятіями (торговля съ другими восточными народами), и съ теченіемъ врeмени Сарай сдѣлался важнымъ торговымъ пунктомъ, благодаря выгодному положенію на важномъ торговомъ пути (рис. 57).

Покоривъ Русь, татары оставили ей ея князей, но стали выдавать особыя грамоты (ярлыки) на великое княженіе владимірское, которое попрежнему считалось старшимъ. Однако получивъ великое княжество Владимірское князья продолжали оставаться въ своихъ удѣлахъ. Татары обложили Русь тяжкой данью. Для этого они произвели счисленіе русскаго народа и также раздѣлили его на десятки, сотни и тьмы, обязавъ ихъ круговой порукой въ исправномъ платежѣ дани. По Русской землѣ стали разъѣзжать татарскіе сборщики дани—баскаки, которые брали послѣдніе пожитки у несостоятельныхъ людей или обращали ихъ самихъ въ рабство. Только духовенство особыми грамотами (тарханными грамотами) было освобождено отъ платежа дани. Въ этомъ сказалось свойственное татарамъ уваженіе къ чужой вѣрѣ.

Тяжелыя послѣдствія татарскаго ига для Русской земли были очень велики. Татарское иго надолго задержало у насъ прогрессъ. До татаръ Русская земля мало чѣмъ уступала въ просвѣщеніи Западу,—теперь она на долгое время отстала отъ него. Затѣмъ русскіе усвоили отъ своихъ завоевателей нравы азіатскихъ варваровъ; Кіевская Русь не знала жестокихъ тѣлесныхъ наказаній,—теперь у насъ сдѣлались обычными самыя безчеловѣчныя. Самое слово „кнутъ"—татарское. Такое же вліяніе оказали татары и на наши семейные нравы. Въ до-монгольской Руси женщины пользовались полной свободой и даже имѣли вліяніе на общественныя дѣла (какъ мать Владиміра Мономаха и его сестра Анна; св. Всеволодъ-Гавріилъ совѣтовался съ супругой при составленіи своего церковнаго устава). Теперь у насъ устана-

Рис. 57. Образцы предметовъ съ восточными орнаментами, найденныхъ при раскопкахъ на мѣстѣ г. Сарая. Находятся въ Эрмитажѣ.

вливается обычай держать женщинъ взаперти въ теремахъ, по восточному обычаю.

Въ русскій языкъ проникло много татарскихъ словъ, напримѣръ: амбаръ, лошадь (вмѣсто славянскаго: конь), собака (вмѣсто славянскаго: песъ и т. д.).

Съ другой стороны наблюдается и обратное вліяніе. Родственники татарскихъ хановъ часто женились на русскихъ княжнахъ и наоборотъ русскіе князья на татарскихъ царевнахъ. Въ такихъ случаяхъ всегда татары, какъ женщины, такъ и мужчины, принимали православіе, и ихъ родственники не мѣшали этому. Крещенная татарская знать сдѣлалась, естественно, покровительницей своихъ русскихъ единовѣрцевъ и стала, мало по малу, обрусѣвать. Отъ нея впослѣдствіи произошли многія знатныя наши фамиліи. Уже въ 1261 году въ Золотой ордѣ образовалась особая епархія—Сарайская (то-есть былъ особый сарайскій епископъ).

Наконецъ татарская неволя содѣйствовала, какъ мы увидимъ, объединенію Русской земли (послѣ татарскаго погрома повсемѣстно, кромѣ Новгорода, исчезаетъ вѣче, которое много содѣйствовало обособленію отдѣльныхъ областей).

Южно-русскіе князья долго не могли примириться съ подчиненіемъ татарамъ. Напротивъ, великій князь владимірскій Ярославъ Всеволодовичъ показалъ примѣръ полной покорности тяжелой необходимости. Онъ пріѣхалъ на поклонъ къ Батыю, прошелъ между огнями, какъ требовалось по татарскому обычаю, и поклонился могилѣ Чингизъ-хана [1]). Батый поставилъ его старшимъ надъ другими князьями русскими и тѣмъ безсознательно содѣйствовалъ объединенію Русской земли. Ярославъ много сдѣлалъ для Руси въ это тяжелое время: онъ очистилъ ее отъ массы труповъ, которые лежали непогребенными, возстановилъ, насколько было возможно, города и отразилъ литовцевъ, которые, пользуясь затрудненіями Русской земли, стали нападать на нее. Возвращаясь изъ одной поѣздки въ орду, Ярославъ заболѣлъ и умеръ по дорогѣ, какъ увѣряетъ Плано-Карпини, отъ яда, даннаго ему ханшей.

Изъ южно-русскихъ князей прославился своей мученической кончиной въ ордѣ св. князь Михаилъ черниговскій: прі-

---

[1]) По Плано-Карпини эти обряды не имѣли религіознаго значенія, а потому въ исполненіи ихъ нельзя видѣть вѣроотступничества.

ѣхавъ въ орду, онъ отказался пройти между огнями и поклониться могилѣ Чингизъ-хана, усмотрѣвъ въ этомъ идолопоклонство, и былъ за это замученъ.

Сынъ Ярослава Александръ княжилъ при немъ въ Новгородѣ. Этому князю выпала трудная задача защищать Русскую землю отъ западныхъ враговъ ея: шведовъ, нѣмцевъ и литовцевъ, которые нагрянули на Русь, воспользовавшись ея ослабленіемъ. Со шведами война началась съ пограничныхъ столкновеній: насильно обращенные въ христіанство финны бѣ-

Рис. 58. Невская битва. Рисунокъ художника Кившенко.

жали изъ шведскихъ владеній въ новгородскія. Поэтому римскій папа Григорій IX сталъ проповѣдывать противъ Руси крестовый походъ. Шведскій военачальникъ Биргеръ выступилъ противъ новгородцевъ, но былъ на голову разбитъ Александромъ въ битвѣ при впаденіи Ижоры въ рѣку Неву (1240 г.). До насъ сохранилось сказаніе о подвигахъ Александра, написанное лицомъ, которому о нихъ разсказывалъ самъ герой. По словамъ этого памятника, въ Невской битвѣ князь собственноручно ранилъ вождя непріятельскаго войска („взложи печать въ лицо острымъ своимъ мечемъ“) и избилъ „множество безчисленное римлянъ“ (т.-е. католиковъ). Чудеса храбрости показали многіе изъ его дружины (рис. 58). То же

сказаніе передаетъ поэтичную легенду: наканунѣ битвы одинъ благочестивый мужъ видѣлъ видѣніе,—въ ладьѣ на морѣ святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, при чемъ Борисъ сказалъ Глѣбу: „братъ Глѣбъ поможемъ сроднику нашему князю Александру Ярославичу". За эту побѣду великій князь Александръ получилъ прозвище: „Невскаго".

Послѣ Невской битвы Александръ принужденъ былъ покинуть Новгородъ, вслѣдствіе несогласія съ новгородцами. Однако обстоятельства скоро заставили ихъ призвать его снова: при помощи измѣнниковъ Ливонскій орденъ захватилъ Псковъ. Александръ выгналъ оттуда нѣмцевъ и двинулся на Ливонію. На льду Чудского озера произошла рѣшительная битва. Нѣмцы врѣзались въ русскіе ряды фалангой („желѣзной свиньей", какъ говорили у насъ), но Александръ ударилъ на нихъ сбоку, смѣшалъ ихъ строй, разбилъ ихъ и гналъ ихъ семь верстъ (1242 г.; рис. 59). Эта побѣда имѣетъ великое значеніе: она сдержала постоянное стремленіе германскихъ народовъ на востокъ, которое сопровождалось безпощаднымъ истребленіемъ славянскаго племени („drang nach Osten").

Точно также удачно отразилъ онъ въ семи битвахъ литовцевъ, которые нападали на г. Торопецъ. Совсѣмъ иначе относился князь Александръ къ ордѣ. Онъ прекрасно понималъ, что съ татарами бороться еще рано: Русь была слишкомъ слаба для этого, а потому, сдѣлавшись въ 1252 году великимъ княземъ владимірскимъ, князь-герой всячески старался задабривать татаръ. Какъ разъ въ это время ханъ предпринялъ новую перепись Русской земли. Новгородцы, привыкшіе къ независимости, рѣшительно отказались подчиниться требованію хана. Съ ними былъ согласенъ и князь ихъ Василій, сынъ Александра Невскаго. Александръ отозвалъ его, строго наказалъ виновниковъ сопротивленія и, несмотря на то, что волненіе не унималось, въ концѣ концовъ принудилъ новгородцевъ подчиниться общей невзгодѣ. Съ другой стороны онъ съ большимъ трудомъ убѣдилъ татаръ ограничиться на этотъ разъ дарами и тѣмъ отвратилъ страшныя послѣдствія, которыя могъ имѣть гнѣвъ хана для Руси. Въ 1262 году азіатскіе купцы, которымъ была сдана на откупъ дань, вызвали своими притѣсненіями возстаніе во Владимірѣ, Ростовѣ и Суздали и были перебиты. Неминучая бѣда ждала Русскую землю, но Александръ отправился въ орду и богатыми дарами хану и

его приближеннымъ снова отклонилъ грозившія бѣдствія. Возвращаясь оттуда онъ заболѣлъ и скончался въ г. Городцѣ на Волгѣ, по словамъ лѣтописца: „много потрудившись для Русской земли“ (1263 г.).

Святой Александръ былъ истинно великимъ человѣкомъ. На современниковъ онъ производилъ неизгладимое впечатлѣ-

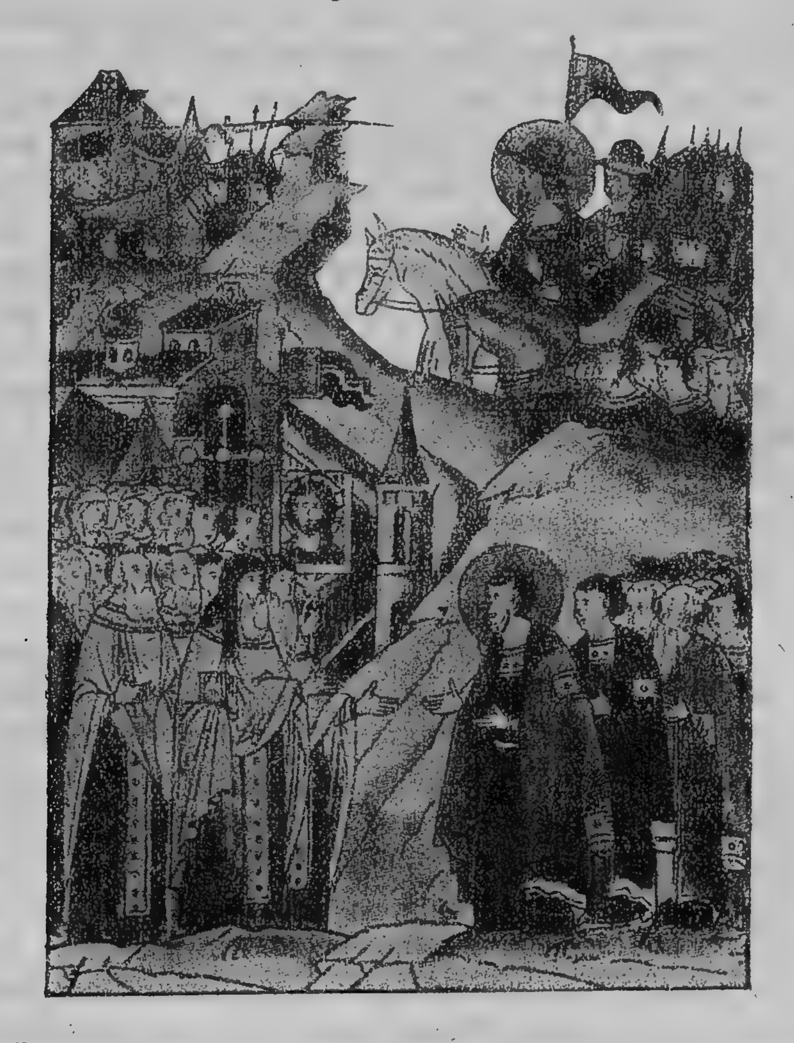

Рис. 59. Возвращеніе св. Александра Невскаго послѣ Ледового побоища Со стариннаго русскаго рисунка.

ніе. Одинъ рыцарь, находившійся въ Новгородѣ, сказалъ о немъ, по словамъ автора сказанія: „я исходилъ много разныхъ странъ, но не видѣлъ такого царя среди царей, и такого князя среди князей“. Такое же уваженіе къ своей личности сумѣлъ внушить онъ и хану. Современники боготворили доблестнаго князя; св. православная Церковь причла его къ лику святыхъ.

§ 8. **Юго-западная Русь и ея подчиненіе Литвѣ. Даніилъ Галицкій и судьба его государства. Образованіе Литовскаго государства (Миндовгъ, Гедеминъ, Ольгердъ). Унія Литвы съ Польшей при Ягайло. Витовтъ.**

Послѣ татарскаго нашествія изъ разоренной Кіевской Руси населеніе массами стало отливать во Владиміро-Суздальскую область, которая вслѣдствіе этого сравнительно легко оправилась послѣ погрома. Что касается до южной Руси, то въ ней пріобрѣтаетъ особое значеніе Галицкая область или Червонная Русь, гдѣ, какъ и въ Суздальской землѣ, утвердилась одна вѣтвь потомства Мономаха. Галицкая земля занимала крайній юго-западный уголъ нашей равнины и сѣверо-восточные склоны Карпатскихъ горъ. Она была одной изъ богатѣйшихъ русскихъ областей: изобиловала хлѣбомъ и скотомъ и снабжала остальную Русь солью. Здѣсь были очень значительные города, какъ Галичъ, Перемышль, Червень. Находясь въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ западной Европой, Галицкое княжество достигло значительной степени образованности, но съ другой стороны для нея имѣло роковое значеніе сосѣдство Венгріи и Польши. Это были наслѣдственные враги галицко-русскихъ князей. Кромѣ того въ Польшѣ и Венгріи рано развились аристократическія привилегіи. Въ Польшѣ вельможи (паны) успѣли сильно стѣснить власть князей (позже королей). По примѣру ихъ галицкіе бояре стремились ограничить власть галицкихъ князей въ своихъ узко-сословныхъ интересахъ, что было источникомъ большихъ смутъ. (Вѣче въ Галиціи рано исчезло, благодаря совмѣстнымъ усиліямъ и князей, и бояръ). Пограничное положеніе и усиленіе боярства были причиной, вслѣдствіе которой Галицкая область не могла сдѣлаться для южной Руси тѣмъ, чѣмъ стала Суздальская для сѣверной. Во время татарскаго погрома въ Галицкой землѣ княжилъ энергичный Даніилъ Романовичъ, показавшій большое мужество въ битвѣ при Калкѣ; ему удалось справиться съ своевольнымъ боярствомъ. Онъ владѣлъ также Волынской областью. Хотя обѣ области и подверглись разгрому со стороны татаръ, тѣмъ не менѣе татары не произвели въ Галиціи переписи и не посылали сюда баскаковъ. Правда, Даніилъ долженъ былъ ѣхать на поклонъ къ хану, но Батый принялъ его особенно милостиво. Однако южному князю-дружиннику,

привыкшему отстаивать свои права съ оружіемъ въ рукахъ, труднѣе было подчиниться тяжелой необходимости, нежели расчетливымъ сѣвернымъ князьямъ. Обидными показались ему и ласковыя слова хана: „Пей съ нами кумысъ, — ты теперь нашъ, татаринъ". (Ханъ хотѣлъ выразить этимъ, что онъ относится къ Даніилу такъ же, какъ если бы онъ былъ татаринъ). „О злѣе зла честь татарская", замѣчаетъ по этому поводу лѣтописецъ. Мужественный князь никогда не разставался съ мыслью о борьбѣ съ татарами и съ этою цѣлью велъ даже сношенія съ папой. Папа обѣщалъ ему крестовый походъ противъ татаръ, и Даніилъ принялъ изъ рукъ папскаго легата (посла) королевскій вѣнецъ (1255 г.). Однако, не найдя серьезной поддержки со стороны главы западной церкви, галицкій король прервалъ съ нимъ сношенія. Онъ началъ войну съ татарами въ союзѣ съ Литвой, но потерпѣлъ неудачу, такъ какъ союзники скоро перессорились между собой. Гораздо удачнѣе было вмѣшательство Даніила въ дѣла польской земли, гдѣ шли междоусобицы. Ему удалось захватить Люблинскую землю, которая была постояннымъ предметомъ раздора между Русью и Польшей. Даніилу удалось также завести родственныя связи съ сосѣдними монархами. Венгерскій король выдалъ свою дочь за его сына Льва и отказался отъ притязаній на Галичъ. Другой сынъ Даніила Романъ былъ женатъ на принцессѣ австрійской. Даніилъ заботился много о внутреннемъ устройствѣ своей земли: онъ заселялъ опустѣвшія мѣста и призывалъ съ этой цѣлью со всѣхъ сторонъ переселенцевъ, знавшихъ различныя ремесла. Особенно заботился онъ о городѣ Холмѣ, гдѣ жилъ послѣ разоренія Галича татарами. Здѣсь онъ построилъ двѣ каменныя церкви и установилъ епископскую каѳедру. Вообще это былъ выдающійся государственный человѣкъ и полководецъ, достойный современникъ Александра Невскаго. Во время войнъ съ Польшей онъ поставилъ условіе: „Не воевати ляхамъ русской челяди, ни Руси ляхской", что доказываетъ его удивительную, для того времени, широту взглядовъ и гуманность. Этотъ замѣчательный историческій дѣятель скончался въ 1264 году.

Послѣ смерти Даніила Волынская и Галицкая земли нѣкоторое время оставались подъ властью его потомства. Затѣмъ, по прекращеніи послѣдняго, Волынская земля подпала подъ власть Литвы, а Галиція подъ власть Польши (1349 г.).

Въ это время юго-западная Русь все болѣе и болѣе подпадаетъ подъ власть Литвы, вслѣдствіе чего исторія послѣдней такъ перепуталась съ исторіей нашего отечества, что необходимо подробнѣе остановиться на судьбѣ литовскаго племени.

Литовцы жили въ бассейнахъ рѣкъ Вислы, Западной Двины и Нѣмана и распадались на много племенъ. По происхожденію они были родственны славянамъ, что видно, какъ изъ ихъ языка, такъ и изъ ихъ языческихъ вѣрованій. Напримѣръ, богъ языческихъ литовцевъ Перкунъ напоминаетъ славянскаго бога Перуна: онъ былъ также богомъ грома и молніи [1]). Подобно всѣмъ арійскимъ народамъ, литовцы обоготворяли силы природы, но у нихъ сохранились слѣды фетишизма, котораго не находимъ у славянъ, въ видѣ почитанія священныхъ животныхъ (ужъ) и деревьевъ (вѣковой дубъ баублисъ) [2]). Въ противоположность славянамъ у литовцевъ развилось сильное жреческое сословіе, въ томъ числѣ были и жрицы. У нихъ былъ верховный жрецъ Криве-Кривейте, котораго католическіе писатели сравнивали съ римскимъ папой. Однако утвержденія будто бы онъ былъ первоначально политическимъ главою Литвы не подтверждаются новыми изслѣдованіями. Подобно славянамъ, литовцы первоначально управлялись своими племенными князьями. Внѣшняя опасность заставила ихъ объединиться; въ первой четверти XIII в. (1225 г.) въ нынѣшней восточной Пруссіи появился нѣмецкій духовный Тевтонскій орденъ, который покорилъ себѣ эту страну, до того времени населенную литовскимъ племенемъ пруссовъ, и насильственно крестилъ послѣднихъ. Объединенная Литва съ одной стороны защищала свою народность противъ тевтонскихъ и ливонскихъ рыцарей, а съ другой начала наступленіе на Русскія земли.

Настоящимъ создателемъ могущества Литвы былъ князь Миндовгъ, жестокій и коварный варваръ, не останавливавшійся ни передъ чѣмъ, чтобы держать въ зависимости отъ себя разрозненныя литовскія племена (вторая половина XIII вѣка). Подъ его властью находилась значительная часть русскихъ земель; племянники его сидѣли князьями въ Полоцкѣ, Витебскѣ

---

[1]) Въ западно-русской (Густынской) лѣтописи читаемъ: „Перконосъ, си есть Перунъ, бяше у нихъ (Литовцевъ) старѣйшій богъ, созданъ на подобіе человѣче, ему же въ рукахъ бяше камень многоцѣнный, аки огнь, ему же... огонь не угасающій съ дубоваго древія непрестанно паляху“.

[2]) По народному преданію, Баублису приносили въ жертву козъ.

и землѣ Смоленской. Столицей его сдѣлался городъ Новогродокъ. Миндовгъ сначала заключилъ мирный договоръ съ нѣмцами и даже притворно принялъ христіанство, но затѣмъ возсталъ противъ нихъ и нанесъ имъ сильное пораженіе на рѣкѣ Курбе въ Курляндіи. Уже при Миндовгѣ литовцы, какъ народъ менѣе культурный, стали подчиняться вліянію русскихъ. Жестокій и коварный князь сдѣлался предметомъ ненависти своихъ подданныхъ, какъ русскихъ, такъ и литовцевъ. Составился

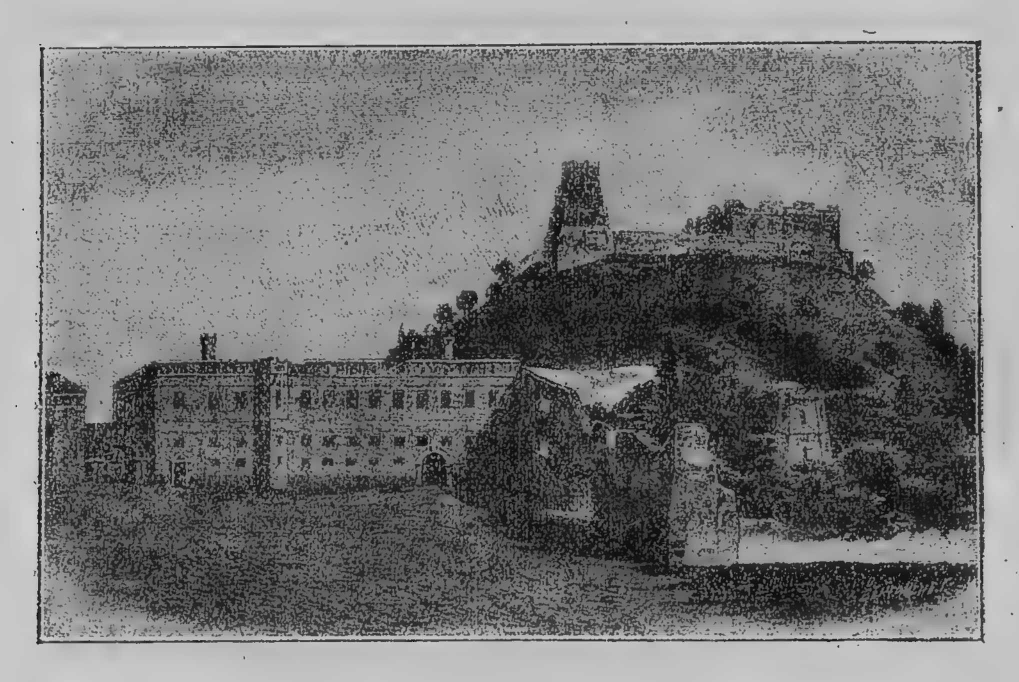

Рис. 60. Развалины замка великихъ князей литовскихъ въ Вильнѣ.

заговоръ, въ которомъ участвовали князья того и другого народа, и Миндовгъ былъ убитъ. Послѣ его смерти Литовское государство не распалось, несмотря на слабую связь его частей и борьбу литовской и русской партій. Окончательное торжество русской народности дала новая литовская династія, наиболѣе выдающимся представителемъ которой былъ великій князь Гедиминъ (1316—1341 г.г.). Онъ образовалъ правильное литовское войско, въ которомъ военачальниками были какъ литовцы, такъ и русскіе, и въ союзѣ съ поляками боролся противъ нѣмцевъ, которымъ нанесъ большое пораженіе. Границы своей земли этотъ князь укрѣпилъ замками и усиленно строилъ города. Среди послѣднихъ особенно замѣчателенъ г. Вильно, который сдѣлался новой столицей Литовско-русскаго княжества (рис. 60). Гедиминъ владѣлъ зна-

чительной частью Западной Руси (княжества: Полоцкое, Минское, Пинское, Туровское и Витебское) и старался подчинить своему вліянію Псковъ и Новгородъ. Официально онъ титуловался rex Litwinorum Rhutenorumque (король литовцевъ и русскихъ). Хотя попытка папы обратить Гедимина въ христіанство и не удалась, тѣмъ не менѣе онъ покровительствовалъ христіанству: при немъ въ Вильнѣ были два католическихъ монастыря, и въ его правительственномъ совѣтѣ-радѣ (вродѣ русской боярской думы) засѣдали между другими совѣтниками католическія духовныя лица. Съ другой стороны православіе и русскій языкъ нашли самое широкое распространеніе въ его княжествѣ. Почти всѣ сыновья Гедимина были женаты на русскихъ княжнахъ, а одинъ изъ нихъ еще при жизни отца принялъ православіе. Русскіе культурно подчинили своему вліянію своихъ побѣдителей литовцевъ, которые стали обрусѣвать. Русскія земли, вошедшія въ составъ Литовско-русскаго государства сохранили свои внутренніе порядки, подчиняясь только верховной власти литовскаго великаго князя. Гедиминъ палъ при осадѣ одной изъ крѣпостей нѣмецкихъ рыцарей.

Послѣ его смерти Литовско-русское государство было раздѣлено между его семью сыновьями. Великимъ княземъ сдѣлался самый талантливый изъ нихъ Ольгердъ, въ православіи Александръ (рис. 61).

Сначала каждый изъ сыновей Гедимина владѣлъ самостоятельно своимъ удѣломъ, но затѣмъ, вслѣдствіе опасности со стороны Тевтонскаго ордена, двое изъ нихъ Кейстутъ и Ольгердъ сосредоточили въ своихъ рукахъ власть надъ всей Литвой. Хотя Кейстутъ былъ старше Ольгерда, тѣмъ не менѣе великимъ княземъ сдѣлался болѣе способный Ольгердъ. Ольгердъ былъ женатъ сначала на витебской княжнѣ, затѣмъ на тверской, и былъ покровителемъ въ Литвѣ русскаго вліянія и православія. Напротивъ, Кейстутъ былъ женатъ на литвинкѣ и исповѣдывалъ родную языческую религію. Они общими усиліями отразили нападеніе крестоносцевъ, а затѣмъ Кейстутъ велъ противъ этихъ враговъ продолжительную партизанскую войну. Ольгердъ продолжалъ наступленіе на Русь и присоединилъ къ Литвѣ Подольскую и Кіевскую области. Изъ-за Волыни онъ велъ борьбу съ Польшей. Эта борьба кончилась тѣмъ, что одна часть Волыни осталась за Польшей, а другая за Литвой. Ольгердъ умеръ въ 1377 году, принявъ монаше-

ство подъ именемъ Алексія. За время его княженія Литовское государство простиралось отъ Балтійскаго моря до Чернаго, но въ немъ литовская народность совершенно тонула въ русской. Литовское государство не имѣло центра, вокругъ котораго могло бы объединиться, такъ какъ земли населенныя литовцами были для этого слишкомъ незначительны и части

Рис. 61. Портретъ великаго князя литовскаго Ольгерда. Изъ книги Гваньини: „Sarmatiae Europeae descriptio" (1578 г.); можно думать, съ современнаго портрета.

его попрежнему были слабо объединены между собою. Послѣ смерти Ольгерда, Кейстутъ призналъ великимъ княземъ его сына, своего племянника Ягайло.

Однако вскорѣ между ними начались междоусобицы. Ягайло захватилъ этого „послѣдняго богатыря языческой Литвы" и удавилъ его въ темницѣ.

Мстителемъ за Кейстута явился сынъ его Витовтъ. Онъ бѣжалъ къ тевтонскимъ рыцарямъ принялъ притворно като-

лицизмъ и нѣкоторое время воевалъ противъ Ягайло. Однако спустя нѣкоторое время между родственниками-соперниками состоялось тайное соглашеніе. Вслѣдствіе его Витовтъ захватилъ нѣсколько нѣмецкихъ крѣпостей и перешелъ съ ними на сторону Ягайло. За это онъ получилъ удѣлъ въ Литвѣ. Сдѣлавшись литовскимъ княземъ, Витовтъ принялъ сначала православіе, подъ именемъ Александра, но затѣмъ опять перешелъ въ католицизмъ, продолжая именоваться Александромъ. Между тѣмъ Ягайло сдѣлался польскимъ королемъ. Произошло это такъ: послѣ смерти польско-венгерскаго короля Людовика, распалось его королевство; польскій престолъ должна была наслѣдовать тринадцатилѣтняя дочь Людовика Ядвига. У польскихъ пановъ явилась мысль выдать ее за Ягайло и соединить такимъ образомъ Польшу и Литву подъ его властью съ условіемъ, однако, что Литовцы примутъ католицизмъ, который исповѣдывали поляки. Къ этому побуждала поляковъ общая опасность со стороны тевтонскихъ рыцарей, которые угрожали и Польшѣ. Ягайло согласился на этотъ политическій бракъ, и онъ состоялся въ 1386 году. Ягайло принялъ католицизмъ, подъ именемъ Владислава (какъ польскій король онъ носилъ имя Владислава II). Затѣмъ онъ потребовалъ, чтобы всѣ литовцы, не исключая тѣхъ, которые приняли православіе, перешли въ католицизмъ. Свобода исповѣдывать православіе была оставлена только русскимъ. Землевладѣльцы католики получили большія привилегіи сравнительно съ православными. Это вызвало въ Литвѣ сильное неудовольствіе, которое усиливалось и тѣмъ, что сдѣлавшись польскимъ королемъ Ягайло жилъ въ Польшѣ и отдавалъ явное предпочтеніе полякамъ. Вслѣдствіе этого въ Литвѣ вспыхнуло возстаніе, во главѣ котораго всталъ Витовтъ. Борьба его съ Ягайло кончилась въ 1392 году. Витовтъ былъ признанъ великимъ княземъ литовско-русскимъ въ нѣкоторой зависимости отъ Польши (рис. 62). Какъ литовско-русскій князь, Витовтъ продолжалъ дѣло своихъ предшественниковъ и завладѣлъ Смоленскомъ. Онъ также успѣшно велъ борьбу съ тевтонскими рыцарями и нанесъ имъ въ знаменитой Грюнвальдской битвѣ [1]) страшное пораженіе, отъ котораго орденъ уже не могъ оправиться (1410 г.). Въ этой

[1]) На правомъ берегу Нижней Вислы, въ нынѣшней Пруссіи. Иначе это сраженіе называется битвой при Танненбергѣ. Въ русскихъ памятникахъ оно называется битвой на Зеленомъ полѣ.

битвѣ участвовали и литовцы, и поляки, но рѣшили исходъ ея русскіе смоленскіе полки.

Однако при Витовтѣ быстро подвигалось ополяченіе Литвы. Въ 1401 году въ Вильнѣ было подписано соглашеніе, по которому, послѣ смерти Витовта, его владѣнія должны были перейти къ Ягайло, а польскіе вельможи обязались въ случаѣ смерти Ягайло не выбирать польскаго короля безъ согласія Витовта.

Затѣмъ унія (соединеніе Литвы съ Польшей) была еще разъ подтверждена въ Городлѣ (въ нынѣшней Холмской губерніи въ 1413 г.) Въ Литвѣ стали вводиться польскіе порядки и польскія должности.

Рис. 62. Печать великаго князя Витовта съ его изображеніемъ.

Часть высшаго класса литовскаго общества, исповѣдывавшая католицизмъ, была сравнена въ правахъ съ польскимъ дворянствомъ (шляхтой), которое къ этому времени пріобрѣло большое значеніе.

Витовтъ умеръ въ 1430 году. Такъ какъ его стремленіе къ объединенію Руси подъ своею властью и церковная политика столкнулись со стремленіями московскихъ великихъ князей, то ихъ будетъ удобнѣе изложить впослѣдствіи, а теперь перейти къ исторіи Московскаго княжества.

§ 9. Московское княжество: условія его возвышенія и его ростъ при первыхъ московскихъ князьяхъ. Борьба Москвы съ Тверью. Великій князь Іоаннъ Калита. Перенесеніе митрополичьей каѳедры въ Москву. Сыновья Іоанна Калиты. Митрополитъ св. Алексій.

Послѣ разгрома татарами Владиміро-Суздальской области, въ ней сильно мѣняется распредѣленіе населенія: до того времени оно было сосредоточено въ восточной и средней частяхъ его,—теперь оно главнымъ образомъ увеличивается въ юго-западной, гдѣ былъ основанъ княземъ Юріемъ Долгорукимъ городъ Москва... До того времени часть эта была окружена непроходимыми лѣсными дебрями, теперь въ нее усиленно притекаютъ поселенцы, такъ какъ она наименѣе пострадала отъ татаръ[1]). Напротивъ, средняя и восточная части пострадали сильнѣе, и населеніе изъ нихъ стало отливать въ бассейнъ р. Москвы. Географическое положеніе города Москвы было выгодно и въ другихъ отношеніяхъ: онъ лежалъ на пути изъ юго-западной Руси (Черниговская область) на сѣверо-востокъ, во Владиміръ. Поэтому и изъ разоренной Кіевской Руси населеніе направилось также прежде всего въ Москву.

Однако Москва сдѣлалась стольнымъ городомъ только около послѣдней четверти XIII вѣка. Московское княжество досталось младшему изъ сыновей Александра Невскаго—Даніилу Александровичу. Ему удалось захватить важный городъ Переяславль Залѣсскій. Не менѣе счастливы были его преемники; они не задавались широкими цѣлями, но не пропускали удобнаго случая, чтобы завладѣть слабымъ удѣломъ и присоединить его къ своему княжеству, о которомъ заботились, какъ хорошіе помѣщики (призывали новыхъ поселенцевъ, обрабатывали пустыя земли и т. д.). Обстоятельства имъ благопріятствовали. Послѣ татарскаго нашествія русскія области раздробились на мелкія части, и это облегчало работу московскихъ князей.

Послѣ Даніила московскимъ княземъ былъ сынъ его Юрій Даніиловичъ. Онъ сдѣлалъ не менѣе важныя пріобрѣтенія

---

[1]) См. статью проф. Любавскаго „Возвышеніе Москвы“ въ изданіи „Москва въ ея прошломъ и настоящемъ“, т. I, стр. 66—75.

для своего княжества, а именно города Можайскъ и Коломну. Первый изъ этихъ городовъ лежитъ у верховьевъ рѣки Москвы, а второй при впаденіи ея въ Оку. Такимъ образомъ теперь все теченіе рѣки Москвы было въ рукахъ московскихъ князей.

При Юріи началась тяжелая борьба московскихъ великихъ князей съ тверскими изъ-за великокняжескаго ярлыка. Юрій выступилъ соперникомъ тверского князя Михаила Ярославича, когда тотъ поѣхалъ въ орду за ярлыкомъ на великое княжество Владимірское. Митрополитъ Максимъ пытался предотвратить междоусобицу, но безуспѣшно.

Татарскіе князья прямо давали понять Юрію, что побѣдитъ та сторона, которая больше дастъ. Сначала побѣда осталась за Михаиломъ. Однако Юрій поѣхалъ въ орду, сумѣлъ сблизиться съ ханомъ Узбекомъ, даже женился на сестрѣ его Кончакѣ, которая приняла въ св. крещеніи имя Агаѳьи, и получилъ отъ шурина вспомогательный татарскій отрядъ. Кромѣ того онъ заключилъ союзъ съ новгородцами, и такимъ образомъ Тверское княжество съ двухъ сторонъ было окружено врагами.

Тѣмъ не менѣе великій князь Михаилъ успѣшно боролся съ врагами. Но къ его несчастью, княгиня Агаѳья попала къ нему въ плѣнъ и въ плѣну умерла. Этимъ воспользовались Юрій и начальникъ вспомогательнаго татарскаго отряда Кавгадый, чтобы выставить Михаила передъ Узбекомъ ея убійцей и врагомъ самого хана. Михаилъ былъ вызванъ ханомъ на судъ въ орду; онъ отправился туда и былъ звѣрски замученъ. Мстителемъ за него явился сынъ его Дмитрій, по прозванію „Грозныя очи". Онъ собственноручно убилъ Юрія въ ордѣ въ присутствіи хана. За это преступленіе ханъ велѣлъ казнить Дмитрія, но великокняжескій ярлыкъ отдалъ брату его Александру.

Послѣ Юрія сталъ княжить братъ его Іоаннъ Даніиловичъ Калита.

Калита древне-русское слово, означающее денежный кошелекъ; нѣтъ сомнѣнія, что это прозвище было сначала дано не безъ насмѣшки и указывало на крайне расчетливый и даже скупой характеръ князя. Однако, съ теченіемъ времени, этому прозвищу дали другое болѣе нравственное значеніе. Въ разсказахъ св. Пафнутія Боровскаго († 1478 г.) повѣствуется, что въ 1425 году во время мора обмирала одна инокиня[1]); когда она очнулась, то разсказала,

[1]) То-есть у нея, говоря современнымъ языкомъ, былъ летаргическій сонъ.

что видѣла рай и адъ; въ раю она видѣла благовѣрнаго князя Калиту, который, поясняетъ повѣствователь, получилъ свое прозвище за нищетолюбіе: онъ всегда носилъ за поясомъ денежный мѣшокъ (калиту) и бросалъ каждому нищему столько, сколько могла взять рука.

При Іоаннѣ Калитѣ Москва получила большое церковное значеніе. Со времени разгрома Кіева татарами русскіе митрополиты переселились изъ него во Владиміръ, но имъ часто

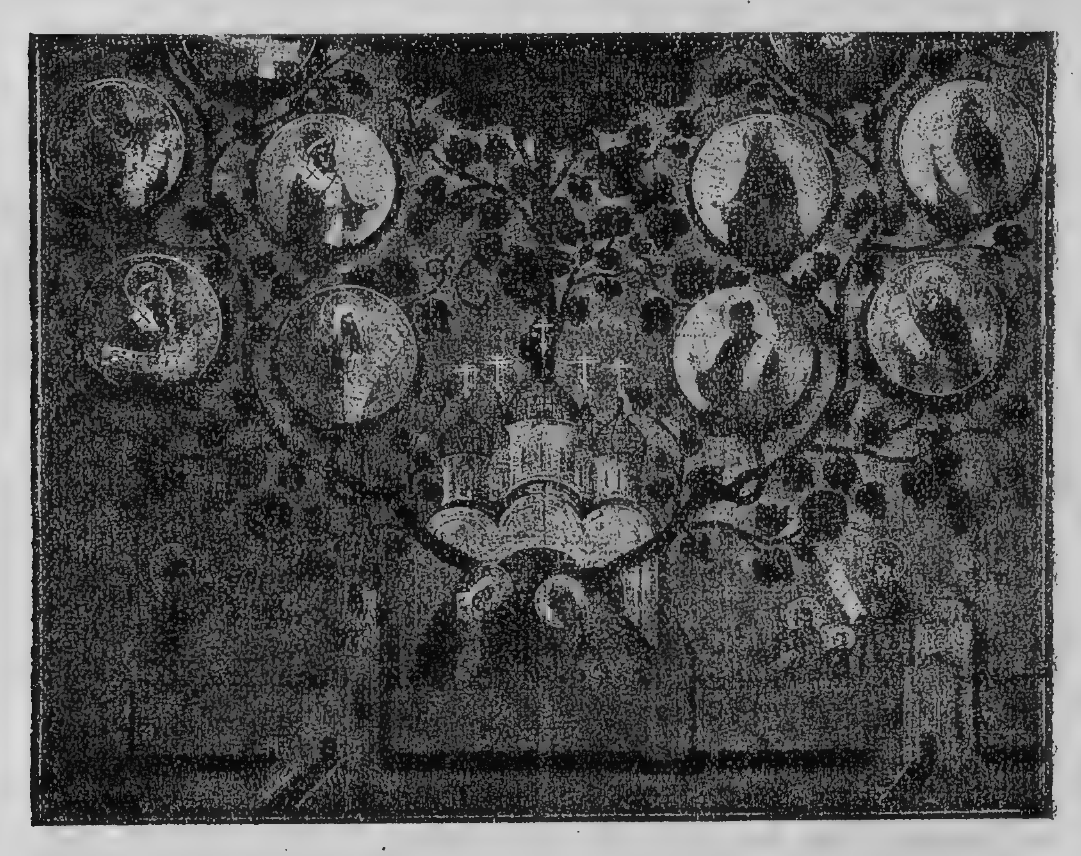

Рис. 63. Іоаннъ Калита и святитель Петръ поливаютъ древо князей московскихъ. Аллегорическая картина московскаго художника XVII в. Симона Ушакова, находящаяся въ Москвѣ въ церкви Грузинской Божіей Матери

приходилось ѣздить на югъ, по дѣламъ своей тамошней паствы. Во время этихъ поѣздокъ святители не могли миновать Москвы, которая лежала по дорогѣ. Іоаннъ Калита искусно воспользовался этимъ: онъ снискалъ расположеніе митрополита св. Петра, который часто гостилъ у него въ Москвѣ. По житію св. Петра, святитель убѣдилъ князя построить каменную церковь во имя Успенія Пресвятой Богородицы и завѣщалъ похоронить себя тамъ, обѣщая въ такомъ случаѣ славу московскому князю и его роду. Дѣйствительно св. Петръ преставился въ Москвѣ и

былъ похороненъ въ ней. Его преемникъ св. Θеогностъ окончательно перенесъ митрополію въ Москву и сдѣлался горячимъ поборникомъ интересовъ московскаго князя (рис. 63).

Кромѣ церкви Успенія Пресвятой Богородицы (Успенскаго собора), Іоаннъ Калита построилъ въ Москвѣ еще нѣсколько каменныхъ церквей и окружилъ кремль Москвы дубовыми стѣнами, слѣды которыхъ сохранились до нашего времени (рис. 64).

Рис. 64. Постройка деревянныхъ стѣнъ московскаго кремля. Съ картины А. М. Васнецова.

Въ то время, какъ въ Москву была перенесена митрополія, въ Твери вспыхнуло возстаніе противъ татаръ. Оно было вызвано притѣсненіями со стороны ханскаго посла, двоюроднаго брата Узбека—Шевкала (Чол-хана), и его свиты. Виновники притѣсненій были сожжены. Іоаннъ Даніиловичъ въ это время былъ въ ордѣ. Онъ получилъ отъ Узбека сильный отрядъ татаръ, чтобы наказать тверитянъ и доставить ихъ князя на судъ къ хану. Въ слѣдующемъ году Узбекъ далъ московскому князю ярлыкъ на великое княженіе (1328 г.). Александръ бѣжалъ въ Псковъ, и псковичи поклялись не выдавать его. Тогда митрополитъ Θеогностъ, по настоянію московскаго

князя, наложилъ проклятіе на Псковъ. Не желая подвергать Псковъ опасности, князь Александръ ушелъ въ Литву. Однако черезъ нѣсколько времени онъ принесъ повинную хану, и тотъ разрѣшилъ ему снова занять тверской столъ. Тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько времени онъ былъ умерщвленъ въ ордѣ по проискамъ Іоанна Калиты. Напротивъ, послѣдній получилъ отъ хана важное право собирать дань съ другихъ князей и отсылать ее хану. Какъ ни былъ жестокъ и жаденъ московскій князь, тѣмъ не менѣе русскимъ легче было имѣть дѣло съ нимъ, нежели съ татарами. Поэтому понятно выраженіе лѣтописи, что съ этого времени „на Руси бысть тишина велика“. Часть дани, вѣроятно, оставалась у московскаго князя, который все болѣе богатѣлъ. Это давало ему возможность покупать не только деревни и села, но даже цѣлые города у раззорившихся князей. (Такъ имъ были куплены Бѣлозерскъ, Галичъ и Угличъ). Такъ какъ въ Московскомъ княжествѣ жилось теперь легче, чѣмъ въ другихъ земляхъ русскихъ, то въ него со всѣхъ сторонъ стремились какъ слуги вольные— бояре, такъ и простой народъ.

Іоаннъ Калита сталъ уже именовать себя великимъ княземъ „всея Руси“. Онъ послѣдовательно проводилъ тотъ взглядъ на свое княжество, какой пытался ввести уже Всеволодъ Большое Гнѣздо. Онъ разсматривалъ его какъ свою собственность. Это сказалось въ его знаменитомъ духовномъ завѣщаніи. Имъ Калита раздѣлилъ между своей женой и тремя сыновьями свое княжество, подобно тому, какъ свое имущество, до самыхъ мелкихъ предметовъ включительно. Старшій сынъ получилъ больше земли сравнительно съ другими членами семьи. Вообще въ Московскомъ княжествѣ устанавливается новый порядокъ наслѣдованія: великому князю наслѣдуетъ обыкновенно его старшій сынъ, а не старшій въ родѣ, какъ было раньше. Этотъ порядокъ много содѣйствовалъ устраненію смутъ и усиленію Москвы. Іоаннъ Калита скончался въ 1341 году.

Рис. 65. Монеты хана Узбека.

Послѣ смерти Калиты великимъ княземъ владимірскимъ ханъ Узбекъ объявилъ его старшаго сына Симеона Гордаго,

которому отдалъ „подъ руцѣ“ всѣхъ русскихъ князей. Этимъ Узбекъ безсознательно содѣйствовалъ объединенію Руси на гибель орды. Грозный ханъ умеръ въ тотъ же годъ, слѣдовательно пережилъ не долго своего вѣрнаго вассала Іоанна Калиту.

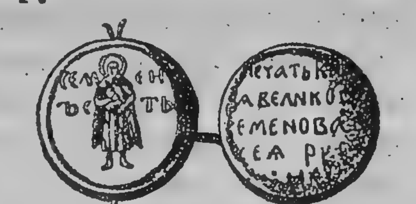

Рис. 66. Печать великаго князя Симеона Гордаго.

Великій князь Симеонъ (1341—1353 гг.) былъ во всемъ подобенъ своему отцу. Еще Іоаннъ

Рис. 67. Изображеніе св. Алексія митрополита. Со старинной иконы хранящейся въ музеѣ П. И. Щукина въ Москвѣ.

Калита началъ борьбу съ Новгородомъ, требуя отъ него дани, — Симеонъ побѣдоносно закончилъ эту борьбу. Литовскій великій князь Ольгердъ пошелъ войной на Симеона, боясь его усиленія, и пытался внушить хану недовѣріе къ его вассалу. Однако ханъ выдалъ посла Ольгерда московскому князю. Это заставило Ольгерда помириться съ послѣднимъ.

При Симеонѣ Москву постигло страшное бѣдствіе моровая язва, отъ которой умеръ самъ великій князь.

Послѣ смерти Симеона великимъ княземъ былъ братъ его Іоаннъ Іоанновичъ, по прозванію Кроткій. Это былъ князь, по словамъ лѣтописи, кроткій, тихій и милостивый, но онъ не обладалъ способностями правителя. При немъ сильно упалъ авторитетъ великокняжеской власти. Однако Московское государство сохранило свое прежнее значеніе, благодаря дѣятельности митрополита св. Алексія и московскихъ бояръ; послѣдніе были заинтересованы въ томъ, чтобы князь, которому они служили, былъ сильнѣе другихъ. Святой Алексій былъ въ міру бояринъ Елевферій (рис. 67); онъ былъ для своего времени человѣкъ довольно образованный и зналъ греческій языкъ, съ котораго перевелъ Новый Завѣтъ. Этотъ святитель имѣлъ большое вліяніе и на свѣтскія дѣла. Онъ ѣздилъ въ орду, умѣлъ тамъ внушить уваженіе къ своему сану и къ своей личности, и пользовался своимъ вліяніемъ въ интересахъ слабаго московскаго князя. Великій князь Іоаннъ Іоанновичъ скончался въ 1359 году, 33-хъ лѣтъ отъ роду, оставивъ двухъ малолѣтнихъ сыновей: Дмитрія и Іоанна, между которыми онъ раздѣлилъ свои владѣнія.

§ 10. **Великій князь Дмитрій Донской. Борьба изъ-за великокняжескаго ярлыка. Отношеніе къ младшимъ князьямъ. Борьба съ Рязанью и Тверью. Преподобный Сергій. Куликовская битва и ея послѣдствія. Нашествіе Тохтамыша. Окончаніе борьбы съ Рязанью. Отношеніе къ Новгороду. Отношеніе къ боярамъ. Завѣщаніе великаго князя Дмитрія и его кончина.**

Дмитрій и его братъ Іоаннъ остались малолѣтними послѣ смерти ихъ отца. Поэтому Дмитрій не могъ своевременно явиться въ орду, чтобы получить ярлыкъ на великое княжество владимірское, и ханъ отдалъ ярлыкъ князю суздальскому Дмитрію Константиновичу.

Между тѣмъ въ ордѣ начались междоусобія: она распалась на двѣ части, во главѣ которыхъ стояли враждебные другъ другу ханы. Именемъ одного изъ нихъ Мюрида управлялъ темникъ, то есть главный военачальникъ, Мамай, человѣкъ умный и энергичный. Московскіе бояре добились у этого хана великокняжескаго ярлыка для своего молодого князя (1362 г.) и поэтому суздальскій князь нашелъ поддержку въ другомъ ханѣ. Между Москвой и Суздалью шла борьба, которая закончилась побѣдою московскаго князя. Дмитрій Константиновичъ призналъ великимъ княземъ своего соперника, а тотъ женился на его дочери.

Вообще, по выраженію лѣтописи, Дмитрій Іоанновичъ „всѣхъ князей приводилъ подъ свою власть, а которые не повиновались его волѣ, на тѣхъ началъ посягать". Въ этомъ отношеніи очень интересны его договорныя грамоты съ его двоюроднымъ братомъ княземъ серпуховскимъ Владиміромъ Андреевичемъ. Изъ нихъ первая была написана въ 1362 году. Въ ней говорится: „Тебѣ, брату моему младшему князю Владимиру, держать подо мною княженіе мое великое честно и грозно; тебѣ, брату моему младшему, служить мнѣ безъ ослушанія, по уговору, какъ будетъ мнѣ надобно и тебѣ, а мнѣ тебя кормить по твоей службѣ". Такимъ образомъ, младшій князь былъ поставленъ въ полное служебное положеніе по отношенію къ великому. Онъ долженъ былъ стоять заодно со старшимъ во всемъ: самъ „садиться на коня", когда тотъ сядетъ, и посылать своихъ воеводъ, когда тотъ пошлетъ.

При Дмитріи Москвѣ пришлось выдержать трудную борьбу съ Тверью. Поводомъ къ ней послужило вмѣшательство Дмитрія въ распрю великаго князя тверского Михаила Александровича съ другими тверскими князьями. Борьба съ Тверью окончилась удачно для князя московскаго, хотя въ борьбу вмѣшивались и татары, и литовскій великій князь Ольгердъ на сторонѣ Твери. Дмитрій ѣздилъ въ орду задобрилъ татаръ дарами, а Ольгерду нанесъ сильное пораженіе подъ Любутскомъ (нынѣ село въ Калужскомъ уѣздѣ). Тверской князь долженъ былъ заключить договоръ съ княземъ московскимъ, по которому великій князь тверской, не утрачивая своего великокняжескаго титула, обязывался считаться младшимъ братомъ Дмитрія, наравнѣ съ Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ.

Тяжела и продолжительна была борьба съ Рязанью. Она началась изъ-за пограничныхъ споровъ. Великій князь рязанскій Олегъ Іоанновичъ отличался смѣлымъ и энергичнымъ характеромъ. Дмитрій отнялъ было у него Рязань, но тотъ вернулъ ее себѣ. Въ этомъ случаѣ татары помогли Олегу. Однако, общая опасность со стороны орды заставила обоихъ князей на нѣкоторое время помириться между собою. Въ 1373 г. татары опустошили Рязанское княжество, но великій князь московскій и Владиміръ Андреевичъ задержали татаръ на берегахъ р. Оки.

Дмитрію Донскому первому выпала на долю слава побѣдить татаръ въ открытомъ полѣ. Поводомъ къ столкновенію съ татарами послужилъ неаккуратный платежъ русскими дани: пользуясь междоусобицами въ ордѣ, они подолгу не платили ея татарамъ. Вслѣдствіе этого различные татарскіе князья постоянно нападали на Русскую землю съ цѣлью грабежа, причемъ то они одолѣвали русскихъ, то русскіе ихъ. Въ 1378 году татары вторглись въ Рязанскую землю и страшно опустошили ее, но великіе князья Дмитрій и Олегъ нанесли имъ такое сильное пораженіе на берегахъ р. Вожи, какого татары не испытали до сихъ поръ. Мамай въ гнѣвѣ сталъ готовиться къ мести. Есть любопытное извѣстіе, что совѣтники Мамая говорили ему: „орда твоя ослабѣла, но у тебя есть большія богатства; пошли нанять генуезцевъ [1]), черкесовъ, ясовъ и другіе народы“. Мамай послѣдовалъ ихъ совѣту и сталъ усиленно готовиться къ войнѣ. Въ 1379 году онъ вторгся въ Рязанскую землю и такъ ее опустошилъ, что, по словамъ лѣтописи, ее снова приходилось населять. Это заставило Олега подчиниться снова татарамъ, обѣщать имъ дань и военную помощь, а также заключить формальный договоръ съ союзникомъ Мамая Ягайло Литовскимъ (послѣдній не могъ желать усиленія Москвы, такъ какъ подъ властью Литвы находилось не мало русскихъ земель). Тѣмъ не менѣе въ рѣшительную минуту Олегъ увѣдомилъ великаго князя московскаго о приготовленіяхъ Мамая.

Передъ рѣшительными дѣйствіями великій князь Дмитрій поѣхалъ принять благословленіе отъ великаго подвижника земли Русской преподобнаго Сергія. Преподобный Сергій Радо-

---

[1]) Генуезцы имѣли колоніи въ Крыму.

нежскій (въ мірѣ Варѳоломей) происходилъ изъ знатнаго рода ростовскихъ бояръ; онъ родился въ небольшомъ городкѣ Радонежѣ, куда, вслѣдствіе матеріальнаго недостатка, должны были переселиться его родители (въ 54 верстахъ отъ Москвы). Чувствуя влеченіе къ аскетическимъ подвигамъ, этотъ святой мужъ рано удалился отъ міра; среди глухого Радонежскаго бора онъ построилъ церковь во имя Пресвятой Троицы (рис. 68)

Рис. 68. Труды преподобнаго Сергія и его сподвижниковъ. Со стариннаго рисунка изъ его „Житія" (XV в.), находящагося въ Троице-Сергіевой лаврѣ.

и принялъ иночество. Сюда стали стекаться другіе иноки, и такимъ образомъ образовалась обитель Троице-Сергіевъ монастырь, нынѣ лавра. Преподобный Сергій былъ вторымъ ея настоятелемъ. Въ своемъ монастырѣ онъ завелъ самый строгій уставъ. Слава объ его святости разнеслась по всей Руси и достигла даже Царь-града. Принять отъ него благословленіе шли какъ простые люди, такъ и князья. Своимъ вліяніемъ онъ пользовался въ интересахъ Московскаго княжества и не разъ склонялъ различныхъ князей подчиниться волѣ князя московскаго (князей ростовскаго, нижегородскаго и др.). Та-

кимъ образомъ, несмотря на свое отреченіе отъ міра, онъ былъ въ свое время выдающимся политическимъ дѣятелемъ. Преподобный Сергій благословилъ великаго князя Дмитрія, предрекъ ему побѣду и далъ ему въ сподвижники двухъ сво-

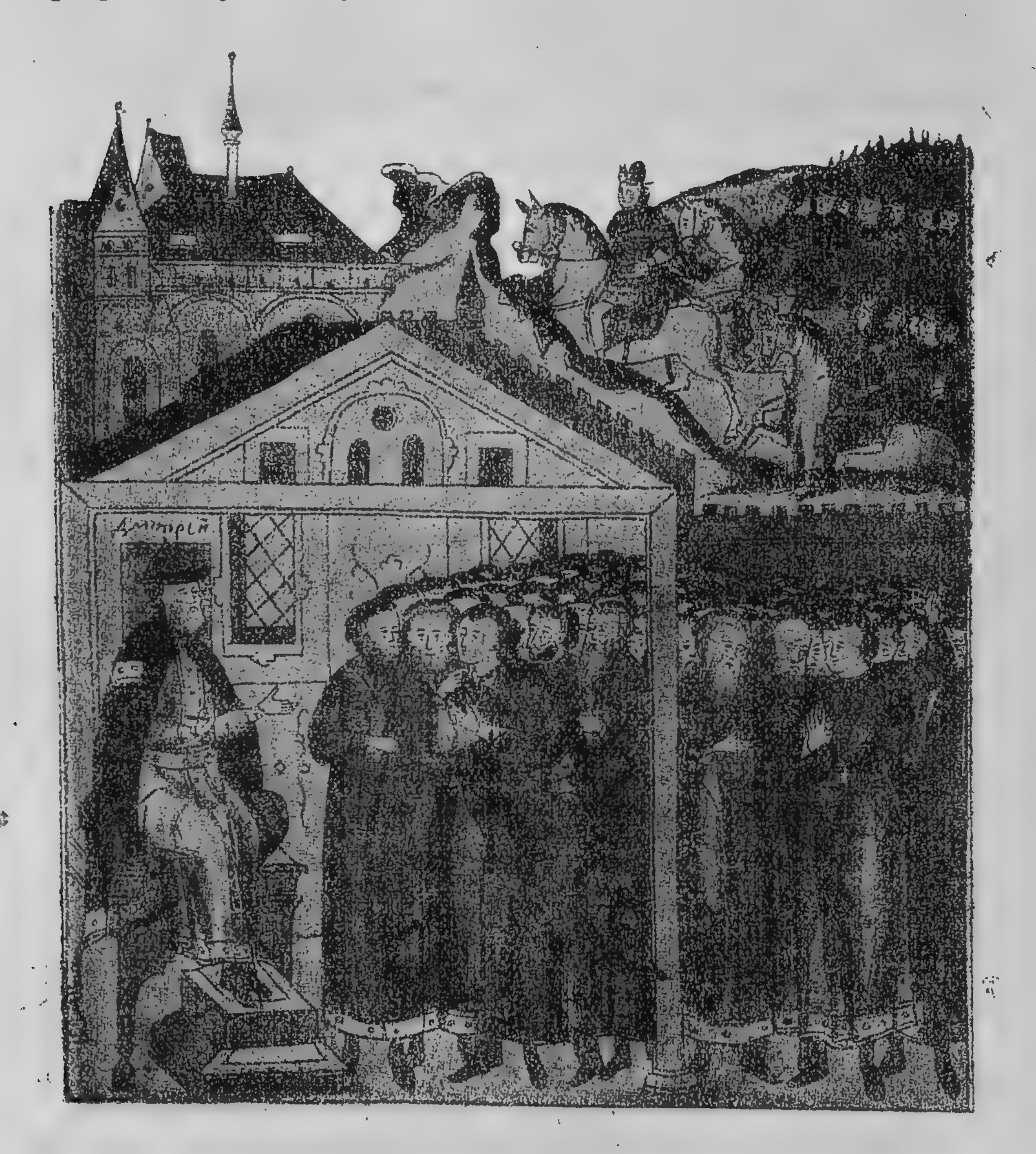

Рис. 69. Великій князь Дмитрій созываетъ русскихъ князей на брань. Изъ „Житія“ преподобнаго Сергія.

ихъ иноковъ, Ослябя и Пересвѣта, которые раньше были мужественными воинами. Они оба геройски пали въ битвѣ.

Сборы на войну происходили въ Коломнѣ (рис. 69). Здѣсь составилась небывалая по количеству рать сѣверо-восточныхъ русскихъ князей. Отсюда она выступила въ походъ,

перешла черезъ Оку и направилась къ Дону, навстрѣчу врагу. По дорогѣ присоединились къ Дмитрію литовскіе князья Ольгердовичи Дмитрій и Андрей, братья Ягайло, покинувшіе свою землю изъ вражды къ брату. Самъ Ягайло не успѣлъ оказать помощь Мамаю. Битва произошла 8 сентября 1380 г., при впаденіи рѣки Непрядвы въ Донъ, на равнинѣ, извѣстной подъ названіемъ Куликова поля (рис. 70). Въ ней великій князь сражался какъ простой воинъ и показалъ большую личную храбрость. Русскіе совершали чудеса храбрости, но

Рис. 70. Мѣсто сліянія Непрядвы съ Дономъ.

подъ конецъ татары стали одолѣвать. Однако исходъ сраженія рѣшили русскіе полки, находившіеся въ засадѣ въ ближайшей дубравѣ, подъ предводительствомъ князя Владиміра Андреевича Серпуховского и воеводы Дмитрія Боброка Волынскаго. Въ рѣшительную минуту они ударили на татаръ и обратили ихъ въ нестройное бѣгство. За эту битву Дмитрій получилъ названіе „Донского", а Владиміръ Андреевичъ— „Храбраго". Мамай бѣжалъ въ орду, но, изгнанный оттуда, долженъ былъ искать пріюта въ Крыму у своихъ союзниковъ генуэзцевъ, гдѣ и былъ убитъ.

Куликовская побѣда была очень тяжела для русскихъ: по количеству убитыхъ она, какъ мѣтко замѣчаетъ С. М. Со-

ловьевъ, граничила съ пораженіемъ. Тѣмъ не менѣе, нравственное значеніе ея было очень велико; она не освободила окончательно Русь отъ татарскаго нашествія, но показала русскимъ, что ихъ врага можно одолѣть. Новый взглядъ установился теперь и на князя московскаго: въ немъ стали видѣть защитника всей земли Русской, а въ томъ, кто шелъ противъ него,—врага всего русскаго народа. Поэтому справедливо замѣчаетъ знаменитый историкъ В. О. Ключевскій, что Московское государство родилось не въ скопидомной сумѣ Іоанна Калиты, а на Куликовомъ полѣ. О Куликовской битвѣ сохранилось много народныхъ преданій, показывающихъ какое впечатлѣніе она произвела на народъ. Сохранилось даже поэтическое произведеніе объ этомъ событіи, написанное по образцу „Слова о полку Игоревѣ“ (Задонщина).

Когда московскія войска возвращались послѣ побѣды черезъ Рязанскую землю, ихъ пограбили рязанцы. Дмитрій хотѣлъ наказать Олега, но оказалось, что онъ не былъ виноватъ въ этомъ, такъ какъ былъ въ отсутствіи. Въ слѣдующемъ году великій князь рязанскій заключилъ договоръ съ Дмитріемъ, которымъ приравнивался къ Владиміру Андреевичу Храброму.

Въ 1382 году виновникъ гибели Мамая, ханъ Тохтамышъ вторгся въ Русскую землю. Боясь новаго разгрома Рязанской земли, Олегъ обвелъ татаръ вокругъ нея и показалъ имъ бродъ черезъ Оку. Татары разгромили Москву, но на возвратномъ пути опустошили и Рязанское княжество. Дмитрій принужденъ былъ снова платить дань татарамъ, но рѣшилъ наказать Олега. Между ними началась новая война, которая была неудачна для Москвы. Однако преподобный Сергій поѣхалъ въ Рязань и „тихими, кроткими рѣчами“ смягчилъ суроваго Олега. Послѣдній заключилъ вѣчный миръ съ Москвою, при чемъ его сынъ женился на дочери великаго князя московскаго.

Относительно Новгорода Дмитрій продолжалъ политику своихъ предшественниковъ и требовалъ отъ него покорности. Новгородцы не приняли участія въ Куликовской битвѣ. Съ другой стороны, ихъ „ушкуйники“ причиняли большой вредъ населенію приволжскихъ земель. Ушкуйниками въ Новгородѣ назывались удалые люди, ходившіе въ особыхъ лодкахъ (уш-

куяхъ) по русскимъ рѣкамъ съ цѣлью добычи. Дмитрій заставилъ новгородцевъ смириться и принять его намѣстника.

Отношенія съ боярами у Дмитрія были хорошія. „Я васъ держалъ, какъ князей", сказалъ онъ имъ, умирая. Это не помѣшало, однако, ему казнить одного изъ знатнѣйшихъ московскихъ бояръ Ивана Вельяминова, сына послѣдняго московскаго тысяцкаго, за отъѣздъ и содѣйствіе тверскому великому князю. По словамъ лѣтописи, народъ плакалъ о „благородствѣ и величествѣ" казненнаго.

Дмитрій Донской скончался въ 1389 году, благословивъ въ духовномъ завѣщаніи своего старшаго сына Василія великимъ княжествомъ владимірскимъ (рис. 71). Со времени Дмитрія Донского очень растетъ доля старшаго князя въ наслѣдствѣ. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи Дмитрій раздѣлилъ свое княжество на 5 частей, по числу своихъ сыновей, и опредѣлилъ доходность каждой изъ нихъ, а также сколько долженъ былъ вносить каждый князь ордынской дани. На долю старшаго сына Василія приходилось болѣе трети въ каждой тысячѣ дани.

Рис. 71. Начало духовнаго завѣщанія великаго князя Дмитрія Іоанновича. Находится въ древле-хранилищѣ Московскаго архива Министерства иностранныхъ дѣлъ.

§ 11. Великій князь Василій I Дмитріевичъ. Великій князь Василій II Темный. Отношеніе къ Флорентійской уніи.

Объединенію русскихъ земель подъ властью московскаго князя очень много содѣйствовало единеніе князей московскихъ съ боярами и духовенствомъ. Особенно это обнаружилось при преемникахъ Дмитрія Донского. Во всѣхъ русскихъ княжествахъ замѣчается стремленіе бояръ въ Москву, гдѣ было выгоднѣе служить. Лучше всего показываетъ это присоединеніе Нижняго Новгорода. На третій годъ княженія великій князь Василій I ѣздилъ въ орду и получилъ ярлыкъ на княжество Нижегородское, которое незадолго передъ тѣмъ ханъ отдалъ

другому князю. Старшій изъ нижегородскихъ бояръ Василій Румянецъ убѣдилъ своего князя впустить въ городъ татарскаго посла и московскихъ бояръ, а затѣмъ отъ имени нижегородскихъ бояръ объявилъ ему: „Господине княже, не надѣйся на насъ: мы теперь не твои и не съ тобой, а противъ тебя.“ Такимъ образомъ такой важный пунктъ, какъ Нижній Новгородъ былъ присоединенъ къ Москвѣ безъ всякаго сопротивленія. Вмѣстѣ съ Нижнимъ, Василій пріобрѣлъ Городецъ, Муромъ, Мещеру и Тарусу, а черезъ нѣсколько лѣтъ и Суздаль.

Рис. 72. Изображеніе великаго князя Василія Дмитріевича и Софіи Витовтовны на саккосѣ митрополита Фотія. Находится въ Патріаршей ризницѣ въ Москвѣ.

Василію, подобно его предшественнику, пришлось бороться съ Новгородомъ. Поводомъ было стремленіе новгородскаго архіепископа стать независимымъ отъ московскаго митрополита. Московскій князь отнялъ у Новгорода Двинскую землю и держалъ въ заключеніи три года новгородскаго архіепископа Іоанна. Однако онъ долженъ былъ освободить владыку и вернуть захваченную землю, такъ какъ на Новгородъ имѣлъ также притязанія великій князь литовскій Витовтъ, на дочери котораго Софіи былъ женатъ московскій великій князь (рис. 72). Московская великая княгиня Софія Витовтовна была женщина рѣшительная и энергичная. Однажды она руководила защитой Москвы отъ татаръ, но въ то же время ея властный характеръ былъ источникомъ многихъ несчастій для Московскаго княжества. Три раза великій князь московскій выступалъ противъ своего тестя и сходился съ нимъ, но у нихъ дѣло до сраженія не дошло. Въ 1399 г. Витовтъ потерпѣлъ страшное пораженіе при рѣкѣ Ворсклѣ отъ татарскаго темника мурзы Эдигея управлявшаго въ это время ордой. Общая опасность заставила ве-

ликихъ князей - родственниковъ заключить между собой мирный договоръ, по которому рѣка Угра сдѣлалась границей между Литовскимъ и Московскимъ государствами (1407 г.).

Пользуясь междоусобицами въ ордѣ, Василій Дмитріевичъ, какъ и его отецъ, пересталъ платить татарамъ дань. Однако Русь испытала при немъ два татарскихъ нашествія. Первое было сдѣлано грознымъ завоевателемъ Тамерланомъ, который удалился, не дойдя до Москвы. Гораздо болѣе тяжелый ударъ нанесъ Руси побѣдитель при Ворсклѣ—Эдигей, который въ 1408 году далъ знать, что идетъ на Литву, но явился внезапно подъ Москвой, страшно опустошилъ Московское государство и принудилъ великаго князя опять платить дань. Кромѣ того грозный военачальникъ написалъ великому князю грамоту, въ которой укорялъ его за то, что тотъ слушаетъ молодыхъ бояръ и пересталъ оказывать покорность ханамъ. Эдигей ставилъ въ примѣръ великому князю стараго боярина Кошку, который всегда совѣтовалъ ему повиновеніе хану. Отсюда видно, что старые бояре, помнившіе болѣе живо тяжелыя времена татарскаго владычества, все еще не могли отрѣшиться отъ страха передъ татарами, котораго не знало молодое поколѣніе.

Заслуживаютъ особеннаго вниманія церковныя дѣла этого времени. Митрополитъ московскій Фотій, родомъ грекъ, не обладалъ достаточнымъ тактомъ и подалъ поводъ великому князю литовскому къ созыву въ 1415 году собора западно-русскихъ епископовъ, который и избралъ особымъ кіевскимъ митрополитомъ ученаго молдаванина Григорія Цамблака. Стремясь уничтожить религіозную рознь между своими подданными, Витовтъ усердно хлопоталъ о соединеніи церквей. Съ этой точки зрѣнія онъ сочувствовалъ гуситскому движенію въ Чехіи, и въ то же время посылалъ Григорія Цамблака на Констанцскій соборъ, осудившій Гуса. Однако всѣ его попытки уничтожить религіозное единство юго-западнаго православнаго населенія съ Москвою ни къ чему не повели: Григорій Цамблакъ долженъ былъ покинуть свою паству, и митрополитъ московскій сдѣлался снова духовнымъ главою юго-западной Руси.

Хотя Василій Дмитріевичъ въ своемъ завѣщаніи поручилъ своего сына наравнѣ съ русскими князьями Витовту, тѣмъ не менѣе послѣдній былъ постоянно предметомъ ненависти въ Москвѣ. По разсказамъ преп. Пафнутія Боровскаго, обмиравшая въ 1425 году

инокиня видѣла въ аду Витовта, при чемъ бѣсъ клалъ ему въ ротъ раскаленные червонцы, говоря: „насыщайся же, окаянный“. Это—анахронизмъ, такъ какъ въ 1425 году Витовтъ былъ еще живъ; онъ умеръ въ 1430 году.

Василій 1 скончался въ 1425 году, когда сѣверо-восточную Русь постигло большое несчастье—страшный моръ. Въ своемъ завѣщаніи онъ не рѣшился прямо завѣщать великое княженіе сыну, а говоритъ о немъ предположительно: „а дастъ Богъ сыну моему великое княженіе“...

Послѣ смерти Василія Дмитріевича, соперникомъ его сына Василія Васильевича явился дядя Юрій Дмитріевичъ. Онъ основывался на духовномъ завѣщаніи Дмитрія Донского, по которому, въ случаѣ смерти сына его Василія, великое княженіе должно было перейти къ нему, Юрію. Однако это завѣщаніе было составлено тогда, когда у Василія не было еще прямыхъ наслѣдниковъ. Князья-соперники отправились въ орду. Московскому князю оказалъ большое содѣйствіе бояринъ Всеволожскій, который всячески угождалъ хану и мурзамъ. Подъ вліяніемъ Всеволожскаго, князь московскій всячески старался подчеркнуть, что онъ надѣется получить великокняжескій ярлыкъ единственно по воли хана, и расточалъ подарки. Перевѣсъ остался на его сторонѣ. Новый великій князь не отличался хорошими качествами: онъ былъ человѣкъ злой, коварный и малодушный, но исторія его лучше всего показываетъ, какой авторитетъ пріобрѣли московскіе великіе князья, и какъ стало къ нимъ относиться русское общество.

Бояринъ Всеволожскій вскорѣ отъѣхалъ отъ князя московскаго къ Юрію: Василій обѣщалъ Всеволожскому жениться на его дочери, но, по желанію Софіи Витовтовны, женился на Маріи Ярославнѣ, внучкѣ Владиміра Андреевича Храбраго. Начало новаго великаго княженія было очень несчастно: зараза возобновилась, масса людей умирала отъ страшной болѣзни; къ ней присоединилась еще страшная засуха и, какъ послѣдствія засухи, пожары и голодъ. При такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ началась единственная въ потомствѣ Іоанна Калиты междоусобица. Поводомъ къ ней послужилъ случай на свадьбѣ великаго князя. Софья Витовтовна увидѣла на одномъ изъ сыновей Юрія Василіи поясъ, который когда-то былъ украденъ у ея свекрови, супруги Дмитрія Донского, и сорвала его съ гостя (рис. 73). Оскорбленные сыновья Юрія съ негодованіемъ сей-

часъ же покинули свадебное торжество. Между Василіемъ и Юріемъ началась борьба, окончившаяся торжествомъ Юрія. Юрій сдѣлался великимъ княземъ, а своему племяннику уступилъ Коломну. Однако московскіе служилые люди со всѣхъ сторонъ стали стекаться къ побѣжденному. Это заставило сыновей Юрія, Дмитрія Шемяку и Дмитрія Краснаго, послѣ смерти отца, помириться со своимъ двоюроднымъ братомъ и уступить ему старшинство. Только одинъ изъ Юрьевичей Ва-

Рис. 73. Софія Витовтовна срываетъ поясъ съ князя Василія Юрьевича
Съ картины художника Чистякова.

силій Косой, продолжалъ борьбу, но былъ взятъ въ плѣнъ и, по повелѣнію великаго князя, ослѣпленъ. Такая жестокость заставила братьевъ ослѣпленнаго думать о мести. Случай представился.

Ханъ Улу-Махметъ, которому Василій былъ обязанъ великокняжескимъ ярлыкомъ, подвергся изгнанію изъ орды и искалъ убѣжища на Руси. Но Василій выслалъ противъ него войско. Это сдѣлало изъ бывшаго союзника Москвы злѣйшаго врага ея, который долго не давалъ ей покою. Сыновьямъ его удалось захватить Василія въ плѣнъ, и только за большой выкупъ онъ получилъ свободу. Желая противопоставить варва-

ровъ варварамъ, Василій принялъ въ свою службу не мало татарскихъ мурзъ. Въ русскомъ населеніи вспыхнула старая ненависть къ поработителямъ, и среди московскихъ бояръ началось неудовольствіе. Ходили слухи, будто бы Василій согласился уступить Москву Улу-Махмету, а самъ удовольствоваться Тверью. Этимъ недовольствомъ воспользовался Дмитрій Шемяка, который въ 1446 году внезапно захватилъ великаго князя, когда тотъ отправился въ Троице-Сергіевъ монастырь на богомолье. Великій князь былъ ослѣпленъ и заточенъ въ г. Угличъ (вслѣдствіе слѣпоты Василій II былъ названъ Темнымъ). Однако поступокъ Дмитрія Шемяки вызвалъ всеобщее негодованіе. Уступая настояніямъ митрополита московскаго Іоны, прославившагося святою жизнью, Дмитрій Шемяка долженъ былъ освободить великаго князя и дать ему въ удѣлъ Вологду, а тотъ выдалъ на себя „проклятыя“ грамоты, то есть обрекалъ себя проклятію, если будетъ искать великое княженіе подъ Шемякой.

Въ Вологду стали стекаться во множествѣ приверженцы бывшаго великаго князя; игуменъ Трифонъ освободилъ его отъ данной клятвы. Съ нимъ соединились тверской великій князь Борисъ Александровичъ и отряды татаръ. Началась новая борьба, которая окончилась торжествомъ Василія. Дмитрій Шемяка въ свою очередь далъ клятвенное обѣщаніе не воевать противъ великаго князя московскаго. Когда онъ нарушилъ эту клятву, то духовенство написало ему посланіе, въ которомъ приравнивало его дѣйствія къ преступленіямъ Каина и Святополка Окаяннаго. Побѣжденный Дмитрій Шемяка бѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ былъ отравленъ сторонниками Василія.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ отношеніе московскаго князя къ такъ называемой Флорентійской уніи (соединенію). Константинополю въ это время угрожала гибель со стороны турокъ. Императоръ византійскій Іоаннъ VI Палеологъ надѣялся получить помощь отъ римскаго папы Евгенія IV и вступилъ въ сношенія съ нимъ, обѣщая подчинить ему православную Церковь. Съ этой цѣлью былъ созванъ въ Италіи соборъ, который сначала засѣдалъ въ Феррарѣ, а затѣмъ, вслѣдствіе появленія чумы, былъ перенесенъ во Флоренцію (рис. 74). На этотъ соборъ отпросился у московскаго князя и московскій митрополитъ Исидоръ, родомъ грекъ. На соборъ съѣхались греческіе епископы, изъ которыхъ наиболѣе вид-

нымъ противникомъ подчиненія папѣ явился митрополитъ Ефескій св. Маркъ, а сторонникомъ—Никейскій архіепископъ Виссаріонъ, съ которымъ намъ еще придется встрѣтиться. Послѣдній руководился главнымъ образомъ политическими интересами. Іосифъ, патріархъ константинопольскій, велъ себя нерѣшительно. Въ концѣ концовъ всѣ епископы, кромѣ св. Марка, подписали актъ, которымъ признавалось католическое ученіе объ исхожденіи св. Духа и о главенствѣ папы. Исидоръ и Виссаріонъ были возведены въ санъ кардиналовъ. Вернувшись съ собора въ Москву, Исидоръ сталъ поминать при богослуженіи папу. Великій князь пришелъ въ негодованіе, низложилъ митрополита и велѣлъ его заключить въ темницу, откуда тотъ бѣжалъ. На мѣсто Исидора былъ поставленъ св. Іона. До этого времени московскіе митрополиты ѣздили въ Грецію для утвержденія ихъ константинопольскимъ патріархомъ; о поставленіи Іоны было туда только дано знать. Унія не имѣла успѣха и въ Греціи: всѣ старанія императора остались тщетными. Однако въ Москвѣ было извѣстно только отступничество греческихъ епископовъ на соборѣ; поэтому съ этого времени уже все болѣе и болѣе устанавливается взглядъ на грековъ, какъ на вѣроотступниковъ, а на Москву—какъ на оплотъ православія.

Рис. 74. Императоръ Іоаннъ Палеологъ преклоняетъ колѣни передъ папой. Со стариннаго, вѣроятно, современнаго, очень рѣдкаго изображенія.

Великій князь Василій Темный скончался въ 1462 г. Онъ благословилъ своего старшаго сына Іоанна великимъ княжествомъ Владимірскимъ, которое считалъ неразрывно связаннымъ съ Москвою, и далъ ему гораздо больше городовъ, нежели четыремъ другимъ сыновьямъ вмѣстѣ. Великій князь

Іоаннъ Васильевичъ уже не имѣлъ соперниковъ въ вопросѣ о великомъ княженіи и не долженъ былъ ѣхать за ярлыкомъ въ Золотую орду, которая къ этому времени раздѣлилась на три орды: на Казанскую—по среднему теченію рѣки Волги и по рѣкѣ Камѣ, Сарайскую или Золотую—по нижнему теченію Волги, и Крымскую—на Таврическомъ полуостровѣ.

§ 12. **Великій князь Іоаннъ III. Присоединеніе Новгородской области и другихъ русскихъ земель. Бракъ съ Софіей Палеологъ. Низверженіе татарскаго ига. Перемѣна порядковъ. Взглядъ на Москву какъ на третій Римъ. Отношеніе къ боярству. Выписка мастеровъ и постройки. Судебникъ 1497 года. Мѣстничество. „Іосифляне" и „Заволжскіе старцы". Сношенія съ иностранными державами. Борьба съ Литвой. Завѣщаніе великаго князя Іоанна III.**

Іоаннъ III (рис. 75) обыкновенно называется собирателемъ земли Русской. И дѣйствительно, онъ много содѣйствовалъ объединенію ея; однако не нужно и преувеличивать его значенія: многое было сдѣлано до него. Историкъ С. М. Соловьевъ справедливо замѣчаетъ о немъ: „честь и слава человѣку, который благоразумно сумѣлъ воспользоваться доставшимися ему средствами, но при этомъ должны ли быть забыты скромные предки, которые своими трудами, бережливостью, лишеніями доставили ему эти средства". Не имѣя способностей полководца, Іоаннъ III дѣйствовалъ обыкновенно осторожно и избѣгалъ всякаго риска. Родственникъ его, знаменитый молдавскій господарь Стефанъ Великій, говорилъ: „странное дѣло!.. я всю жизнь не слѣзаю съ коня, а едва могу защитить мое государство; мой сватъ Іоаннъ сидитъ въ Москвѣ, а земля его все увеличивается!..."

Самымъ важнымъ присоединеніемъ была Новгородская земля, которая не могла остаться независимой: въ ней постоянно шли раздоры между боярами и простымъ народомъ, и простой народъ тяготѣлъ къ Москвѣ, въ которой видѣлъ защитницу отъ несправедливостей. Точно также Псковъ не могъ дружить со своимъ „старшимъ братомъ", такъ какъ тяготился церковной зависимостью отъ него. Бояре, желая отстоять независимость Новгорода, рѣшились на отчаянное дѣло: искать опоры въ польско-литовской династіи Ягеллоновъ, на которыхъ русскій народъ привыкъ смотрѣть, какъ на враговъ православія. Во

главѣ этой партіи стояли Борецкіе, дѣти умершаго посадника Исаака Борецкаго, а душой ея была ихъ мать Марфа, домъ которой, „чудный“, по выраженію лѣтописца, сдѣлался мѣстомъ собраній всѣхъ тѣхъ, кто желалъ противодѣйствовать Москвѣ. Эта партія пыталась провести въ новгородскіе владыки, на мѣсто умершаго въ это время Іоны, своего человѣка,

Рис. 75. Великій князь Іоаннъ Васильевичъ III,—портретъ изъ „Титулярника царя Алексѣя Михаиловича“ 1672 года (справочная рукописная книга о титулахъ государей, украшенная портретами русскихъ великихъ князей, царей, иностранныхъ государей, современныхъ царю Алексѣю, а также митрополитовъ и патріарховъ). Находится въ Эрмитажѣ.

но потерпѣла неудачу: архіепископомъ сталъ Ѳеофилъ, сторонникъ народной партіи, тяготѣвшей къ Москвѣ. Однако, когда псковскіе послы дали знать новгородцамъ, что Іоаннъ поднимаетъ псковичей противъ нихъ, и предложили свое посредничество между ними и княземъ, то на вѣчѣ получила перевѣсъ литовская партія. Былъ заключенъ договоръ съ польско-ли-

товскимъ королемъ Казиміромъ Ягеллономъ, по которому онъ обязывался держать въ Новгородѣ своего намѣстника, непремѣнно греческаго вѣроисповѣданія и защищать Новгородъ противъ московскаго великаго князя. Далѣе онъ не имѣлъ права ставить въ Новгородѣ церквей латинскаго вѣроисповѣданія и долженъ былъ держать новгородцевъ какъ вольныхъ людей. Однако въ этомъ договорѣ ничего не говорилось о правѣ раздавать волости и грамоты съ посадникомъ, какъ въ договорахъ съ русскими князьями. Заслуживаетъ особеннаго вниманія слѣдующее условіе: „а если холопъ, или раба, или смердъ начнетъ доносить на господъ (водити), то тебѣ, честный король, не вѣрить этому“. Это условіе показываетъ, въ чьихъ интересахъ дѣйствовала литовская партія въ Новгородѣ. Казиміръ долженъ былъ принести присягу за себя и за литовскую раду. О Польшѣ въ договорѣ ничего не говорилось.

Тогда Іоаннъ двинулся противъ Новгорода; въ Москвѣ старались придать походу религіозное значеніе: обвиняли новгородцевъ въ измѣнѣ православной вѣрѣ, такъ какъ они вошли въ сношенія съ католическимъ королемъ. Казиміръ не оказалъ Новгороду помощи. Рѣшительное сраженіе произошло на берегу р. Шелони, гдѣ служилый московскій князь Даніилъ Холмскій нанесъ страшное пораженіе новгородскому войску, которымъ командовалъ одинъ изъ Борецкихъ—Дмитрій. Владыка, имѣвшій свой особый полкъ, предписалъ ему воздерживаться отъ борьбы съ единовѣрцами, но онъ же явился и первымъ ходатаемъ за Новгородъ. Іоаннъ III казнилъ Дмитрія Борецкаго и нѣсколькихъ знатныхъ плѣнныхъ; однако, какъ бы снисходя на просьбы владыки, онъ оставилъ въ Новгородѣ старые порядки, подвергнувъ только новгородцевъ, въ наказаніе за ихъ измѣну, контрибуціи въ 15500 р. Новгородцы обязались „за короля и великаго князя литовскаго. . . не отдаться никакою хитростью“ (1471).

Однако вскорѣ сторонники Москвы въ Новгородѣ подали поводъ къ вмѣшательству великаго князя. Они стали обращаться все чаще и чаще къ суду великаго князя противъ своихъ бояръ. Однажды, несомнѣнно подъ вліяніемъ этой партіи, новгородскіе послы назвали великаго князя „Государемъ“ вмѣсто обычнаго титула „Господинъ“. Іоаннъ велѣлъ спросить новгородцевъ, какого они хотятъ государства. Новгородцы заволновались, объявили, что послы никѣмъ не были уполномочены

вводить такую новизну, и требовали, чтобы Новгородъ остался на прежнемъ положеніи. Тогда Іоаннъ сказалъ: „Я не хотѣлъ у нихъ государства, сами присылали, а теперь запираются и на меня ложь положили". Онъ выступилъ противъ Новгорода; вмѣстѣ съ московскимъ войскомъ были тверитяне и псковичи (1477г.). Новгородцы не рѣшились на этотъ разъ оказать сопротивленіе, и старые порядки Новгорода были совершенно уничтожены. Вѣчевой колоколъ и престарѣлая Марфа со внукомъ были отправлены въ Москву, куда Іоаннъ вывезъ также богатую добычу. Часть монастырскихъ и архіерейскихъ волостей онъ взялъ на себя. Къ Москвѣ были присоединены и всѣ сѣверныя владѣнія Новгорода вплоть до Урала (1478 г.).

Черезъ нѣсколько времени, пользуясь распрей великаго князя съ его братьями, а также затрудненіями со стороны Золотой орды, новгородцы пытались поднять возстаніе. Однако Іоаннъ быстро явился въ Новгородъ и принялъ рѣшительныя мѣры: пострадали многіе знатные бояре. Постоянный ходатай за Новгородъ—Ѳеофилъ былъ взятъ подъ стражу и отосланъ въ Москву. Для того, чтобы окончательно покончить съ мечтами новгородцевъ о вольности, Іоаннъ массами выводилъ ихъ въ другія русскія земли, а на ихъ мѣсто переводилъ московскихъ людей. Такимъ образомъ онъ сгладилъ всѣ особенности Новгородской земли. Вслѣдствіе враждебнаго отношенія къ „Московіи" нѣмцевъ, Іоаннъ III положилъ конецъ сношеніямъ новгородцевъ съ ганзейскими городами. Въ 1489 году Іоаннъ III овладѣлъ и колоніей Новгорода—Вятской землей.

Послѣ присоединенія Новгородской земли, великій князь тверской Михаилъ Борисовичъ почувствовалъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ землями московскаго великаго князя. Съ другой стороны, Тверское княжество клиномъ врѣзалось между Москвой и ея новыми владѣніями. Это заставило Михаила Борисовича войти въ сношенія съ тѣмъ же самымъ Казиміромъ. Іоаннъ двинулся противъ Твери; Казиміръ, по обыкновенію, не помогъ своему союзнику, великому князю тверскому, и послѣднему оставалось подчиниться счастливому сопернику. Іоаннъ III не сразу покончилъ съ Тверью. Онъ сначала заключилъ съ ея великимъ княземъ договоръ, которымъ послѣдній былъ поставленъ въ полную зависимость отъ Москвы. Послѣ этого тверскіе бояре стали усиленно переходить на службу въ Москву; кромѣ того московскій великій

князь не былъ безпристрастенъ при рѣшеніи столкновеній между москвичами и тверитянами. Все это заставило Михаила Борисовича снова начать сношенія съ Литвой. Іоаннъ снова выступилъ въ походъ противъ него; великій князь тверской не могъ оказать сопротивленія и бѣжалъ въ Литву. Такимъ образомъ Тверь безъ пролитія крови была присоединена къ Москвѣ (1485 г.).

Такъ было на сѣверо-западѣ Руси; точно также шло усиленіе Московскаго государства и на юго-востокѣ. Послѣ смерти великаго князя рязанскаго Іоанна, малолѣтній сынъ его попалъ въ полную зависимость отъ Іоанна III (1500 г.). Такъ, напримѣръ, Іоаннъ приказывалъ великой княгинѣ, опекуншѣ малолѣтняго князя: „твоимъ людямъ служилымъ, боярамъ и дѣтямъ боярскимъ и сельскимъ быть всѣмъ на моей службѣ . . . Если же кто ослушается . . . такихъ ты велѣла бы казнить, а не станешь казнить, такъ я велю ихъ казнить. .“ Братъ покойнаго рязанскаго великаго князя Ѳеодоръ, умирая въ 1503 г., завѣщалъ свой удѣлъ, помимо племянника, великому князю московскому. Такимъ образомъ оставалось сдѣлать послѣдній шагъ къ тому, чтобы присоединить это княжество къ Москвѣ.

Внутри Московскаго княжества также быстро шло уничтоженіе удѣловъ. Владѣнія трехъ братьевъ великаго князя, послѣ ихъ кончины, были, такъ или иначе, присоединены къ его области; только владѣнія одного изъ его братьевъ наслѣдовали два его сына, да и изъ нихъ одинъ, умирая, оставилъ свой удѣлъ Іоанну Васильевичу (1503 г.). Удѣльный порядокъ кончалъ свое существованіе.

Великое княженіе Іоанна III ознаменовалось важными переменами во внутренней жизни Московскаго государства и во внѣшнемъ его положеніи. Не мало содѣйствовалъ этому знаменитый бракъ московскаго великаго князя съ византійской царевной Софіей (Зоей) Палеологъ. Зоя Палеологъ была дочерью Ѳомы, деспота (владѣтеля) морейскаго, родного брата послѣдняго императора константинопольскаго Константина Палеолога, при которомъ, въ 1453 году, былъ взятъ турками Константинополь. Султанъ предлагалъ Ѳомѣ пенсію, если онъ удовольствуется положеніемъ частнаго человѣка, но тотъ, надѣясь достигнуть престола при помощи крестоваго похода, бѣжалъ въ Италію, гдѣ нашелъ себѣ пріютъ у римскаго папы

Пія II. Римскаго первосвященника не мало расположило къ нему то, что онъ привезъ съ собой главу св. апостола Андрея Первозваннаго, пострадавшаго, по преданію, въ г. Патрасѣ въ южной Греціи. Было и другое обстоятельство, которое расположило папу въ пользу Ѳомы. Это было время гуманизма[1]),— пробужденія интереса къ наукамъ и въ особенности къ изученію римскихъ и греческихъ древностей. Пій II былъ самъ горячимъ поклонникомъ ихъ и въ Греціи видѣлъ колыбель на-

Рис. 76. Кардиналъ Виссаріонъ Никейскій. По изображенію его на фрескѣ въ Сикстинской капеллѣ.

укъ и искусствъ. Ѳомѣ была назначена пенсія въ 6500 дукатовъ и обѣщана помощь противъ турокъ. Въ этомъ отношеніи ему оказалъ большое содѣйствіе дѣятель Флорентійскаго собора, знаменитый кардиналъ Виссаріонъ Никейскій. Послѣдній занимаетъ выдающееся мѣсто въ исторіи западной Европы и какъ ученый, и какъ политическій дѣятель (рис. 76). Онъ

[1]) Въ виду сложности вопроса о гуманизмѣ, его приходится касаться не здѣсь, а въ курсѣ всеобщей исторіи.

популяризовалъ въ Италіи греческихъ авторовъ, особенно Платона. Его религіозно-политическимъ идеаломъ было соединеніе церквей подъ властью папы, съ цѣлью крестоваго похода противъ турокъ и возстановленія греческаго государства. Ѳома умеръ въ Италіи раньше, чѣмъ туда прибыли его дѣти,—два сына и дочь Зоя. Ихъ онъ оставилъ подъ опекой Виссаріона. Виссаріонъ отличался суровымъ, повелительнымъ характеромъ и не стѣснялся указывать своимъ питомцамъ на то, что если они и принцы, то принцы-изгнанники и нищіе, всѣмъ обязанные папѣ, и требовалъ отъ нихъ посѣщенія католическихъ церквей. Особенно возмутилъ Виссаріона ихъ поступокъ по дорогѣ въ Римъ: они вышли изъ церкви, когда тамъ поминали папу. Это показываетъ, что молодые принцы вовсе не были расположены мѣнять вѣру. Однако имъ оставалось только скрывать до поры до времени свои чувства, чтобы не раздражать католиковъ. Такъ поступала и Зоя, которая была отъ природы надѣлена выдающимся умомъ. У Виссаріона явилась мысль выдать Зою замужъ за овдовѣвшаго къ этому времени московскаго великаго князя, съ цѣлью подчинить черезъ нее „Московію“ папскому престолу: такъ искусно умѣла Зоя скрывать свои истинныя чувства. За эту мысль ухватился и папа Павелъ II. Однако въ письмѣ, которымъ Іоанну предлагалась рука Зои, было сказано, что у нея было много жениховъ, тѣмъ не менѣе она всѣмъ отказывала, такъ какъ не хочетъ „латинства“. Іоанну было лестно породниться съ знаменитымъ домомъ греческихъ царей. Начались переговоры, въ которыхъ игралъ большую роль нѣкто Іоаннъ Вольпе, итальянецъ, состоявшій на русской службѣ. (У насъ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Іоанна Фрязина, то-есть латинянина). Этотъ Вольпе выдавалъ себя въ Римѣ за усерднаго католика, хотя въ Россіи для вида онъ принялъ православіе. Въ результатѣ переговоровъ было обрученіе Зои съ Іоанномъ III въ Ватиканѣ, при чемъ Іоаннъ Вольпе представлялъ жениха. Папа далъ въ приданое большую сумму денегъ (рис. 77). Хотя за Зоей пріѣхали московскіе бояре, тѣмъ не менѣе въ Москву сопровождалъ ее папскій легатъ. Вскорѣ папѣ пришлось убѣдиться въ томъ, что онъ жестоко ошибся. Въ Московскомъ государствѣ, подъ вліяніемъ митрополита, не позволили нести передъ легатомъ латинскій крестъ. Сама царевна, до того времени притворно чтившая папу, те-

перь показала себя самой усердной православной. На Руси она стала называться Софіей. Бракосочетаніе ея съ великимъ

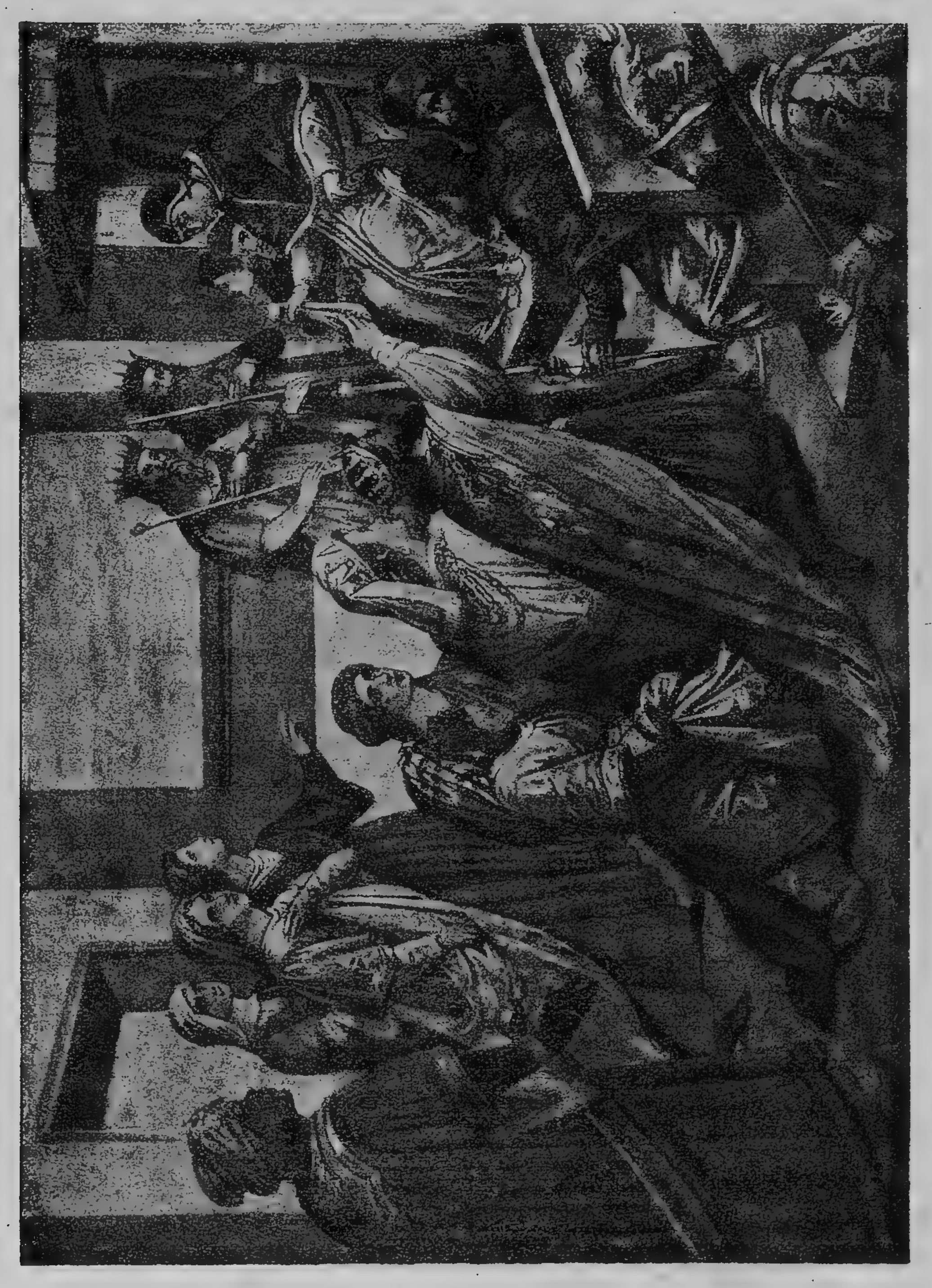

Рис. 77. Фреска въ госпиталѣ папы Сикста IV, изображающая передачу приданаго папой царевнѣ Софіи. (Отступаетъ отъ исторической истины: рядомъ съ Софіей изображенъ ея нареченный супругъ).

княземъ произошло въ Москвѣ съ большимъ торжествомъ по православному обряду (12 ноября 1472 года). Народъ смо-

трѣлъ на незнакомый ему нарядъ папскаго легата съ любопытствомъ и недовѣріемъ. По словамъ лѣтописи, легата переспорилъ какой-то Никита Поповичъ; будто бы ученый представитель западной церкви не могъ ему ничего возразить, кромѣ: „нѣтъ книгъ со мной“.

Послѣдствіемъ брака съ Софіей Палеологъ была прежде всего болѣе рѣшительная политика великаго князя относительно татаръ. Въ это время въ Золотой ордѣ происходили безконечныя междоусобицы, и, пользуясь этимъ, Москва подолгу не платила дани хану. Однако, когда ханъ собирался съ силами и обращался къ великому князю съ требованіемъ дани, то онъ стоя принималъ отъ татарскихъ пословъ грамоту съ изображеніемъ хана (басму), цѣловалъ его и посылалъ подарки. Софія Палеологъ, воспитанная въ высокихъ понятіяхъ о своемъ происхожденіи, негодовала на то, что ея супругъ подчиняется такому унизительному обычаю. Подъ ея вліяніемъ великій князь рѣшился порвать окончательно съ этой зависимостью. Онъ заключилъ союзъ съ Крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, который самъ враждовалъ съ ханомъ Золотой орды Ахматомъ. Когда снова пришли послы отъ хана Ахмата, то Іоаннъ разорвалъ басму и велѣлъ убить пословъ, кромѣ одного, который былъ посланъ возвѣстить хану о случившемся. Ханъ воспылалъ гнѣвомъ, соединился съ Казиміромъ и двинулся на Русь. Противники сошлись на берегахъ Угры, но ни та, ни другая сторона не рѣшалась перейти черезъ нее. Во главѣ русской рати стояли братъ и сынъ Іоанна (Іоаннъ Молодой). Подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ бояръ, Іоаннъ III уѣхалъ было въ Москву и даже пытался снова завести сношенія съ врагомъ, но это вызвало взрывъ народнаго негодованія. Общество жаждало освободиться отъ послѣднихъ остатковъ ненавистнаго ига. Выразителемъ общественнаго мнѣнія, какъ всегда въ тѣ времена, явилось духовенство. Архіепископъ ростовскій Вассіанъ Рыло и устно, и письменно побуждалъ великаго князя къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Іоаннъ долженъ былъ вернуться къ войску. Ахматъ грозилъ вторгнуться въ русскіе предѣлы, какъ только рѣка замерзнетъ. Но настала зима, а онъ не двигался. Онъ ожидалъ нерѣшительнаго Казиміра, который, по своему обыкновенію, обманулъ союзника. Тогда раздосадованный ханъ отступилъ во-свояси, разграбивъ литовскія области. Вскорѣ онъ погибъ насильственной смертью, и бывшая Золотая орда послѣ

его смерти окончательно пала подъ ударами Менгли-Гирея. Такимъ образомъ татарское иго само собой спало съ русскаго народа (1480 г.). Послѣ этого московскій великій князь принялъ титулъ „Самодержца". Это слово представляло собой переводъ греческаго слова „αὐτοκράτωρ" и означало государя, который ни отъ кого своей власти не получаетъ и ни отъ кого не зависитъ[1].

Освобожденіе Московскаго государства отъ татарскаго ига непосредственно за паденіемъ Константинополя имѣло большое вліяніе на настроеніе московскаго правительства и московскаго общества. Великій князь Іоаннъ III принялъ византійскій гербъ—двуглаваго орла, который соединилъ съ московскимъ—св. Георгіемъ Побѣдоносцемъ, и сталъ смотрѣть на себя, какъ на преемника византійскихъ императоровъ. Въ сношеніяхъ съ иностранцами онъ начинаетъ титуловаться „царемъ", что представляетъ собой видоизмѣненіе слова „кесарь", титула римскихъ императоровъ. Венеціанское правительство писало ему: „За прекращеніемъ императорскаго рода въ мужскомъ колѣнѣ, восточная имперія должна принадлежать вашему высочеству въ силу вашего благополучнѣйшаго брака". Однако восточная имперія была въ рукахъ турокъ, на борьбу съ которыми Іоаннъ, конечно, не могъ рѣшиться. Преемникомъ византійскихъ императоровъ онъ считалъ себя въ другомъ отношеніи: до сихъ поръ былъ въ православномъ мірѣ одинъ царь—греческій, который считался защитникомъ и покровителемъ православія; теперь Іоаннъ сталъ считать имъ себя. Такое воззрѣніе нашло откликъ и въ обществѣ, особенно среди духовенства. Оно начало развиваться въ такъ называемую теорію третьяго Рима, которая состояла въ слѣдующемъ: сначала оплотомъ христіанства былъ Римъ, но онъ впалъ въ ересь; затѣмъ его смѣнилъ Константинополь,—второй Римъ, но за грѣхи грековъ онъ погибъ и долженъ былъ уступить свое мѣсто третьему Риму—Москвѣ, которая будетъ стоять до Второго Пришествія Спасителя. Первая мысль объ этомъ встрѣчается въ новой пасхаліи, составленной въ 1492 году митрополитомъ Зосимой: „Прославилъ Богъ въ православіи просіявшаго, благовѣрнаго и христолюбиваго великаго князя Іоанна Васильевича, государя и самодержца всея Руси, новаго

[1]) Впослѣдствіи это слово неправильно стали понимать въ смыслѣ неограниченнаго монарха.

царя Константина новому граду Константинову— Москвѣ и всей Русской землѣ и инымъ многимъ землямъ государя“. На Руси появились сказанія о гибели Константинополя, въ которыхъ проводилась эта мысль. Въ другихъ сказаніяхъ говорилось о передачѣ символовъ (внѣшнихъ знаковъ) духовной и свѣтской власти изъ Греціи на Русь. Таковы сказанія о „бѣломъ клобукѣ“ и о „шапкѣ и бармахъ Мономаха“. По первому сказанію, императоръ св. Константинъ, въ знакъ особеннаго почета, подарилъ бѣлый клубокъ папѣ Сильвестру. Этотъ клобукъ особенно чтился папами до папы Формоза и царя Карула [1]) (Карла), которые впали въ ересь. Съ этихъ поръ папы не взлюбили бѣлаго клобука и перестали его носить. Тогда „по страшному прещенію“ ангела одинъ изъ нихъ отправилъ эту святыню къ Константинопольскому патріарху, которому во снѣ явился св. Сильвестръ и повелѣлъ отправить его на Русь, чтобы не завладѣли этимъ святымъ клобукомъ „въ семъ градѣ (Константинополѣ) агарястіи внуци [2]) и погани, да не опоругаютъ его, якоже латинскій папа хотяше сотворити“. „Якоже бо суть отъ Рима благодать и слава, и честь православія отъяся, тако и отъ царствующаго сего града благодать Святаго Духа отымется..., и вся святая предана будетъ отъ Бога велицѣй рустей земли“. Бѣлый клубокъ, очевидно, является символомъ духовной власти, перешедшей, по представленію русскихъ людей, отъ грековъ на Русь (рис. 78). По другому

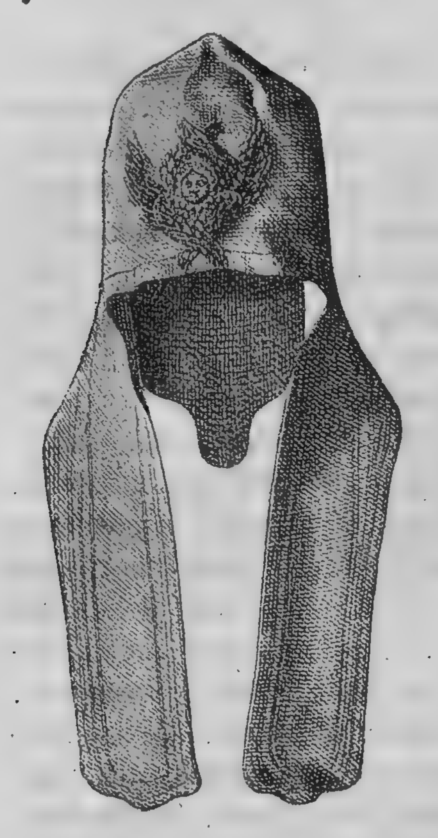

Рис. 78. Бѣлый клобукъ московскихъ митрополитовъ до учрежденія патріаршества. Находится въ Москвѣ въ Патріаршей ризницѣ.

[1]) Современникомъ папы Формоза былъ императоръ Карлъ Толстый, личность, не игравшая роли въ западной церкви; сказаніе, очевидно, имѣло въ виду Карла Великаго, жившаго раньше.

[2]) Потомки Агари, рабыни Авраама, которую христіане считали прабабкой всѣхъ мусульманскихъ народовъ.

сказанію, шапка и бармы Мономаха, символы свѣтской власти, были присланы византійскимъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ Владиміру Мономаху, одержавшему надъ нимъ побѣду [1]). Такимъ образомъ власть московскаго великаго князя получила новое значеніе: на него стали смотрѣть какъ на главу православнаго міра.

Сообразно съ этимъ измѣнился и образъ жизни московскихъ государей и ихъ отношеніе къ боярамъ: предки Іоанна III вели простой образъ жизни и были очень доступны подданнымъ; бояре во всякое время могли явиться къ нимъ съ совѣтами. Теперь князь старался окружить себя роскошью (рис. 79); при московскомъ дворѣ былъ заведенъ строгій этикетъ по образцу византійскаго; великій князь сталъ недоступенъ и съ боярами совѣтовался только тогда, когда самъ того хотѣлъ. Боярамъ, конечно, это не могло нравиться. Во главѣ ихъ теперь стояли лишенные своихъ земель потомки великихъ и удѣльныхъ князей, которые смотрѣли на себя, какъ на прирожденныхъ правителей Руси. Они когда-то правили частями ея, а теперь, собравшись въ Москвѣ, имѣли претензію на управленіе всей Русью, сообща съ великимъ княземъ московскимъ. Точно также старые московскіе бояре не могли

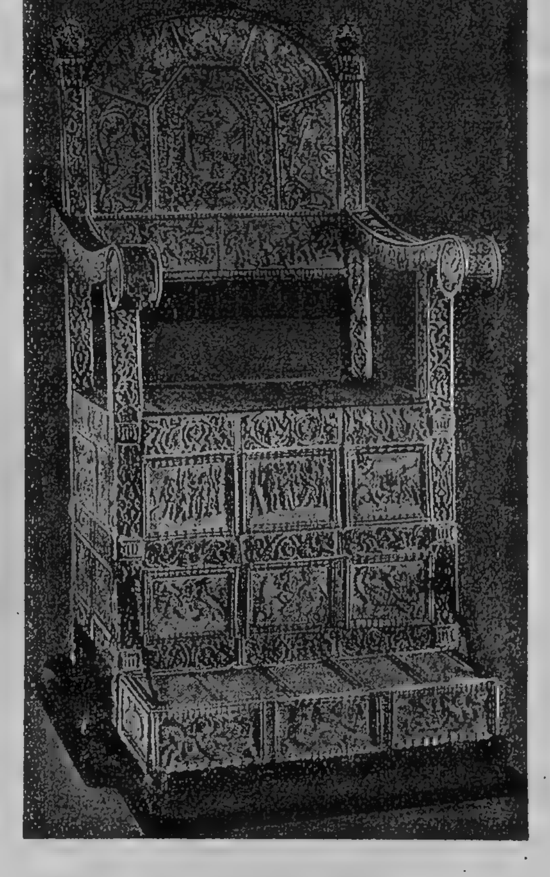

Рис. 79. Тронъ великаго князя Іоанна III изъ слоновой кости, украшенный рѣзьбой. Находится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

[1]) Здѣсь заключается также анахронизмъ: Константинъ Мономахъ велъ борьбу не съ Владиміромъ Мономахомъ, а съ его дядей—Владиміромъ Ярославичемъ, еще при жизни Ярослава, и при томъ неудачную для русскихъ.

забыть, что они много помогли предкамъ великаго князя въ дѣлѣ собиранія Русской земли. Естественно, и тѣ и другіе теперь сѣтовали на происшедшую перемѣну. Бояре пытались по старинному своему праву отъѣзжать изъ Москвы, но Іоаннъ началъ рѣшительную борьбу противъ этого права. Заподозрѣнные въ намѣреніи отъѣхать бояре должны были выдавать на себя нѣчто въ родѣ проклятыхъ грамотъ, да и то оставлялись на свободѣ только подъ условіемъ поручительства со стороны ихъ собратьевъ. Первый испыталъ это на себѣ знаменитый князь Даніилъ Холмскій, которому Іоаннъ былъ обязанъ побѣдой при Шелони.

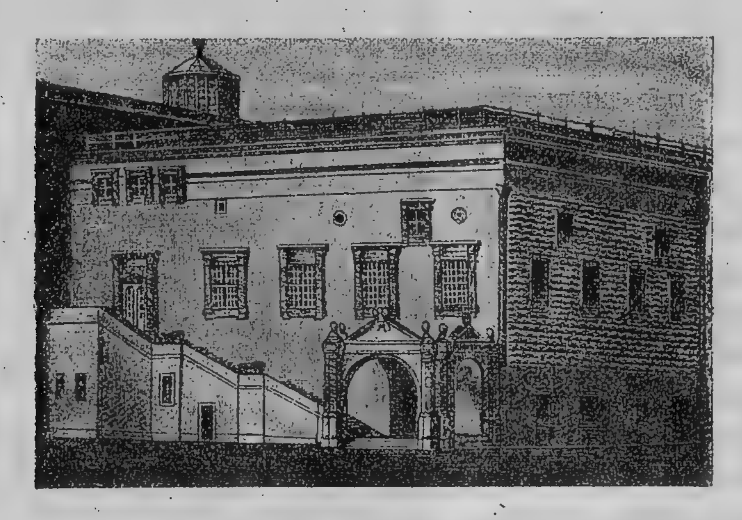

Рис. 80. Грановитая палата.

Въ происшедшей перемѣнѣ бояре обвиняли Софію. Имъ удалось достичь того, что великій князь удалилъ отъ себя ее и сына ея—Василія. Какъ своего преемника онъ торжественно вѣнчалъ, по византійскому обычаю, на царство внука своего Дмитрія, сына умершаго Іоанна Молодого (отъ его жены Елены, дочери молдавскаго господаря Стефана Великаго). Однако черезъ нѣсколько времени Іоаннъ опять вернулъ милость своей супругѣ и сыну, а вѣнчанный внукъ его умеръ въ темницѣ. Въ связи съ этимъ испытали жестокое гоненіе два княжескихъ рода: Патрикѣевы и Ряполовскіе. Такимъ образомъ было нарушено старинное единеніе московскихъ великихъ князей съ ихъ боярами.

Сообразно съ новымъ значеніемъ Москвы, Іоаннъ стремился украсить ее, а для этого у насъ не было своихъ ма-

стеровъ. Поэтому теперь началась усиленная выписка изъ-за границы различныхъ иностранныхъ мастеровъ, какъ то: пушкарей, литейщиковъ, серебрянниковъ, „рудознатцевъ“ и т. д. Привыкшая въ Греціи и Италіи къ роскошнымъ зданіямъ, Софія не могла довольствоваться деревяннымъ теремомъ кремля, а поэтому при ней начинаютъ усиленно возводиться въ Москвѣ каменныя постройки. Изъ Италіи былъ выписанъ знаменитый архитекторъ Аристотель Фіоравенти[1]), который перестроилъ московскій Успенскій соборъ по образцу Успенскаго владимірскаго. О послѣднемъ онъ замѣтилъ: „эта работа какихъ-нибудь нашихъ мастеровъ“. Кромѣ Успенскаго собора былъ построенъ въ кремлѣ еще другой — Благовѣщенскій. Спустя нѣсколько времени великій князь велѣлъ венеціанцу архитектору Марку Руфу построить большую палату на своемъ дворѣ, гдѣ стоялъ теремъ (рис. 80). Она должна была служить для торжественныхъ собраній,—это такъ называемая Грановитая палата. Кремль былъ окруженъ каменными стѣнами съ башнями (рис. 81). Затѣмъ былъ отстроенъ новый каменный дворецъ. Строителемъ его былъ архитекторъ Алевизъ изъ Медіолана. Послѣдней постройкой Іоанна былъ

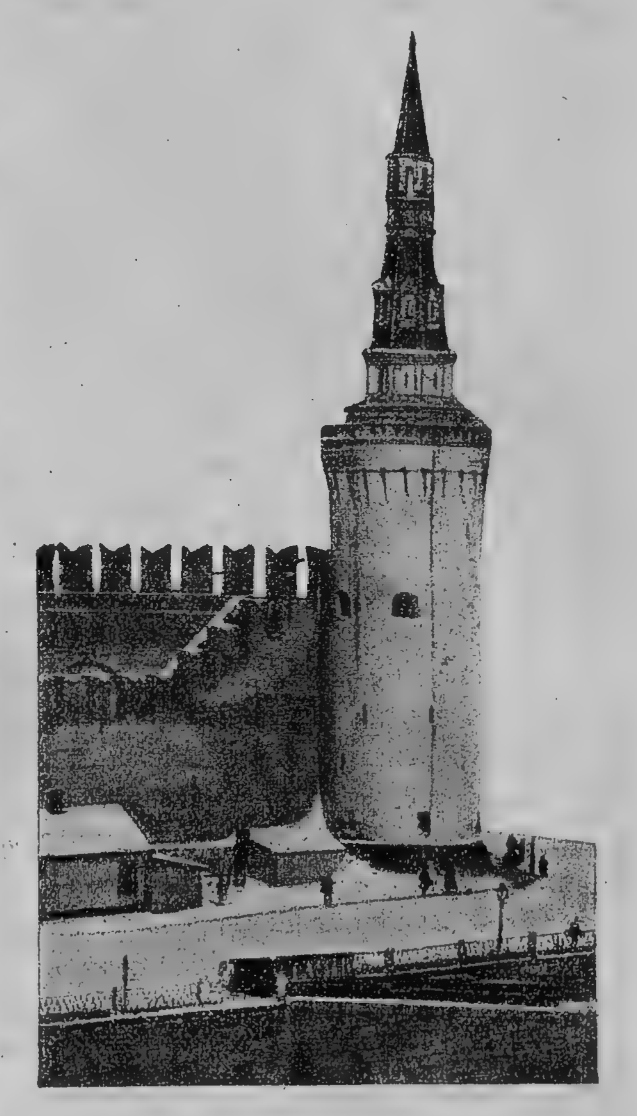

Рис. 81. Часть кремлевской стѣны и башня построенныя при Іоаннѣ III (около 1490 г.).

1) Собственно его имя было Рудольфъ; въ то время была мода переименовывать себя древними именами.

Архангельскій соборъ, — усыпальница московскихъ князей, законченный и освященный уже при его преемникѣ.

Новыя государственныя потребности должны были вызвать законодательную дѣятельность. Въ 1497 году былъ составленъ такъ называемый Великокняжескій Судебникъ. Онъ носитъ заглавіе: „Лѣта 7006 (отъ сотворенія міра) мѣсяца сентемврія уложилъ князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси съ дѣтьми своими и съ бояры о судѣ, како судити боярамъ и околничимъ.“ Составителемъ этого памятника былъ дьякъ Гусевъ (дьяками назывались въ то время лица, состоявшія для письменныхъ занятій при великомъ князѣ и боярахъ). Какъ показываетъ заглавіе, главнымъ предметомъ Судебника былъ судъ; другихъ отраслей государственной жизни онъ касался мало и, такъ сказать, мимоходомъ. Вообще содержаніе его было очень бѣдно, многія статьи были заимствованы прямо изъ Русской Правды, отдѣленной отъ конца XV столѣтія тремя вѣками. Вредное вліяніе монгольскаго ига сказалось въ жестокихъ тѣлесныхъ наказаніяхъ, которыя мы встрѣчаемъ въ Судебникѣ и которыхъ не знала Русская Правда. Такова торговая казнь,—публичное наказаніе кнутомъ черезъ палача на торговой площади, куда стекался народъ. Какъ на положительную сторону Судебника 1497 года нужно указать на ограниченіе власти кормленщиковъ. Нуждаясь въ службѣ бояръ, московскіе великіе князья, какъ и другіе русскіе князья, раздавали имъ въ кормленья волости и города. Кормленщики управляли своими землями, судили народъ, а зато въ ихъ пользу шли доходы, которые должны были бы поступать въ княжескую казну. Само собой разумѣется, что такой способъ управленія давалъ большой просторъ злоупотребленіямъ. Кормленщики дѣлились на намѣстниковъ (въ городахъ) и на волостелей (въ волостяхъ [1]). Судебникъ различаетъ намѣстниковъ съ боярскимъ судомъ и безъ боярскаго суда. Намѣстники безъ боярскаго суда не могли, по Судебнику, безъ доклада правительству, давать бѣглыя и отпускныя грамоты на холоповъ, выдавать послѣднихъ господамъ, казнить или отпускать лихихъ людей. Власть волостелей еще болѣе была стѣснена. Кромѣ того къ участію въ судѣ при-

[1]) Волость представляла собою соединеніе нѣсколькихъ деревень или селъ. Городъ съ прилегающими къ нему волостями составлялъ уѣздъ. Иногда намѣстники получали въ кормленіе цѣлые уѣзды.

влекался мѣстный міръ. Въ судахъ намѣстниковъ и волостелей должны были сидѣть выборные отъ мѣстнаго населенія старосты и лучшіе люди, которые являлись защитниками интересовъ своихъ избирателей.

Въ Московскомъ государствѣ крестьяне не имѣли своей земли, а жили и работали на земляхъ князя, бояръ и другихъ служилыхъ людей и, какъ увидимъ, монастырей. Въ пользу своихъ хозяевъ они несли различныя повинности, частью деньгами, частью натурой (то-есть продуктами своего труда) и своей работой. Въ Судебникѣ находится постановленіе, по которому крестьяне могли переходить отъ одного землевладѣльца къ другому одинъ разъ въ годъ, въ теченіе одной недѣли до осенняго Юрьева дня 26 ноября и одной послѣ него, расплатившись со всѣми своими повинностями[1]).

Къ рединѣ XV вѣка относятся первые случаи споровъ, вызванныхъ мѣстничествомъ. Мѣстничество состояло въ томъ, что мѣста на военной службѣ въ походахъ (воеводы: 1, главнаго полка, 2, правой руки, 3, лѣвой руки и 4, сторожевого полка) и мѣста за царскимъ столомъ занимались служилыми людьми по знатности рода. Мѣстничество имѣло своей задачей предохранить боярство отъ наплыва новыхъ служилыхъ людей. Если бояринъ попадалъ подъ начальство къ менѣе знатному человѣку, то онъ билъ царю челомъ о безчестьѣ, которое считалось униженіемъ для всего его рода. Поэтому въ Московскомъ государствѣ стали вестись списки назначеній служилыхъ людей,—такъ называемыя „разрядныя книги“ (съ 1471 года), которыя служили для справокъ на случай такихъ мѣстническихъ споровъ.

Время великаго княженія Іоанна III ознаменовалось сильнымъ умственнымъ движеніемъ въ обществѣ. Дѣятелями его были, естественно, главнымъ образомъ духовныя лица. Въ этомъ движеніи можно отмѣтить два направленія: во главѣ одного стоялъ знаменитый игуменъ Волоколамскаго монастыря (около города Волоколамска, въ нынѣшней Московской губерніи) Іосифъ Санинъ, отчего сторонники его стали называться

---

[1]) За дворъ, по Судебнику, крестьянинъ долженъ былъ платить рубль, а за лѣсъ полтину. Полную плату за дворъ онъ вносилъ, если прожилъ 4 года,— за каждый годъ полагалось по четверти двора. Для того, чтобы понять эти цифры, нужно принять во вниманіе приблизительно исчисленное проф. Ключевскимъ отношеніе прежняго рубля къ нынѣшнему, по которому рубль 1500 г. стоилъ не менѣе 100 нынѣшнихъ.

іосифлянами; во главѣ второго стоялъ преподобный Нилъ, основатель скита на рѣкѣ Сорѣ, въ 15 верстахъ отъ знаменитато Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря[1]) (рис. 82). Нилъ Сорскій— одна изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей въ исторіи нашей церкви: сторонники его получили названіе заволжскихъ старцевъ; это были иноки Бѣлозерскихъ и Вологодскихъ монастырей. Указанныя двѣ церковныя партіи рѣзко отличались одна отъ другой. Іосифъ Волоколамскій ставилъ монашеству главнымъ

Рис. 82. Видъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.

образомъ практическія задачи (такъ онъ кормилъ окрестныхъ жителей въ голодные годы) и находилъ полезнымъ поэтому соединеніе большихъ матеріальныхъ средствъ въ рукахъ монастырей. Монастыри у насъ искони были богатыми землевладѣльцами, такъ какъ многіе знатные люди, умирая, оставляли имъ на630 поминъ души богатыя вотчины. Напротивъ,Нилъ Сорскій ставилъ цѣлью монашества исключительно созерцательную благочестивую жизнь и всѣми силами старался о томъ, чтобы его монастырь не обладалъ никакой крупной собственностью; въ богатствѣ монастырей онъ видѣлъ корень нравственнаго упадка иночества, такъ какъ уже тогда среди богатыхъ монасты-

[1]) Преподобный Нилъ былъ постриженецъ этого монастыря, основатель котораго преп. Кириллъ († въ 1427 г.) ввелъ особенно строгія правила.

рей стали появляться тунеядство, невоздержанность и другіе пороки. Поученія преподобнаго Нила, дошедшія до насъ, проникнуты высокимъ нравственнымъ настроеніемъ, въ которомъ онъ видѣлъ главную задачу инока, такъ что ихъ нельзя читать и теперь безъ умиленія. Напротивъ, іосифляне были склонны къ религіозному формализму и обращали главное вниманіе на обрядовое благочестіе. Послѣдніе ставили очень высоко власть великаго князя, даже въ чисто церковныхъ вопросахъ; напротивъ, въ заволжскихъ монастыряхъ были пострижены нѣкоторые изъ гонимыхъ бояръ, а поэтому въ нихъ стало замѣчаться несогласіе со свѣтской властью. Они учили, что власть князя должна имѣть предѣлы. Борьба этихъ двухъ церковно-политическихъ теченій началась, главнымъ образомъ, по поводу появившейся въ Новгородѣ ереси такъ называемыхъ жидовствующихъ. Появленіе ея приписывалось вліянію ученаго еврея Захаріи, но на самомъ дѣлѣ она была откликомъ религіозныхъ броженій, которыя въ это время происходили на Западѣ, главнымъ образомъ, въ Германіи; въ это время тамъ появились крестовые братья, гейслеры, флагеланты и др. секты. Очень понятно, что ересь появилась прежде всего въ Новгородѣ, гдѣ было сильно западное вліяніе. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ очень неясное представленіе объ ученіи этой ереси, такъ какъ писаній ея сторонниковъ мы не имѣемъ и знаемъ о ней только со словъ ея враговъ. Во всякомъ случаѣ, еретики отрицали нѣкоторые изъ догматовъ нашей церкви. Въ это время въ Новгородѣ былъ архіепископомъ Геннадій, горячій проводникъ московскаго вліянія. Онъ энергично началъ борьбу съ ересью и требовалъ отъ свѣтскаго правительства самыхъ строгихъ мѣръ противъ ея сторонниковъ, ссылаясь на примѣръ „короля гишпанскаго“, о религіозной ревности котораго слышалъ отъ его посла. Геннадій нашелъ себѣ союзника въ Іосифѣ, который точно также убѣждалъ правительство казнить безъ пощады еретиковъ (противъ нихъ онъ написалъ книгу „Просвѣтитель“, которая является для насъ главнымъ источникомъ для ознакомленія съ ересью). Иначе смотрѣли на дѣло заволжскіе старцы: они не сочувствовали ереси, но рѣшительно возставали противъ всякаго насилія. Одинъ изъ ихъ наставниковъ, старецъ Германъ, прямо утверждалъ, что за еретиковъ нужно молиться Богу, а не судить и казнить ихъ. Іоаннъ III долгое время не предприни-

малъ противъ ереси никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. Причиной этого было то, что еретикамъ сочувствовали невѣстка великаго князя Елена и вліятельный дьякъ великаго князя Курицынъ. Паденіе Елены и торжество Софіи было въ то же время и торжествомъ сторонниковъ Іосифа. Созванный великимъ княземъ въ 1504 году Соборъ, несмотря на протесты заволжскихъ старцевъ[1]), осудилъ на смертную казнь главнѣйшихъ еретиковъ (они были сожжены). Впрочемъ, ересь было трудно преслѣдовать, такъ какъ большинство еретиковъ спѣшили скрыть свои убѣжденія и наружно подчиниться церкви. Во всякомъ случаѣ, ересь была подавлена.

Преподобный Нилъ Сорскій поднялъ вопросъ объ отобраніи земель у монастырей (секуляризація). Великій князь сначала ухватился за эту мысль, такъ какъ она была выгодна для казны. Однако, противъ этого горячо возстали іосифляне. Великій князь уступилъ, такъ какъ ему было нежелательно ссориться съ такими убѣжденными сторонниками монархической власти.

Московское правительство, естественно, старалось выдвигать на высшія мѣста въ церкви іосифлянъ. Напротивъ, заволжскіе старцы были въ немилости, и даже нѣкоторые изъ нихъ подвергались сами обвиненію въ ереси.

При Іоаннѣ III начались дипломатическія сношенія съ такими державами, къ которымъ до того времени Москва не имѣла никакихъ отношеній (Данія, германскій императоръ, венеціанское правительство). Историкъ Соловьевъ говоритъ даже, что западные народы открыли Московское государство одновременно съ Америкой. Въ 1486 году пріѣхалъ въ Москву рыцарь Николай Поппель, посѣщавшій съ цѣлью ознакомленія отдаленныя страны; у него была грамота императора Фридриха III. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ принятъ въ Москвѣ очень недовѣрчиво, хотя его и отпустили домой безъ задержки.

Онъ разсказалъ въ Германіи о богатствѣ и могуществѣ московскаго государя и, вслѣдствіе этого, былъ отправленъ къ нему уже въ качествѣ посла императора. Пріемъ пословъ обставлялся

---

[1]) Чрезвычайно интересно остроумное письмо заволжскихъ старцевъ противъ Іосифа. Письмо это отличается рѣдкой въ полемической литературѣ деликатностью и въ то же время проникнуто тонкой ироніей. Такъ Іосифъ ссылался на примѣръ св. Льва Катанскаго, который, по житію, сжегъ волхва своею епитрахилью. „А ты, господине Іосифе", писали старцы: „почто не испытаеши своея святости, не связалъ архимандрита Касьяна своею мантіею, донелѣ жъ бы онъ сгорѣлъ, а ты бы въ пламени его держалъ, а мы бъ тебя, яко единаго отъ трехъ отрокъ изъ пламени исшедъ, да пріяли". (Архимандритъ Кассіанъ обвинялся въ ереси).

въ Москвѣ большой торжественностью, чтобы показать имъ блескъ московскаго государя. Услыхавъ о прибытіи ихъ, правительство посылало приставовъ для встрѣчи ихъ на границѣ, и во все продолженіе пути имъ давали пищу съ медомъ и виномъ. Другой приставъ встрѣчалъ ихъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ Москвы. Въ день представленія бояре встрѣчали посла у входа во дворецъ и палату, гдѣ его принималъ великій князь. Великій князь сидѣлъ на тронѣ, а бояре на длинныхъ скамьяхъ вдоль стѣнъ палаты. Во время пріема присутствовали также сыновья великаго князя. Вошедши, посолъ „правилъ" поклонъ отъ своего государя. Великій князь вставалъ, спрашивалъ о здоровьѣ государя, отъ котораго

Рис. 83. Совѣщаніе бояръ съ иностранными послами. Съ рисунка знаменитаго историческаго художника Шварца.

прибылъ посолъ, и давалъ послѣднему руку для цѣлованія. Послѣ этого послу ставили скамью противъ государя. Посидѣвъ нѣсколько времени, онъ вручалъ свою вѣрющую грамоту и дары. Въ тотъ же день посолъ обѣдалъ у великаго князя. Самые переговоры велись боярами (рис. 83).

Большое историческое обще-европейское значеніе имѣла борьба Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, начавшаяся при Іоаннѣ III и унаслѣдованная его преемникомъ. Столкновеніе между обоими государствами было неизбѣжно: подъ властью Литовскаго государства было много русскихъ земель, а Іоаннъ III, въ сношеніи съ нимъ, торжественно заявилъ, что вся Русь—его „исконняя вотчина", и называлъ

себя Государемъ всея Руси, чего, конечно, никакъ не могли признать литовскіе великіе князья. Въ эту борьбу, какъ мы увидимъ, вмѣшивались самые разнообразные государи Европы, въ томъ числѣ императоръ священной Римской Имперіи (германскій) и папа. Такимъ образомъ Московія стала замѣтной величиной въ политической жизни Европы.

Польскій король и литовскій великій князь Казиміръ (1445—1501 гг.) питалъ враждебныя намѣренія противъ Москвы и соединялся со всѣми ея врагами, но не оказалъ ни-

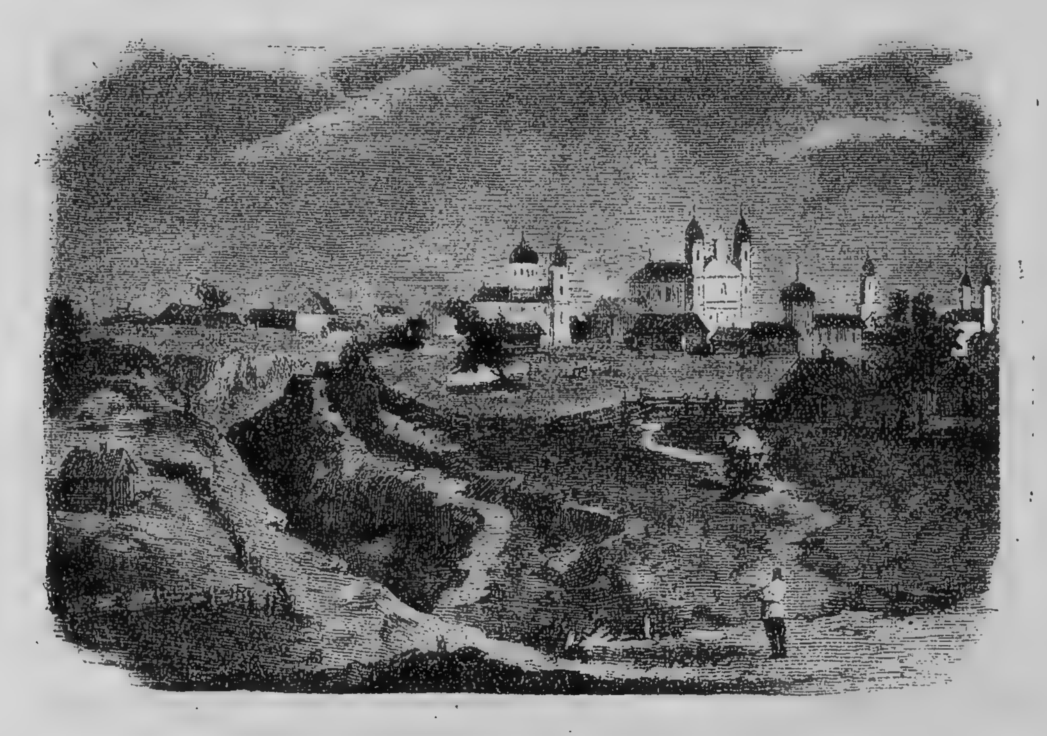

Рис. 84. Видъ Мстиславля (нынѣ уѣздный городъ Могилевской губерніи).

кому изъ нихъ поддержки. Болѣе открытый характеръ приняла борьба при его преемникѣ на литовскомъ великокняжескомъ престолѣ Александрѣ Ягеллонѣ. Поводомъ къ ней послужилъ переходъ отъ Литвы къ Москвѣ мелкихъ пограничныхъ русскихъ князей (главнымъ образомъ потомковъ черниговскихъ и сѣверскихъ). Враждебныхъ отношеній государствъ не могъ измѣнить и бракъ Александра съ дочерью Іоанна Еленой,—напротивъ, онъ далъ поводъ къ новымъ столкновеніямъ. Выдавая дочь за Александра, Іоаннъ выговорилъ, чтобы она оставалась православной и была окружена единовѣрцами, а также, чтобы для нея во дворцѣ была устроена

церковь. Однако въ Москву безпрестанно доходили слухи о притѣсненіяхъ въ вѣрѣ, которыя будто бы терпитъ великая княгиня, хотя она сама опровергала это. Тѣмъ не менѣе Іоаннъ выражалъ неудовольствіе зятю на неисполненіе обязательствъ. Въ борьбѣ перевѣсъ съ самаго начала былъ на сторонѣ Москвы. Московскія войска заняли цѣлый рядъ городовъ и нанесли сильныя пораженія литовцамъ на рѣкѣ Ведрошѣ и подъ городомъ Мстиславлемъ (рис. 84). Не помогло Александру и вмѣшательство въ его пользу стариннаго врага

Рис. 85. Развалины замка Гельмета въ Лифляндіи.

обоихъ народовъ—магистра Ливонскаго ордена. Магистромъ въ это время былъ энергичный Вальтеръ фонъ-Плеттенбергъ. Заключивъ договоръ съ Александромъ, онъ взялъ и сжегъ городъ Островъ, при чемъ погибли 4 тысячи русскихъ, но затѣмъ онъ понесъ отъ московскихъ войскъ сильное пораженіе при замкѣ Гельметѣ[1]) (рис. 85); точно также онъ потерпѣлъ неудачу подъ Изборскомъ (рис. 86) и Псковомъ. Наконецъ, при посредствѣ братьевъ Александра, королей польскаго и венгерскаго, ему удалось заключить перемиріе со своимъ тестемъ на шесть лѣтъ (25 марта 1503 года). По этому пе-

1) Гельметъ—замокъ Ливонскаго ордена въ нынѣшнемъ Феллинскомъ уѣздѣ Лифляндской губерніи.

ремирію, земли цѣлаго ряда мелкихъ князей перешли отъ Литвы къ Москвѣ, всего 19 городовъ, въ томъ числѣ такой важный, какъ Черниговъ, и 70 волостей.

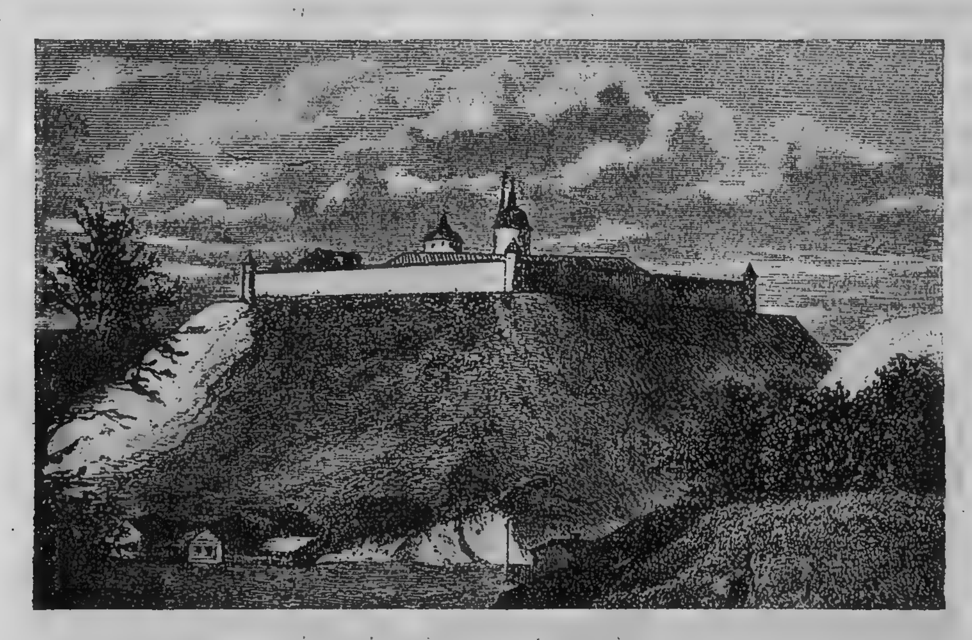

Рис. 86. Видъ г. Изборска.

Іоаннъ III скончался въ 1505 году, оставивъ, по духовному завѣщанію, старшему изъ сыновей великому князю Василію 66 городовъ, а остальнымъ четыремъ—всего 30.

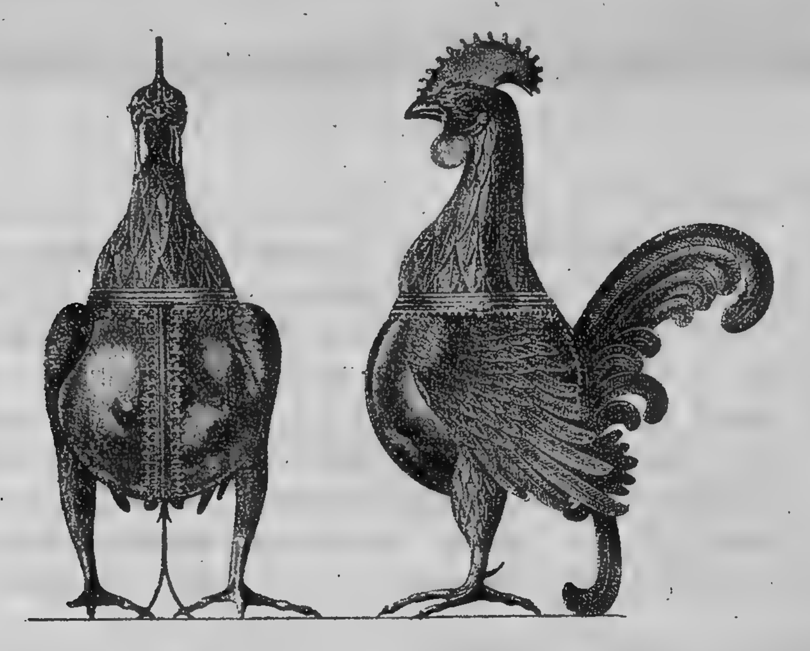

Рис. 87. Кубокъ Великаго князя Іоанна III въ видѣ пѣтушка. Находится въ Оружейной палатѣ.

Старшему сыну онъ завѣщалъ двѣ трети самого г. Москвы, а одну треть получили остальные братья (впрочемъ и въ этой трети великій князь имѣлъ свою часть), тогда какъ Василій Темный благословилъ Іоанна всего третью первопрестольнаго города.

§ 13. Великій князь Василій III. Присоединеніе Пскова и Рязани. Борьба съ Литвой. Внутренняя дѣятельность. Новые люди. Приказы. Бракъ съ Еленой Глинской и его послѣдствія. Максимъ Грекъ. Берсень-Беклемишевъ.

Великій князь Василій III (1505-1533 гг.; рис. 88) успѣшно продолжалъ дѣло своего отца. При немъ былъ присоединенъ къ

Рис. 88. Великій князь Василій III. Съ иностраннаго портрета XVI в.

Москвѣ „младшій братъ“ Новгорода — Псковъ. Этотъ городъ сохранилъ при Іоаннѣ III самостоятельность только благодаря

полному подчиненію волѣ великаго князя и тому, что во время борьбы послѣдняго съ Новгородомъ онъ шелъ противъ своего „старшаго брата“. Во Псковѣ, какъ и въ Новгородѣ, не прекращалась борьба богатыхъ людей съ бѣдными. Притѣсняемые все чаще и чаще обращались къ суду великаго князя. Однажды послѣдній вызвалъ, подъ предлогомъ суда, къ себѣ всѣхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ Пскова. Когда они прибыли, имъ было объявлено: „пойманы есте Богомъ и великимъ государемъ“ (это означало на старинномъ русскомъ языкѣ арестъ). Въ городъ былъ посланъ отъ имени великаго князя дьякъ съ требованіемъ уничтоженія старыхъ порядковъ и полной покорности. Лишенному властей Пскову оставалось только отдаться на волю великаго князя. Вѣчевой колоколъ былъ также увезенъ оттуда (1510 г.). Василій выводилъ населеніе Пскова въ другія мѣста, какъ его отецъ изъ Новгорода, а на мѣсто псковитянъ сажалъ московскихъ людей, чтобы сгладить самую память о прежнихъ вольностяхъ. Точно такъ же Василій докончилъ и присоединеніе Рязани. Заподозрѣнный въ сношеніяхъ съ крымцами, рязанскій великій князь Іоаннъ былъ вызванъ въ Москву и заключенъ здѣсь подъ стражу, а въ Рязань былъ посланъ московскій намѣстникъ (1520 г.). Вообще при Василіи III были присоединены къ Москвѣ послѣдніе удѣлы. Общество сочувствовало этому. Такъ, передъ низверженіемъ послѣднихъ удѣльныхъ князей по Москвѣ ходилъ юродивый съ метлой и говорилъ: „пора вымести изъ Московскаго государства послѣдній соръ“.

Юродивые были въ старину особымъ видомъ подвижниковъ, которые изъ смиренія прикидывались людьми, лишенными разума, и дѣлали различные странные поступки. У насъ на Руси юродивые очень уважались и, пользуясь своимъ особымъ положеніемъ, нерѣдко высказывали сильнымъ міра сего горькія истины. Поэтому англійскій писатель о Россіи Флетчеръ сравниваетъ ихъ съ англійскими пасквилями, то-есть съ сочиненіями, направленными противъ лицъ, стоявшихъ у власти. Юродивые выходили изъ народа и обыкновенно являлись выразителями его завѣтныхъ стремленій.

Точно также успѣшно Василій велъ борьбу съ Литвой. Когда умеръ бездѣтный великій князь Александръ, то Василій III сталъ было агитировать въ Литвѣ, чтобы его избрали въ преемники зятю, при чемъ обѣщалъ не стѣснять католи-

чества. Однако, согласно волѣ Александра, избранъ былъ братъ его Сигизмундъ. При Александрѣ имѣлъ большое вліяніе русско-литовскій князь Михаилъ Глинскій, человѣкъ, получившій отличное образованіе въ Италіи. Однако этотъ вельможа изъ страны Макіавелли и Цезаря Борджія вынесъ неразборчивость въ выборѣ средствъ. При Сигизмундѣ онъ утратилъ всякое вліяніе и даже не могъ найти управы на другихъ пановъ, которые прежде завидовали ему. Тогда онъ самъ принялся мстить за свои обиды и обезглавилъ одного

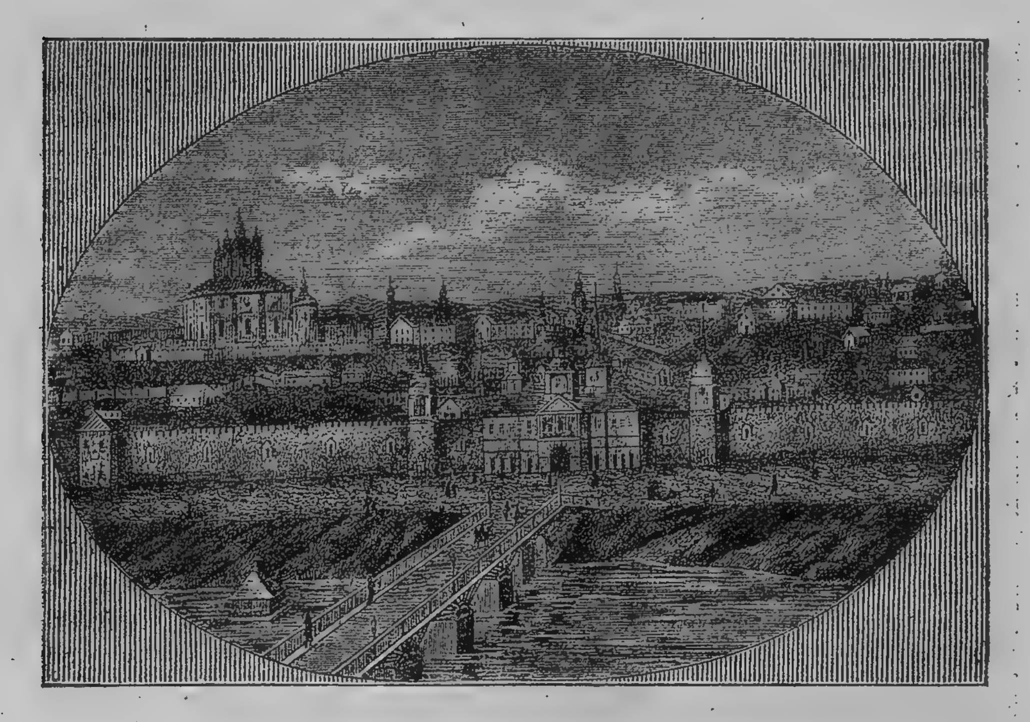

Рис. 89. Видъ г. Смоленска, имѣвшаго большое значеніе во время войны Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ (со старинной гравюры).

изъ своихъ враговъ. Грозившая за это кара заставила Глинскаго бѣжать къ московскому великому князю, что послужило поводомъ къ новой войнѣ. При помощи Глинскаго, Василій овладѣлъ городомъ Смоленскомъ (рис. 89), который остался за Москвой, несмотря на пораженіе московскаго войска знаменитымъ литовско-русскимъ полководцемъ, княземъ Константиномъ Острожскимъ при г. Оршѣ. Въ этой борьбѣ оба великихъ князя искали вездѣ, гдѣ только могли, союзниковъ. Союзы составились совершенно иначе, чѣмъ при Іоаннѣ III. Василій заключилъ союзъ съ Альбрехтомъ, курфюрстомъ Бранденбургскимъ, великимъ магистромъ тевтонскаго ордена, а

Сигизмундъ—съ Крымскимъ ханомъ. Дружба Москвы съ Крымскимъ ханомъ, которая была при Іоаннѣ III и Менгли Гиреѣ, не могла быть продолжительна, такъ какъ крымскіе ханы стремились соединить подъ своей властью всѣ части прежней Золотой орды, что вовсе было нежелательно для Москвы.

Рис. 90. Современный портретъ Герберштейна въ русской одеждѣ, подаренной ему великимъ княземъ Василіемъ III.

Мирные переговоры начались при посредничествѣ германскаго императора и папы и окончились перемиріемъ въ 1522 году (сначала на 5 лѣтъ, а затѣмъ постепенно продолжалось до смерти великаго князя). Участвовавшій въ переговорахъ австрійскій посолъ Герберштейнъ оставилъ намъ превосходное описаніе Московскаго государства („Записки о московскихъ дѣлахъ". Рис. 90). Власть великаго князя въ это время сильно возросла. Герберштейнъ говоритъ, что Василій своею властью превосходилъ всѣхъ христіанскихъ государей. Къ боярамъ онъ относился недовѣрчиво и старался все дѣлать черезъ дьяковъ и людей худородныхъ. Однако, онъ не рѣшался вводить послѣднихъ въ боярскую думу и вообще считался со старыми понятіями о знатности родовъ. При немъ впервые упоминаются приказы въ смыслѣ особыхъ учрежденій (1512 г.). Такъ назывались въ Московскомъ государствѣ учрежденія, которыя управляли тѣми или

другими государственными дѣлами. Возникли они безъ всякой общей законодательной мѣры: государь просто приказывалъ, то-есть поручалъ то или другое дѣло опредѣленному лицу и давалъ въ помощь ему канцелярію, состоявшую изъ дьяковъ и ихъ помощниковъ—подъячихъ. Такимъ образомъ число приказовъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе возростало. Нѣкоторые изъ нихъ вѣдали важныя государственныя дѣла, какъ напримѣръ: посольскій — внѣшнія сношенія, а другіе — только различныя отрасли государева хозяйства (напр. приказъ, во главѣ котораго стоялъ кравчій, завѣдывавшій столомъ великаго князя). Въ этомъ отношеніи сказался общій характеръ управленія Московскимъ государствомъ, имѣвшій много сходнаго съ управленіемъ большимъ частнымъ хозяйствомъ.

Въ церковныхъ дѣлахъ Василій, естественно, очень покровительствовалъ іосифлянамъ и старался замѣщать ими всѣ высшія церковныя должности. При немъ старецъ Елеазарова Псковскаго монастыря Ѳилоѳей написалъ къ образованному дьяку Мисюрѣ Мунехину и къ самому великому князю посланія, въ которыхъ вполнѣ развилъ знаменитую „теорію третьяго Рима". „Всѣ христіанскія царства кончились", писалъ онъ, „и сошлись въ едино царство нашего государя, по пророческимъ книгамъ, то-есть, въ Россійское царство: два Рима пали, а третій стоитъ, а четвертому не бывать". Такое высокое мнѣніе получили о значеніи своего государства въ то время болѣе образованные представители русскаго общества.

Особенно большую услугу іосифляне оказали Василію III въ дѣлѣ его развода съ первой его супругой — Соломоніей, изъ рода Сабуровыхъ. Она была бездѣтна, а поэтому люди, окружавшіе великаго князя, боялись потерять свое вліяніе, въ случаѣ перехода великокняжеской власти къ брату Василія. Они-то и убѣдили великаго князя развестись съ супругой и жениться на другой. Выборъ великаго князя остановился на племянницѣ Глинскаго — Еленѣ Глинской, молодой, красивой дѣвушкѣ, воспитанной въ польскихъ обычаяхъ (въ угоду ей великій князь сбрилъ даже себѣ бороду, которая у нашихъ предковъ считалась почти священнымъ украшеніемъ мужчины; рис. 91). Митрополитъ московскій Варлаамъ не соглашался на этотъ разводъ и былъ за это низвергнутъ. На его мѣсто былъ поставленъ іосифлянинъ Даніилъ, который,

вопреки церковнымъ правиламъ, развелъ великаго князя и разрѣшилъ ему второй бракъ. Это вызвало сильное неудовольствіе среди лучшей части духовенства, за что нѣкоторые изъ нихъ и пострадали (заволжскіе старцы). Въ числѣ пострадавшихъ былъ инокъ преп. Максимъ Грекъ (рис. 92), одинъ изъ замѣчательныхъ людей своего времени. Преп. Максимъ родился въ нынѣшней Албаніи и получилъ превосходное образованіе въ различныхъ городахъ Италіи, которая въ то

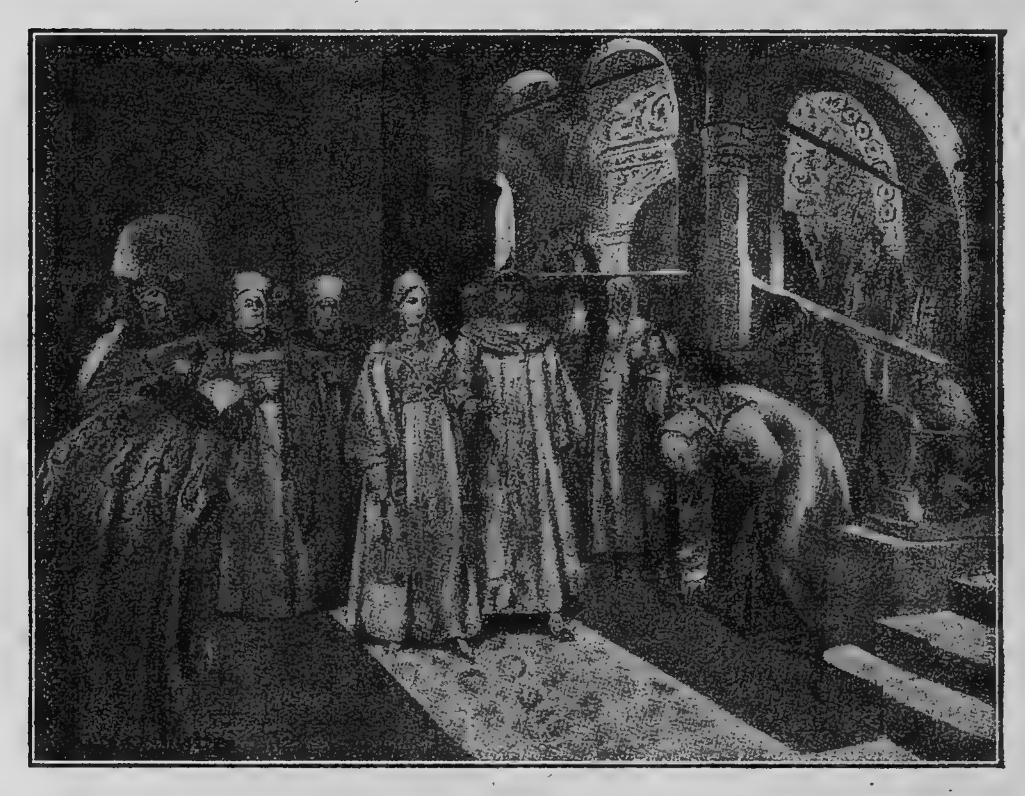

Рис. 91. Великій князь Василій III съ супругой своей Еленой. Съ картины художника К. А. Лебедева.

время была разсадникомъ наукъ и искусствъ: во Флоренціи, Венеціи, Миланѣ и Феррарѣ. Во Флоренціи на Максима произвела особенное впечатлѣніе мученическая кончина доминиканскаго монаха Саванаролы, обличавшаго преступленія папы Александра VI Борджія, одного изъ самыхъ порочныхъ лицъ, занимавшихъ когда-либо престолъ св. Петра. Впослѣдствіи Максимъ всегда говорилъ о Саванаролѣ съ большимъ уваженіемъ и стремился подражать ему. Затѣмъ Максимъ былъ инокомъ на Аѳонѣ, откуда былъ вызванъ въ Москву, съ цѣлью исправленія нѣкоторыхъ церковныхъ книгъ. Въ своемъ новомъ

отечествѣ онъ много писалъ о различныхъ недостаткахъ русской церковной жизни и о необходимости просвѣщенія. Это возстановило противъ него іосифлянъ; особенно негодовали они на ученаго инока за то, что онъ, какъ грекъ, стоялъ за единеніе съ греческой церковью и защищалъ авторитетъ греческихъ патріарховъ. На бѣду, къ Максиму ходилъ повѣрять свое горе одинъ изъ недовольныхъ служилыхъ людей Берсень-Беклеми-

Рис. 92. Изображеніе преп. Максима Грека. Со старинной иконы изъ собранія акад. Н. П. Лихачева.

шевъ, бесѣды котораго съ Максимомъ дошли до насъ. Онѣ въ высшей степени интересны, такъ какъ знакомятъ насъ съ тѣмъ, какъ смотрѣли на положеніе дѣлъ недовольные бояре. Берсень говорилъ про царевну Софію: „какъ пришла сюда мать великаго князя съ вашими греками, такъ земля наша замѣшалась и пришли нестроенія великія, какъ и у васъ въ Царь-градѣ при вашихъ царяхъ“. О самомъ великомъ князѣ Василіи онъ говорилъ: „лучше старыхъ обычаевъ держаться и людей жаловать и старыхъ почитать, а нынѣ государь

нашъ, запершись самъ-третей у постели всякія дѣла дѣлаетъ" (то-есть рѣшаетъ всѣ дѣла въ спальнѣ съ двумя приближенными). По доносу келейника, Берсеню отсѣкли голову, а Максима Грека заточили въ тверской Отрочъ монастырь, гдѣ ему пришлось много перенести обидъ отъ его враговъ іосифлянъ. Это было началомъ тѣхъ жестокостей, которыми ознаменовалась борьба новыхъ порядковъ со старыми при сынѣ Василія III Іоаннѣ IV.

Василій III скончался, оставивъ малолѣтняго сына Іоанна подъ опекой матери его, великой княгини Елены.

Рис. 93. Работа на самомъ старинномъ ручномъ печатномъ станкѣ. Виньетка худ. Самокишъ.

§ 14. Царь Іоаннъ IV Грозный. Его дѣтство и воспитаніе. Вѣнчаніе на царство. „Избранная рада". Царскій Судебникъ. Новое областное управленіе. Помѣстья. Стоглавъ. Книгопечатаніе. Сношеніе съ Англіей. Взятіе Казани и Астрахани. Отношеніе къ Крыму. Оборона южной окраины государства.

Сынъ Василія III Іоаннъ IV (рис. 94) остался послѣ смерти отца ребенкомъ. Первое время государствомъ управляла мать его Елена, которая скоро умерла, — по словамъ Герберштейна, отъ яда, даннаго ей ненавидѣвшими ее боярами. Ребенкомъ Іоаннъ оставался на рукахъ бояръ, между которыми первыя мѣста занимали князья Шуйскіе и Бѣльскіе.

Они враждовали между собою и вооружали другъ противъ друга юнаго царя, чѣмъ оказывали вредное вліяніе на его характеръ. Точно также, по словамъ современника князя Курбскаго, бояре относились снисходительно къ дурнымъ наклонностямъ ребенка, напримѣръ, мучить животныхъ; однако въ то же

Рис. 94. Изображеніе Іоанна Грознаго. Съ миніатюры изъ „Казанскаго Лѣтописца", рукописи Академіи наукъ.

время они оскорбляли самыя завѣтныя чувства юнаго царя. Онъ впослѣдствіи не могъ спокойно вспоминать о томъ, какъ при немъ князь Шуйскій клалъ ноги на постель его отца. Отъ природы Іоаннъ былъ мальчикъ живой, способный и любознательный. Онъ очень много читалъ, хотя читалъ безъ

всякаго разбора: и Библію, и творенія св. отцовъ, и римскую исторію, и наши лѣтописи. Во всѣхъ этихъ книгахъ его вниманіе останавливалось на изображеніяхъ знаменитыхъ царей: Давида, Соломона, Константина и др., и у него составилось очень высокое представленіе о царской власти.

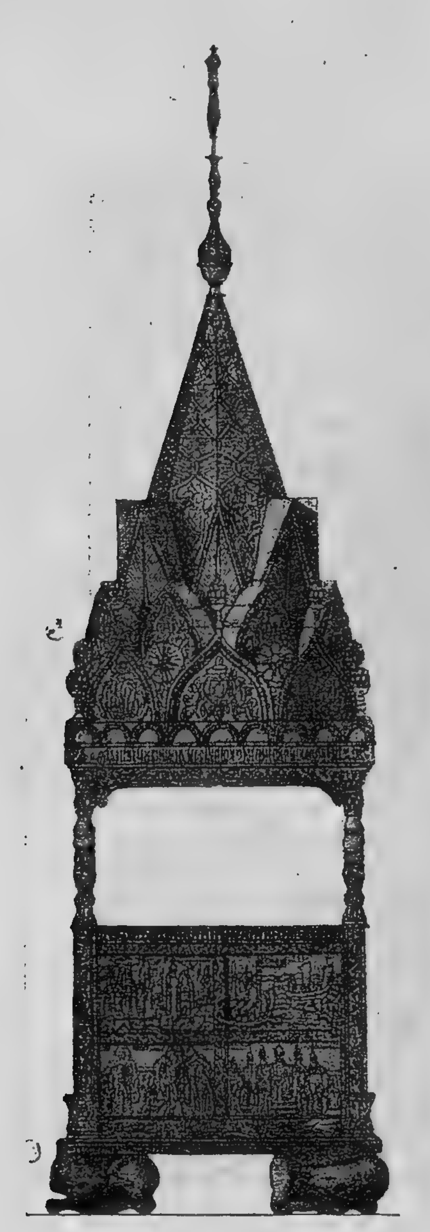

Рис. 95. Царское мѣсто въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ.

Въ 1547 году онъ первый изъ нашихъ государей торжественно вѣнчался въ Успенскомъ соборѣ на царство, испросивъ на это благословеніе константинопольскаго патріарха. Съ того времени царь сдѣлался офиціальнымъ титуломъ для нашихъ монарховъ.

Вѣнчаніе на царство по византійскому обычаю стояло въ тѣсной связи съ теоріей третьяго Рима. Въ 1551 году въ Успенскомъ соборѣ былъ воздвигнутъ тронъ (рис. 95), на которомъ воспроизведена въ рѣзныхъ изображеніяхъ исторія знаменитой шапки Мономаха. Іоаннъ IV выводилъ родословную династіи Рюриковичей отъ вымышленнаго польскими лѣтописцами брата Августа-Кесаря Прусса, котораго онъ будто бы поставилъ правителемъ на берегахъ рѣкъ Вислы и Нѣмана (Пруссія).

Молодой государь взялъ себѣ въ супруги боярышню Анастасію Романовну Захарьину-Юрьеву, которая имѣла на него, по современнымъ свидѣтельствамъ, доброе вліяніе. Точно также братъ ея знаменитый бояринъ Никита Романовичъ Захарьинъ-Юрьевъ оставилъ въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ память о себѣ какъ о добромъ геніи перваго русскаго царя. Его родъ получилъ фамилію Романовыхъ. Несмотря однако на это доброе вліяніе, Іоаннъ первое время велъ разгульный образъ жизни, пока его не заставили взяться серьезно за дѣла страшный пожаръ въ Москвѣ и бунтъ. Бунтъ этотъ

былъ вызванъ притѣсненіями, которыя чинили народу родственники царя Глинскіе. Послѣ этихъ бѣдствій царь рѣзко перемѣнился въ лучшую сторону. Онъ составилъ для себя

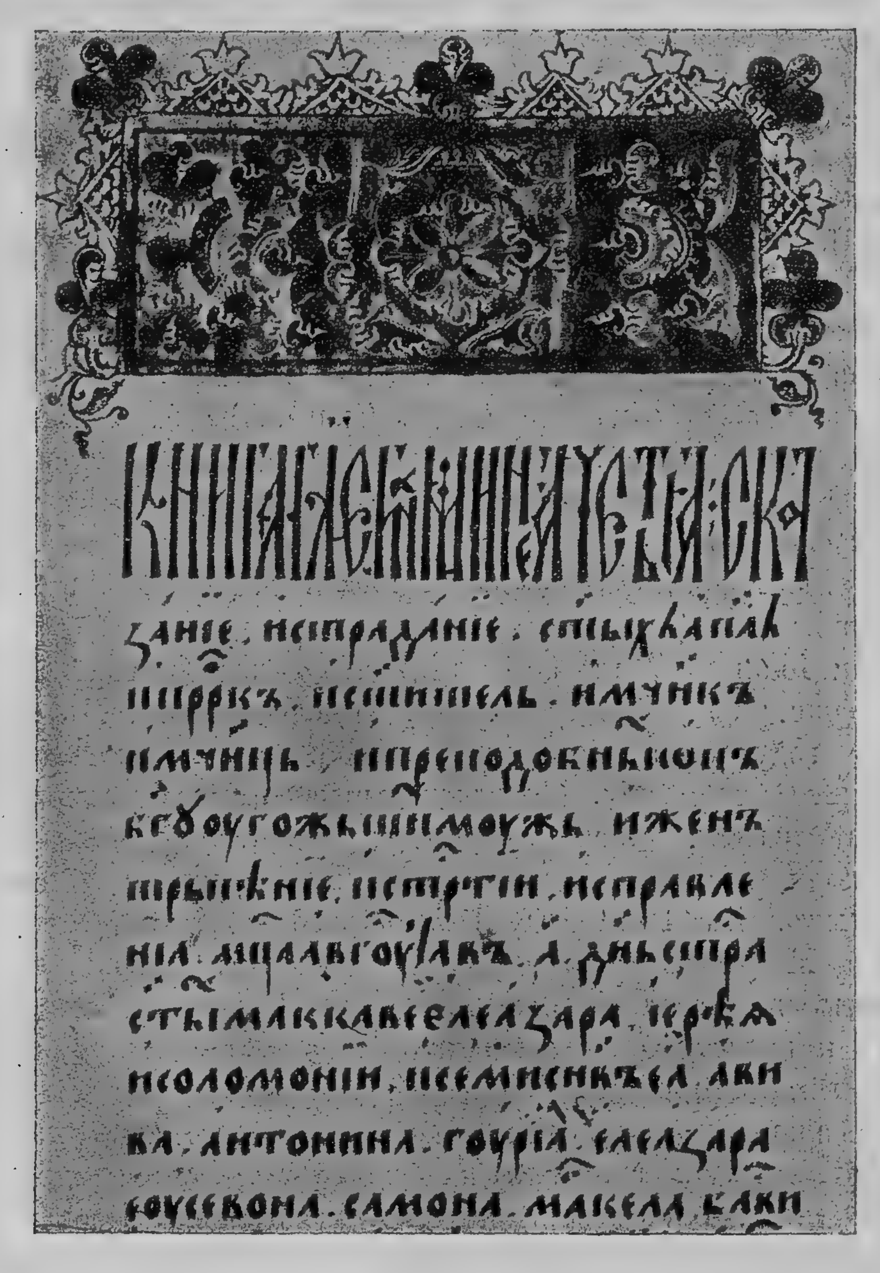

Рис. 96. Изъ рукописи „Великихъ Четій-Миней" митр. Макарія, находящейся въ Патріаршей библіотекѣ въ Москвѣ.

правительственный совѣтъ изъ наиболѣе талантливыхъ и благонамѣренныхъ людей. Князь Курбскій называетъ этотъ совѣтъ „избранной радой". Хотя въ него вошли наилучшіе представители боярства, но настоящей душой его сдѣлался

Алексѣй Адашевъ, человѣкъ незнатнаго происхожденія. Адашеву царь поручилъ принимать челобитныя, подававшіяся на царское имя. Изъ духовныхъ лицъ особенное вліяніе получили митрополитъ московскій Макарій и протоіерей Благовѣщенскаго собора Сильвестръ.

Хотя Макарій и былъ іосифляниномъ, но отличался терпимостью къ чужимъ мнѣніямъ. Этотъ митрополитъ извѣстенъ въ литературѣ какъ составитель сборника „Великія Четіи Минеи" (рис. 96), въ которыхъ онъ хотѣлъ соединить всѣ книги, читавшіяся въ тогдашней Руси. Макарій обладалъ большимъ тактомъ и въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ иниціатива исходила отъ него, онъ предоставлялъ первое мѣсто государю, стараясь самъ оставаться въ тѣни, что избавляло его отъ столкновеній съ самовластнымъ Іоанномъ. Сильвестра царь чтилъ за строгій образъ жизни. По словамъ лѣтописца, этотъ священникъ давалъ указанія самимъ святителямъ. Несомнѣнно, это былъ человѣкъ выдающійся; какъ видно изъ его завѣщанія сыну, онъ, напримѣръ, освободилъ своихъ холоповъ и воспиталъ многихъ сиротъ на свой счетъ.

При Іоаннѣ IV въ 1550 году былъ изданъ новый Судебникъ (рис. 97), болѣе полный, нежели первый. Въ слѣдующемъ году была проведена важная мѣра относительно областного управленія. Московское правительство уже раньше, въ видѣ льготы, стало освобождать нѣкоторыя области отъ суда кормленщиковъ, предоставляя имъ судиться у своихъ выборныхъ. Въ 1551 году Іоаннъ распространилъ эту мѣру на все Московское государство, приказавъ, однако, за это наложить на населеніе особый оброкъ. Теперь во всѣхъ городахъ и волостяхъ кормленщики были отставлены, а тяжбы между жителями стали разбирать выборные земскіе старосты и цѣловальники (помощники старостъ, которые такъ назывались оттого, что цѣловали крестъ, то-есть приносили присягу). Они же собирали подати съ населенія. Кромѣ того въ каждомъ уѣздѣ былъ выборный губной староста со своими цѣловальниками, которые должны были ловить лихихъ людей,— воровъ и разбойниковъ, и отсылать ихъ для наказанія въ Москву. Вмѣсто кормленій, теперь всѣмъ служилымъ людямъ стали даваться п о м ѣ с т ь я. Такъ назывались земли, которыя раздавались служилымъ людямъ, чтобы обезпечить имъ возможность безбѣдно служить государству. Земли эти давались

имъ подъ непремѣннымъ условіемъ государственной службы. Они противополагались вотчинамъ, старинной собственности того или другого рода. Слово „помѣстье“ встрѣчается впервые

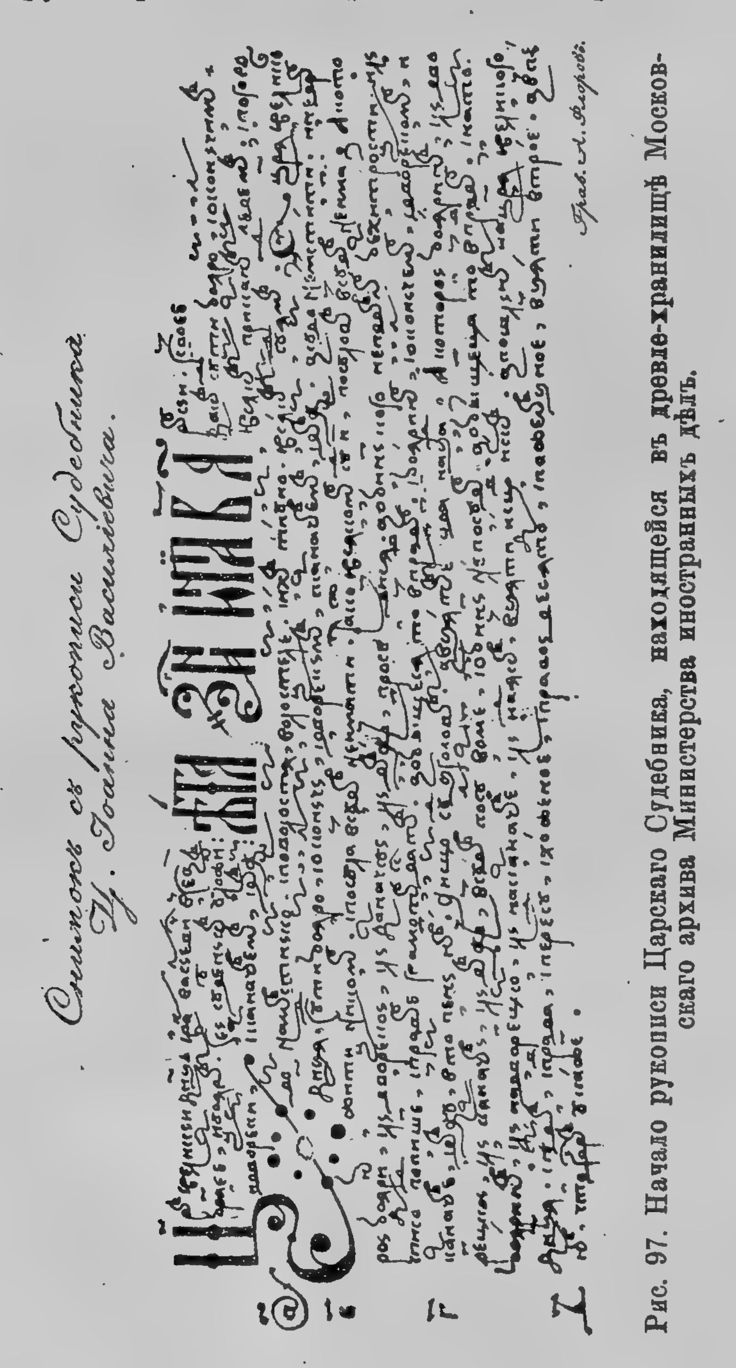

Рис. 97. Начало рукописи Царскаго Судебника, находящейся въ древле-хранилищѣ Московскаго архива Министерства иностранныхъ дѣлъ.

въ Судебникѣ 1550 года, хотя на такихъ условіяхъ московское правительство раздавало земли и раньше; только раньше онѣ давались однимъ менѣе знатнымъ людямъ и непосредственнымъ слугамъ великихъ князей, такъ какъ бояре получали кормленія.

Затѣмъ московскіе князья давали на такихъ основаніяхъ только свои дворцовыя земли; теперь же помѣстья стали даваться и изъ „черныхъ“, то-есть государственныхъ земель, такъ какъ служили вознагражденіемъ за государственную службу. Помѣстье не разсматривалось какъ собственность служилаго человѣка: если онъ разорялъ его, то за это подвергался строгой карѣ. Такого рода вознагражденіе за службу являлось въ тѣ времена вполнѣ естественнымъ, такъ какъ у насъ господствовало натуральное[1]) хозяйство, и денегъ было еще мало въ обращеніи.

Однако, въ виду постоянной внѣшней опасности, въ областяхъ требовались начальники, которые совмѣщали бы и военную и гражданскую власть. Такіе начальники появляются въ концѣ царствованія Іоанна IV подъ именемъ „воеводъ“, сначала только въ пограничныхъ областяхъ. Уже въ XVII столѣтіи эта должность становится повсемѣстной. Воеводы вѣдали и гражданскія и военныя дѣла. Губные и земскіе старосты были имъ подчинены. На первый взглядъ, можно было принять это за возрожденіе власти намѣстниковъ и волостелей, но на самомъ дѣлѣ между ними и воеводами была огромная разница. Если на волостелей и кормленщиковъ не было жалобъ, то московское правительство не вмѣшивалось въ ихъ отношенія къ управляемому населенію. Напротивъ, воеводы являлись органами государства, дѣйствовавшими подъ наблюденіемъ правительства и по даннымъ отъ него наказамъ. Это, конечно, не исключало злоупотребленій, но злоупотребленія нельзя возводить въ общее явленіе. Такимъ образомъ изучаемое нами время является временемъ усиленія у насъ государственныхъ началъ въ управленіи, энергичнымъ проводникомъ чего являлся царь Іоаннъ IV.

Въ 1551 году былъ созванъ Іоанномъ духовный соборъ, который долженъ былъ дать отвѣты на вопросы государя. Постановленія этого собора изложены въ книгѣ, состоящей изъ 100 главъ („Стоглавъ“), отчего онъ и называется Стоглавымъ. Его творенія даютъ богатый матеріалъ для изученія нашего стариннаго быта, который рисуется въ весьма непри-

---

[1]) Натуральнымъ хозяйствомъ называется такое хозяйство, которое само производитъ всѣ нужные для него предметы. Оно противополагается денежному, при которомъ всѣ нужные предметы пріобрѣтаются за деньги на рынкѣ. Натуральное хозяйство вездѣ предшествовало денежному.

влекательномъ видѣ. Стоглавый соборъ указалъ на различныя суевѣрія, господствовавшія въ обществѣ, которыя являлись остатками язычества. Были также осуждены различныя „отреченныя“ книги по астрологіи и другимъ ложнымъ наукамъ (рис. 98), проникшія къ намъ съ запада, противъ которыхъ писалъ уже Максимъ Грекъ.

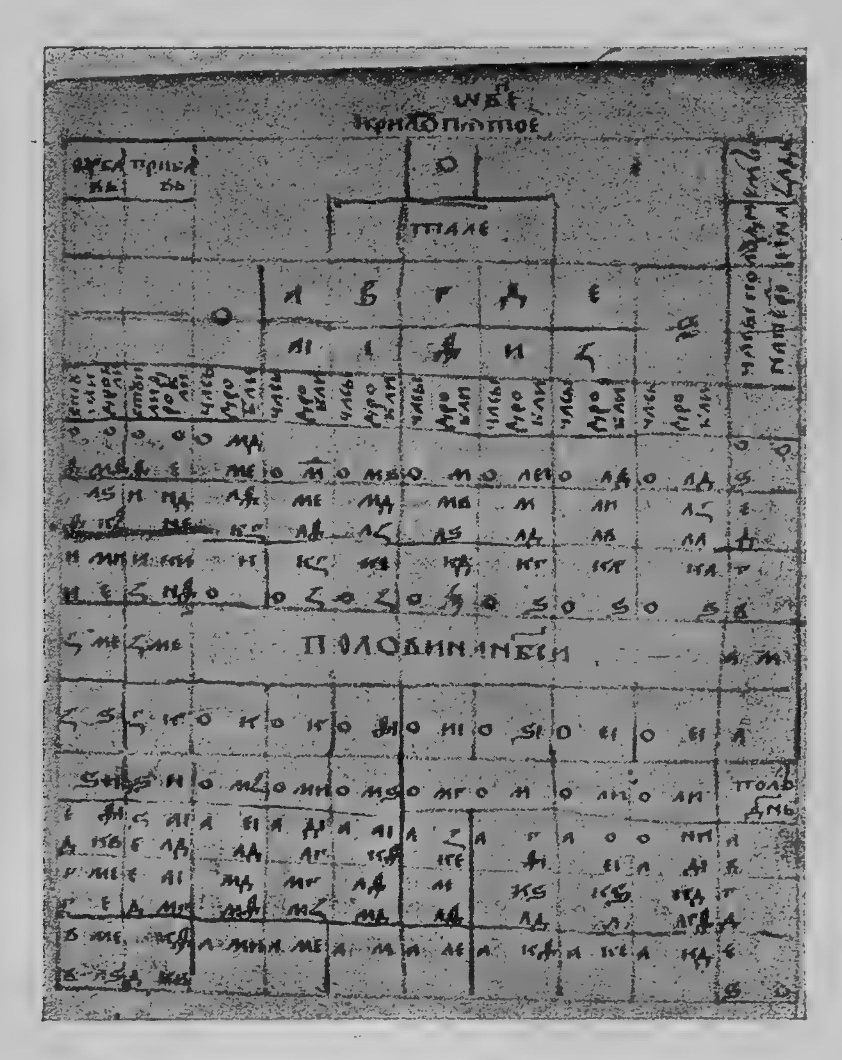

Рис. 98. Астрологическая таблица изъ отреченной книги: „Шестокрылъ“.

Изъ „Стоглава“ мы узнаемъ, что наши предки заимствовали у магометанъ обычай ходить въ особыхъ шапочкахъ — „тафьяхъ безбожнаго Магмета“, въ которыхъ стояли даже въ церкви. На свадьбахъ совершались различныя непристойности странствующими пѣвцами и шутами, извѣстными подъ названіемъ скомороховъ и т. д. Соборъ согласился съ государемъ въ томъ, что корень всѣхъ золъ — невѣжество, и по-

становилъ, чтобы духовныя лица устраивали при своихъ домахъ школы. Однако, не отрицая того, что въ наши церковныя книги вкралось не мало ошибокъ, соборъ вступилъ въ этомъ вопросѣ на ложный путь. Нужно было исправить книги по греческимъ оригиналамъ, а отцы собора раздѣляли предубѣжденіе нашихъ предковъ противъ грековъ; поэтому они предлагали отобрать изъ числа старинныхъ русскихъ книгъ наиболѣе исправныя и по нимъ исправить позднѣйшія. Затѣмъ даже наши высшія духовныя лица не могли отличить догматовъ, то-есть непреложныхъ церковныхъ истинъ, отъ обрядовъ, которые могутъ измѣняться съ теченіемъ времени и по различнымъ мѣстностямъ. Такъ соборъ призналъ непреложнымъ догматомъ русскіе обряды креститься двумя пальцами и пѣть дважды „аллилуія“, тогда какъ въ греческой церкви крестились тремя пальцами и пѣли „аллилуія“ трижды. Мы увидимъ, что это впослѣдствіи привело къ расколу въ нашей церкви, такъ что Стоглавый соборъ при всѣхъ его добрыхъ намѣреніяхъ оказалъ въ этомъ отношеніи печальную услугу нашей церкви.

Іоаннъ IV провелъ на Стоглавомъ соборѣ нѣкоторыя ограниченія относительно церковнаго землевладѣнія. Несмотря на вліяніе іосифлянъ, еще Василій III сдѣлалъ первые шаги въ этомъ отношеніи: онъ запретилъ нѣкоторымъ городамъ и князьямъ жертвовать въ монастыри вотчины „безъ царева и великаго князя вѣдома“. Теперь это правило было распространено на все государство. Незаконно принятыя монастырями вотчины должны были безвозмездно отписываться на царя. Кромѣ того въ концѣ своего царствованія Іоаннъ IV отмѣнилъ такъ называемыя тарханныя грамоты, которыя вели свое начало съ татарскихъ временъ; ими церковныя вотчины освобождались отъ податей.

На Стоглавомъ соборѣ Іоаннъ IV проявилъ любовь къ просвѣщенію; ее онъ показалъ и въ заботѣ о насажденіи у насъ книгопечатанія, тогда уже сдѣлавшаго успѣхи на Западѣ. Для этого дѣла къ нему былъ посланъ датскимъ королемъ знающій дѣло человѣкъ—Гансъ Миссенгеймъ. Основаніе первой типографіи въ Москвѣ относится къ 1553 году, но открыта она была только въ 1563 году. Въ ней работали діаконъ Іоаннъ Федоровъ и Петръ Мстиславецъ,—вѣроятно, ученики Миссенгейма. Въ 1564 году они выпустили книгу „Апостолъ“,

сохранившуюся до сихъ поръ. Однако, можно думать, что уже раньше ими было отпечатано нѣсколько книгъ безъ датъ, въ томъ числѣ св. Евангеліе. Послѣдняя книга, естественно, отличается большими недостатками печати: грубымъ шрифтомъ, неправильной сверсткой и неровными строчками. Какъ ни велика была польза этого нововведенія, Іоанну много приходилось бороться изъ-за него съ народнымъ невѣжествомъ. Толпа даже разгромила сначала самую типографію, но тѣмъ не менѣе

Рис. 99. Встрѣча иностранныхъ моряковъ русскими на сѣверѣ. Съ иностраннаго рисунка конца XVI в.

царь добился своего: книгопечатаніе у насъ привилось. Любопытно, что такое же враждебное отношеніе общества книгопечатаніе встрѣтило въ предшествующемъ столѣтіи во Франціи, гдѣ ему покровительствовалъ король, очень похожій своимъ характеромъ на Іоанна IV,—Людовикъ XI.

Подобно своимъ предшественникамъ, Іоаннъ IV старался завязать сношенія съ западными державами. Обстоятельства благопріятствовали ему. Изъ Англіи въ 1553 году были отправлены въ Ледовитый океанъ для открытія новыхъ странъ три корабля. Изъ нихъ два погибли, а одинъ присталъ къ берегу въ устьѣ Сѣверной Двины, у монастыря св.

Николая. Капитаномъ его былъ Ричардъ Ченслоръ. Объ этомъ дали знать въ Москву. Іоаннъ повелѣлъ обласкать англичанъ и привезти ихъ въ Москву. Здѣсь Ченслоръ представилъ грамоту англійскаго короля Эдуарда VI ко всѣмъ восточнымъ и сѣвернымъ монархамъ, писанную на разныхъ языкахъ. Онъ обѣдалъ за царскимъ столомъ, велъ переговоры съ боярами и отпущенъ былъ съ грамотой Іоанна къ Эдуарду VI; въ ней царь писалъ, что хочетъ быть въ дружбѣ

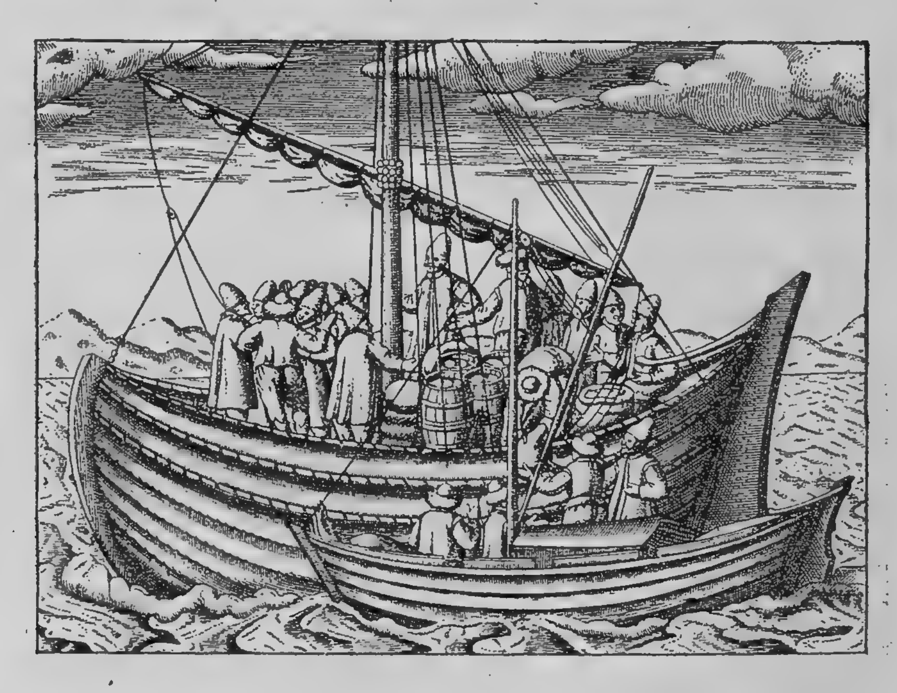

Рис. 100. Изображеніе русскаго корабля на сѣверѣ. Съ голландскаго рисунка XVI в.

съ Англіей и съ радостью приметъ англійскихъ пословъ и купцовъ[1]) (рис. 99).

Въ 1555 году Ченслоръ снова пріѣхалъ въ Россію съ повѣренными отъ образовавшейся англійской купеческой компаніи. Іоаннъ далъ англичанамъ льготную грамоту, объявивъ, что они могутъ торговать безпошлинно во всѣхъ русскихъ городахъ. Хотя на возвратномъ пути Ченслоръ утонулъ вслѣдствіе кораблекрушенія, тѣмъ не менѣе сдѣланное имъ дѣло не погибло: съ этого времени у насъ завязались сношенія съ отдаленной Англіей. На томъ мѣстѣ, гдѣ Ченслоръ выса-

[1]) Эта грамота уже не застала въ живыхъ короля Эдуарда VI и была вручена его преемницѣ королевѣ Маріи.

дился, впослѣдствіи былъ основанъ г. Архангельскъ (1584 г.), который до Петра Великаго являлся главнымъ пунктомъ въ нашихъ торговыхъ сношеніяхъ съ западомъ (рис. 100).

Это время ознаменовалось обширными пріобрѣтеніями Московскаго государства на востокѣ нашей равнины вслѣдствіе покоренія татарскихъ царствъ: Казанскаго по среднему теченію Волги и по рѣкѣ Камѣ и Астраханскаго по нижнему теченію Волги. Казанское царство было очень безпокойнымъ сосѣдомъ Московскаго: съ нимъ приходилось бороться и Іоанну III и Василію III. Послѣднему удалось посадить въ Казань хана сторонника Москвы. Іоаннъ Грозный рѣшилъ покончить съ безпокойнымъ сосѣдомъ. Въ 1552 году онъ выступилъ противъ Казани и осадилъ ее. Казань была по тому времени довольно хорошо укрѣплена дубовыми стѣнами, а русскіе были не привычны къ осаднымъ работамъ: главной частью ихъ войска была конница, состоявшая изъ второстепенныхъ служилыхъ людей, называвшихся „дворянами“ и „дѣтьми боярскими“ [1]) (рис. 101), которая дѣйствовала хорошо только въ открытомъ полѣ. Хотя гарнизонъ Казани былъ не многочисленъ, но защищался отчаянно. Положеніе осаждавшихъ ухудшалось дурной погодой, которую русскіе приписывали волшебству. Кромѣ того большой вредъ приносилъ имъ отважный татарскій наѣздникъ князь Япанча, который со своими отрядами внезапно нападалъ на нихъ изъ близъ лежащихъ лѣсовъ. Наконецъ князьямъ Горбатому-Шуйскому и Серебряному удалось разбить его. Затѣмъ иностранный инженеръ („розмыслъ“) устроилъ подкопъ подъ стѣны города, вкатилъ туда бочки пороху и взорвалъ ихъ. Русскіе ворвались въ Казань и послѣ сильной рѣзни овладѣли ею. Еще пять лѣтъ они покоряли инородцевъ, зависѣвшихъ отъ казанскаго хана. Во вновь пріобрѣтенную область былъ назначенъ архіепископомъ ученикъ преп. Максима Грека св. Гурій. Онъ много сдѣлалъ для распространенія въ краѣ христіанства и просвѣщенія. Въ наказѣ, данномъ ему правительствомъ, предписывалось обращать татаръ въ христіанскую вѣру кротостью, а отнюдь не принужденіемъ и ходатайствовать о нуждахъ и некрещенныхъ татаръ. Такая вѣротерпимость тѣмъ болѣе

---

[1]) Дѣтьми боярскими назывались потомки измельчавшихъ боярскихъ родовъ, не получавшіе боярскаго званія.

заслуживаетъ вниманія, что въ это время въ самой передовой странѣ на Западѣ—во Франціи изъ-за религіозныхъ несогласій проливалось много крови (Варѳоломеевская ночь).

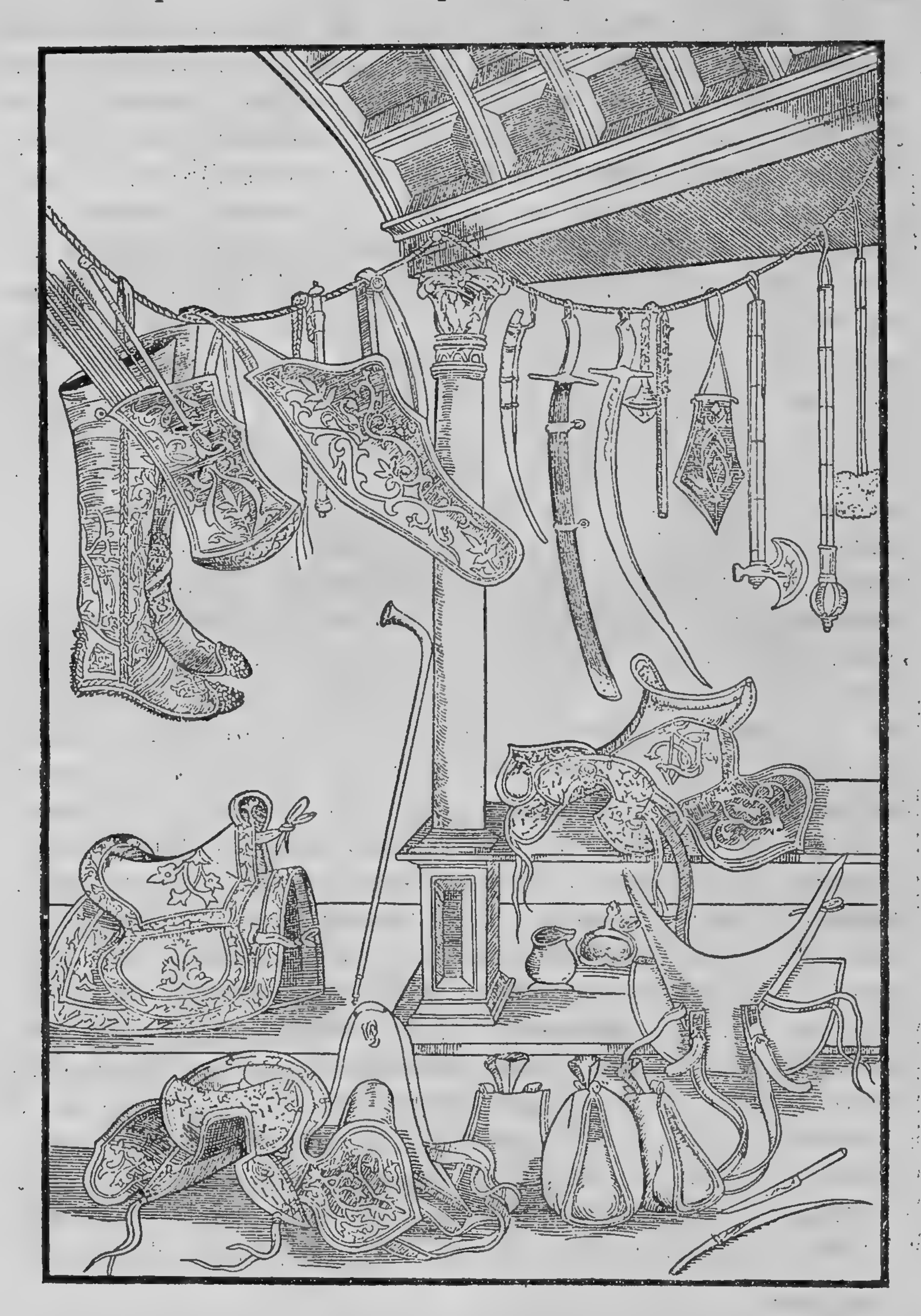

Рис. 101. Оружіе, конская сбруя и дорожная утварь русскихъ воиновъ. Изъ латинскаго изданія „Записокъ“ Герберштейна, 1556 г.

Въ память покоренія Казани Іоаннъ основалъ въ Москвѣ Покровскій соборъ, извѣстный болѣе подъ именемъ собора св. Василія Блаженнаго, такъ какъ въ немъ погребенъ этотъ святой. Соборъ этотъ является однимъ изъ самыхъ величественныхъ зданій „Первопрестольной". Онъ представляетъ собой живописное смѣшеніе элементовъ западной и восточной архитектуры. Сохранилось ни на чемъ неоснованное преданіе о томъ, будто бы Іоаннъ IV велѣлъ выколоть глаза строителю этого собора, чтобы онъ не построилъ другого такого же зданія (рис. 102).

Рис. 102. Церковь Василія Блаженнаго. Изъ рукописи: „Избраніе на царство Михаила Θеодоровича".

Спустя нѣсколько времени послѣ покоренія Казани противъ Астраханскаго ханства былъ отправленъ съ ратью князь Юрій Ивановичъ Пронскій - Шемякинъ, который и покорилъ его. Теперь вся Волга принадлежала Московскому государству, и русская колонизація могла направляться во всѣ стороны по ея притокамъ.

Покореніе Казани и Астрахани произвело сильное впечатлѣніе въ мусульманскомъ мірѣ. Турецкіе султаны Солиманъ Великолѣпный и его сынъ Селимъ явились выразителями этого, но они не могли оказать существенной помощи своимъ единовѣрцамъ. Съ притязаніями на Казань и Астрахань выступилъ Крымскій ханъ. Хотя ему и удалось захватить врасплохъ Москву и сжечь ее, однако послѣ долгихъ переговоровъ онъ склонился къ миру съ московскимъ царемъ на

сравнительно небольшой денежной дани. Однако Іоаннъ и ее не далъ ему. Тогда ханъ снова пошелъ на Русь, но на этотъ разъ былъ разбитъ княземъ Воротынскимъ и бѣжалъ съ большими потерями (1572 г.).

По повелѣнію государя этотъ князь Воротынскій составилъ уставъ сторожевой службы для сторожъ и станицъ, охранявшихъ Московское государство со стороны степи отъ татаръ. Въ немъ было подробно расписано, когда и отъ какого мѣста до какого должны были ѣздить дозоры. Въ этомъ уставѣ предписывалось: „стоять сторожамъ на сторожахъ, съ коней не ссаживаясь, попеременно, и ѣздить по урочищамъ попеременно же, направо и налѣво по два человѣка... Становъ имъ не дѣлать, огонь раскладывать не въ одномъ мѣстѣ, когда нужно будетъ кому пищу сварить, и тогда огня въ одномъ мѣстѣ не раскладывать дважды; въ которомъ мѣстѣ кто полдневалъ, тамъ не ночевать; въ лѣсахъ не останавливаться, останавливаться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ было бы усторожливо. Если станичники или сторожа подстерегутъ воинскихъ людей, то посылаютъ своихъ товарищей съ этими вѣстями въ ближайшіе (пограничные) города, а сами позади непріятеля ѣдутъ на сакмы (дороги), по сакмамъ и по станамъ людей смѣчать, и, поѣздивъ по сакмамъ и смѣтивъ людей, съ тѣми вѣстями въ другой разъ отсылаютъ товарищей въ тѣ же города“ (рис. 103).

Рис. 103. Русскій дозоръ въ степи. Съ рисунка художника Шварца.

Такимъ образомъ здѣсь мы наблюдаемъ ту же упорную борьбу, какъ въ кіевскій періодъ, со степью. Масса предосторожностей указываетъ на постоянную опасность съ ея стороны.

§ 15. Разрывъ Іоанна съ „избранной радой". Ливонская война. Перемѣны внутри государства. Люблинская унія. Стефанъ Баторій. Несчастный конецъ Ливонской войны. Опричнина и казни. Св. Филиппъ. Покореніе Сибири. Кончина Іоанна Грознаго.

Іоаннъ IV (рис. 104) былъ не изъ тѣхъ натуръ, которыя могутъ безусловно подчиняться чужому вліянію. Скоро

Рис. 104. Портретъ царя Іоанна IV Грознаго. (Съ гравюры Уткина по Титулярнику).

между нимъ и его совѣтниками начались разногласія. Прежде всего они разошлись по вопросамъ внѣшней политики. Сильвестръ и бояре стояли за то, чтобы покончить съ послѣднимъ татарскимъ государствомъ—Крымомъ. Между тѣмъ это представляло большія затрудненія: татарскіе наѣздники были

неуловимы въ обширныхъ степяхъ, которыя отдѣляли Московское государство отъ Крыма; затѣмъ въ этихъ степяхъ невозможно было найти продовольствія для большого войска, которое требовалось для завоеванія значительнаго ханства. Не такъ было во время похода на Казань, владѣнія которой примыкали почти вплотную къ московскимъ. У Іоанна созрѣлъ другой планъ, за который передъ нимъ впослѣдствіи преклонялся императоръ Петръ Великій: онъ рѣшилъ бороться съ Ливонскимъ орденомъ, который мѣшалъ намъ вступить въ непосредственныя сношенія съ западными державами и пріобщиться западно-европейской цивилизаціи: Іоаннъ послалъ въ Германію одного иностранца, который служилъ въ Россіи, Шлиппе, чтобы нанять тамъ различныхъ мастеровъ, но послѣдній на возвратномъ пути былъ задержанъ въ Германіи, такъ какъ ливонцы выхлопотали у германскаго императора указъ, рѣшительно воспрещавшій проѣздъ такого рода людямъ въ Московію. Обстоятельства, казалось, благопріятствовали Москвѣ: въ Ливонію проникла реформація [1]), и, какъ въ то время повсемѣстно въ западной Европѣ, въ ней шла борьба между католиками и протестантами (орденъ былъ на сторонѣ католицизма, а въ городахъ распространилось лютеранство). Поэтому царь рѣшилъ воевать съ Ливоніей: онъ началъ съ того, что потребовалъ съ ливонцевъ дани, которую они обязались платить по прежнимъ договорамъ, но не платили уже 50 лѣтъ. Когда ливонцы отказались, русское войско вторглось въ ихъ страну и страшно ее опустошило (1558 г.). Ливонскій магистръ Гебгардъ фонъ Кеттлеръ запросилъ мира, но во время переговоровъ городъ Нарва неожиданно началъ враждебныя дѣйствія противъ русскихъ. Война возобновилась, и Нарва, а за ней и многіе другіе города были взяты русскими. Послѣ этого магистръ рѣшился на отчаянное средство: на раздѣленіе Ливоніи; островъ Эзель отошелъ къ Даніи, Эстляндія — къ Швеціи, а Лифляндія — къ Польшѣ. Орденъ пересталъ существовать, и Кеттлеръ сдѣлался герцогомъ Курляндскимъ и Семигальскимъ въ зависимости отъ Польши. Такимъ образомъ намъ пришлось столкнуться съ нѣсколькими западными государствами, а между тѣмъ въ царѣ произошла

---

[1]) Напомнимъ, что начало реформаціи въ западной церкви положилъ нѣмецкій монахъ Мартинъ Лютеръ, порвавшій съ католической церковью въ 1520 г.

перемѣна, лишившая Московское государство лучшихъ его воеводъ.

Въ разгаръ войны произошелъ окончательный разрывъ между Іоанномъ и боярами. Андрей Курбскій, написавшій впослѣдствіи исторію своего времени, приписывалъ этотъ разрывъ коварному совѣту одного іосифлянина — епископа Вассіана. На самомъ дѣлѣ онъ совершенно замалчиваетъ гораздо болѣе важное обстоятельство. Въ 1553 году вскорѣ послѣ возвращенія изъ Казанскаго похода царь опасно занемогъ. Онъ требовалъ, чтобы бояре присягнули его малолѣтнему сыну, какъ наслѣднику. Однако многіе изъ бояръ отказались

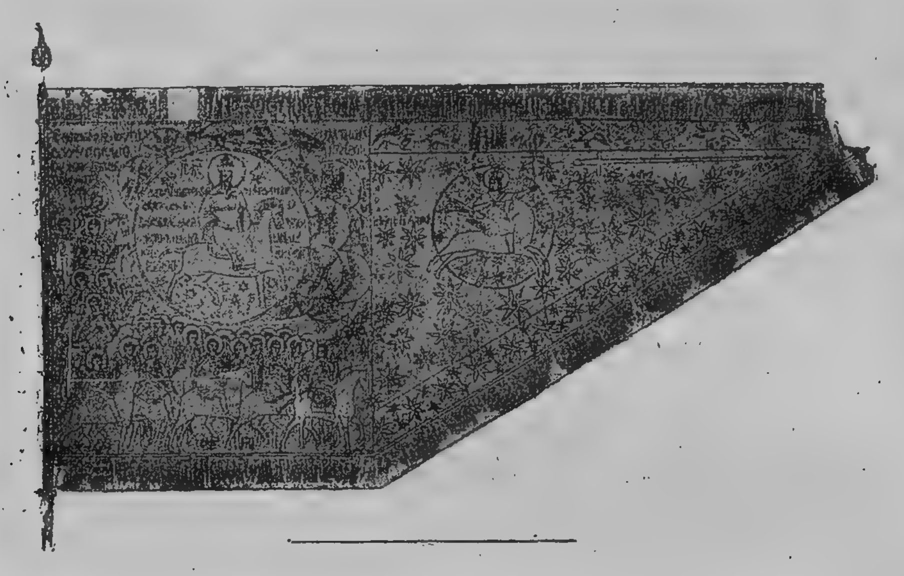

Рис. 105. Знамя, великій стягъ, царя Іоанна Васильевича 1560 года.

и стали выдвигать кандидатуру на престолъ двоюроднаго брата государя Владиміра Андреевича Старицкаго. Отецъ облагодѣтельствованнаго царемъ Адашева прямо сталъ на ихъ сторону и говорилъ царю: „мы тебѣ служить готовы, но не твоимъ родственникамъ“. Впрочемъ честные Адашевы руководились въ данномъ случаѣ государственнымъ интересомъ: они помнили, что происходило въ малолѣтство царя Іоанна. Что касается до Сильвестра, то онъ велъ себя двусмысленно и присягнулъ царскому сыну только тогда, когда царь сталъ поправляться. Сильвестра царь уважалъ до тѣхъ поръ, пока считалъ его высоконравственнымъ человѣкомъ, какимъ подобаетъ быть духовному лицу. Когда же онъ увидѣлъ, что Сильвестръ способенъ кривить душой, то, естественно, пересталъ питать къ

нему прежнія чувства. Точно также долженъ былъ онъ усумниться въ преданности ему Адашева и бояръ. Между тѣмъ лѣтомъ 1560 года скончалась царица Анастасія, не любившая Сильвестра и Адашева. Въ обществѣ стали говорить, будто бы они извели ее. Сильвестръ, замѣтивъ, что его вліяніе совсѣмъ пало, удалился въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и тамъ постригся. Адашевъ въ это время воевалъ въ Ливоніи; царь велѣлъ взять его подъ стражу. По словамъ Курбскаго, человѣколюбивый воевода очень мягко обращался съ плѣнными. Если принять во вниманіе, что его партія была противъ Ливонской войны, то неудивительно, если подозрительный государь заподозрилъ его въ измѣнѣ. Подъ стражей Адашевъ заболѣлъ и умеръ. Послѣ этого государь становится все подозрительнѣе и подозрительнѣе; всѣ прежніе сподвижники его навлекли одинъ за другимъ на себя опалу и сошли съ исторической сцены. Одинъ изъ нихъ князь Андрей Курбскій, проигравъ сраженіе, бѣжалъ въ Литву и сталъ дѣйствовать противъ своего прежняго отечества. Онъ основывался на старомъ боярскомъ правѣ отъѣзда. Русскіе бояре все еще смотрѣли на великаго князя литовскаго, какъ на русскаго. Примѣру Курбскаго стали слѣдовать другіе опальные бояре.

Между тѣмъ Московскому государству пришлось столкнуться съ Польско-Литовскимъ. Счастье не сразу измѣнило царю. На польскомъ престолѣ въ это время сидѣлъ послѣдній король изъ рода Ягеллоновъ — Сигизмундъ II Августъ, человѣкъ изнѣженный и неспособный къ военной дѣятельности. Іоанну удалось завладѣть такимъ важнымъ городомъ, какъ Полоцкъ. Однако вообще война съ Польшей шла очень вяло: то шли переговоры, то взаимныя опустошенія. Въ 1566 году Іоаннъ Грозный созвалъ земскій соборъ. Такъ называлось особаго рода представительное учрежденіе Московской Руси. Оно возникло при Іоаннѣ, какъ государѣ, который сначала внимательно прислушивался къ голосу земли, то-есть общества. Однако можетъ считаться доказаннымъ, что члены земскаго собора созывались сначала правительствомъ по служебному своему положенію, и только съ теченіемъ времени часть ихъ стала выборной отъ населенія[1]). Земскій соборъ постановилъ крѣпко биться съ Лит-

---

[1]) См. интересную статью В. О. Ключевскаго „Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси“ въ его книгѣ: „Опыты и изслѣдованія“, Москва, 1912 г. Соборъ 1566 года состоялъ изъ 32 духовныхъ

вой до конца. Между тѣмъ скончался послѣдній Ягеллонъ. Не задолго до смерти ему удалось совершить важное дѣло: до того времени Польша и Литва были соединены между собою только единствомъ династіи; въ 1569 году въ г. Люблинѣ былъ созванъ сеймъ (рис. 106) съ цѣлью болѣе тѣснаго соединенія обоихъ государствъ. Литва сначала всячески противилась уніи, то-есть соединенію, особенно когда король

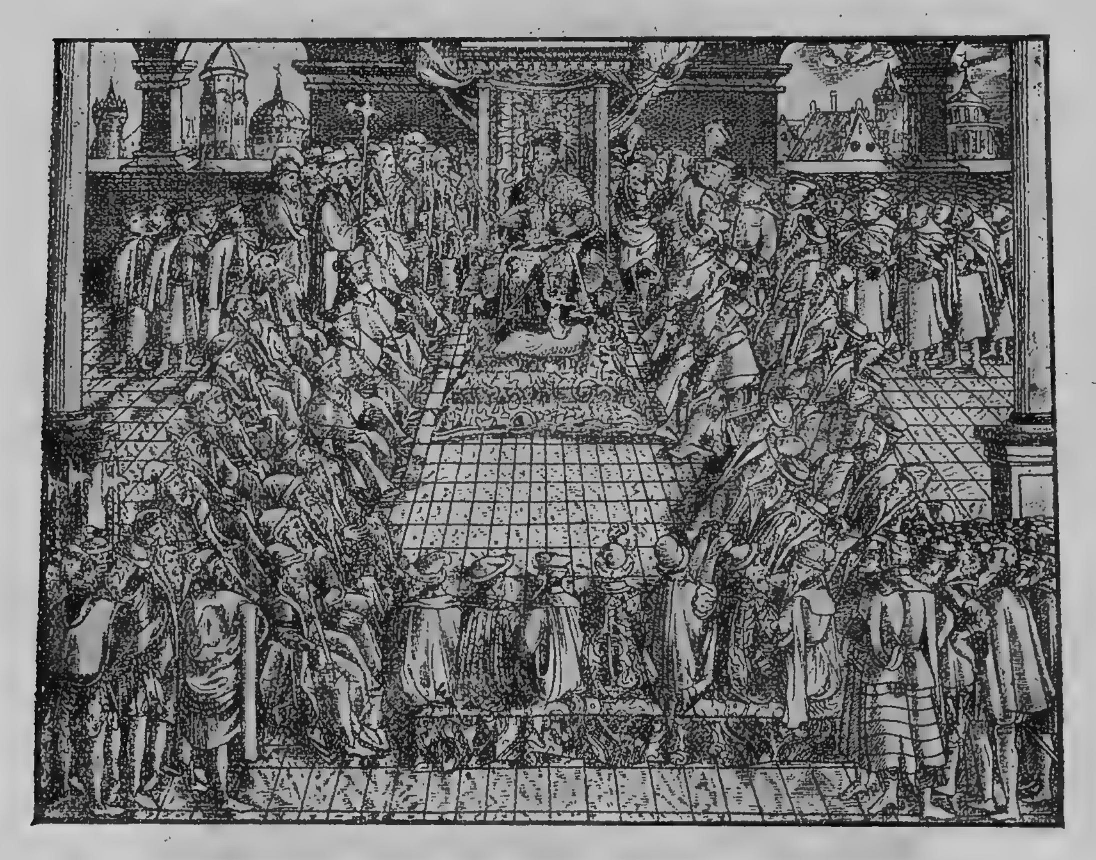

Рис. 106. Люблинскій сеймъ. Съ современнаго рисунка.

объявилъ присоединенными отъ Литвы къ Польшѣ Волынь и нѣкоторыя другія русскія области. Однако русскіе вельможи не показали такой твердости, какъ литовцы: причиной этого была, вѣроятно, агитація со стороны Андрея Курбскаго и другихъ бѣглецовъ изъ Москвы, которые успѣли запугать своихъ единоплеменниковъ опасностью со стороны Москвы.

лицъ („освященный соборъ“ съ митрополитомъ), 29 членовъ боярской думы и другихъ сановниковъ, 205 дворянъ, дѣтей боярскихъ и другихъ второстепенныхъ служилыхъ людей и 75 торговыхъ людей; среди послѣднихъ особую группу занимали смольняне, въ виду особаго значенія этого города въ борьбѣ съ Польско-Литовскимъ государствомъ.

Наконецъ унія состоялась, оба государства составили одну „Речь Посполитую“ (искаженное слово республика) съ общимъ сеймомъ и сенатомъ. Корона Речи Посполитой сдѣлалась избирательной. Однако каждая часть Речи Посполитой сохраняла также свои особенныя учрежденія и даже особыя войска. Литва управлялась по собранію законовъ, которое называ-

Рис. 107. Стефанъ Баторій. Съ современнаго портрета изъ сочиненія его секретаря Гейденштейна о войнѣ съ Москвой (изд. 1590 г.). Наверху слѣва—гербъ Польши.

лось Литовскимъ Статутомъ (первый Статутъ былъ составленъ въ 1529 году, а второй болѣе полный въ 1566 г. Впослѣдствіи Статутъ 1566 г. былъ пересмотрѣнъ и окончательно утвержденъ въ 1588 г.). Въ литовскихъ статутахъ сохранилось много русскихъ законоположеній; они были составлены на западно-русскомъ нарѣчіи и оказали впослѣдствіи вліяніе и на московское право.

Іоаннъ разсчитывалъ, что его выберутъ польскимъ королемъ, и дѣйствительно онъ имѣлъ на своей сторонѣ значительную польскую партію. Однако былъ избранъ семиградскій воевода Стефанъ Баторій, родомъ венгерецъ (рис. 107). Это былъ храбрый воитель, уже раньше прославившійся борьбою съ турками. Онъ быстро поправилъ дѣла Польши и вернулъ между прочимъ Полоцкъ. Швеція также начала борьбу съ нами. Стефанъ Баторій потерпѣлъ неудачу подъ Псковомъ, который геройски защищалъ князь Андрей Пе-

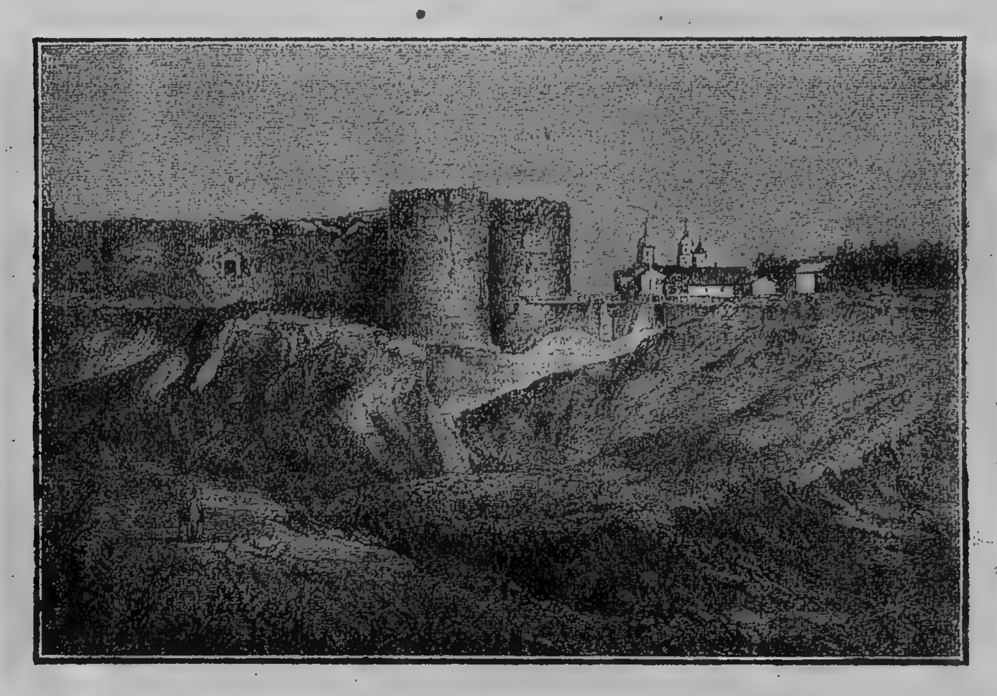

Рис. 108. Развалины старинной крѣпости Копорья (нынѣ село Петергофскаго уѣзда, Петроградской губерніи).

тровичъ Шуйскій. Все населеніе города, не исключая и женщинъ, участвовало въ геройской оборонѣ его. Тѣмъ не менѣе лишившійся, благодаря своей подозрительности, лучшихъ своихъ воеводъ, царь совершенно растерялся и шелъ на всякія уступки. Посредникомъ явился нунцій (посланникъ) папы іезуитъ[1] Антоній Посевино (русскіе называли его Посевинымъ); это былъ искусный дипломатъ, который держалъ сторону нашихъ враговъ. Близъ Яма Запольскаго было заключено перемиріе съ Польшей (1582 г.) на 10 лѣтъ, по кото-

[1]) Напомнимъ, что іезуитскій орденъ былъ основанъ въ 1540 г. и имѣлъ своей главной задачей борьбу съ реформаціей и торжество католицизма.

рому Іоаннъ отказался отъ всѣхъ своихъ завоеваній. Въ слѣдующемъ году Москва заключила столь же невыгодное для себя перемиріе со Швеціей, по которому русскіе были совершенно отброшены отъ Балтійскаго моря: за шведами временно остались и тѣ города у Финскаго залива, которыми владѣлъ еще Новгородъ: Ямъ, Иванъ-городъ и Копорье (рис. 108).

Антоній Посевинъ имѣлъ смѣлость пріѣхать въ Москву, чтобы вести переговоры о соединеніи церквей и требовать преслѣдованія протестантовъ, но былъ принятъ, естественно, очень дурно Іоанномъ.

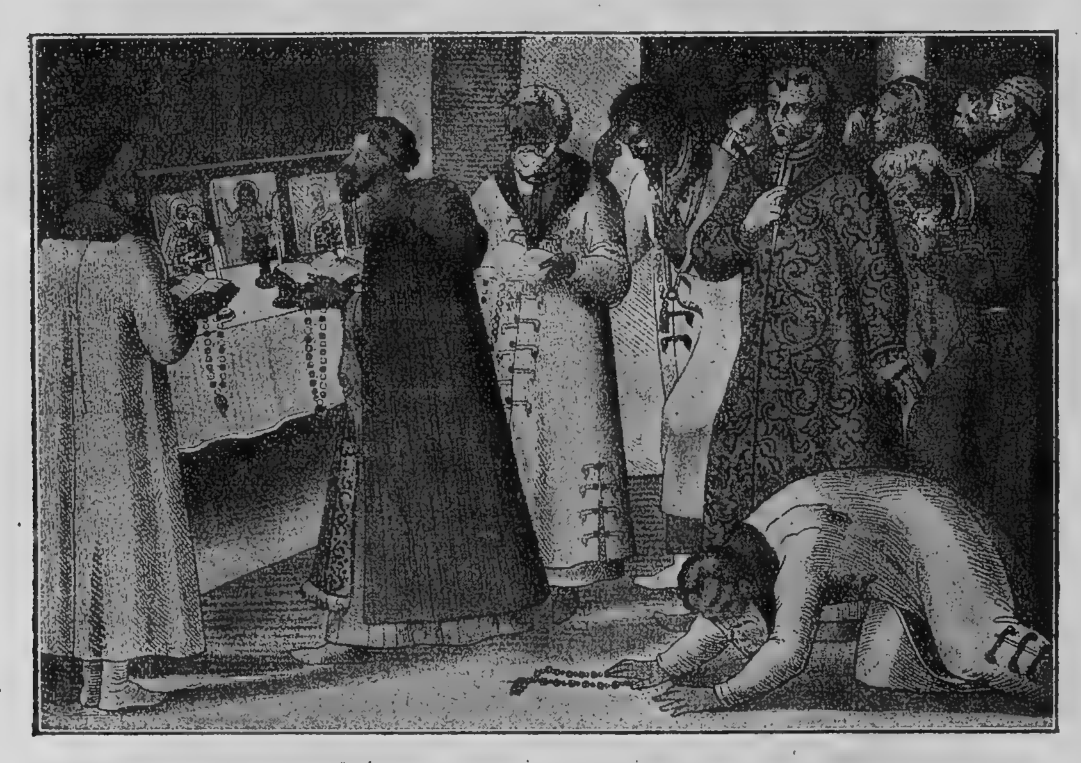

Рис. 109. Посольство Іоанна Грознаго къ германскому императору 1576 года на молитвѣ. Съ современнаго рисунка.

Не менѣе тяжелое время переживала Россія внутри. Съ Ливонской войной совпадаетъ время, такъ называемой, опричнины. Возникла она такимъ образомъ: въ 1564 году государь уѣхалъ въ Александровскую Слободу (нынѣ городъ Владимірской губерніи Александровъ) и въ началѣ 1565 года прислалъ оттуда двѣ грамоты. Одна была обращена къ духовенству и боярамъ и наполнена упреками за ихъ предполагаемые измѣны и „убытки“ государству. Государь объявлялъ, что онъ не можетъ болѣе терпѣть этого и уѣзжаетъ туда, куда ему

Господь укажетъ. Другая грамота была обращена къ купцамъ и „всему христіанству“ московскому и успокаивала ихъ относительно того, что на нихъ опалы нѣтъ. Народъ пришелъ въ волненіе и требовалъ, чтобы митрополитъ съ духовенствомъ умилостивилъ государя. Духовенство и бояре отправились въ Александровскую Слободу и умоляли государя вернуться на царство. Тогда онъ „смилостивился“, выговоривъ себѣ, что отнынѣ онъ будетъ казнить своихъ измѣнниковъ, какъ хочетъ, и учредитъ себѣ въ государствѣ опричнину. Эта реформа состояла въ томъ, что онъ раздѣлилъ все государство на двѣ части: одна изъ нихъ находилась въ непосредственномъ подчиненіи государя и называлась опричниной. Въ опричнину были взяты города, волости и отдѣльныя улицы Москвы, затѣмъ собрана была тысяча людей разнаго рода: князей, бояръ, дѣтей боярскихъ и другихъ, которые были „испомѣщены“ (то-есть получили помѣстья) въ той части государства, которая называлась опричниной. Остальная часть государства стала называться земщиной; во главѣ ея сначала была поставлена боярская дума, а затѣмъ одинъ крещеный татарскій царевичъ Симеонъ Бекбулатовичъ, который даже титуловался великимъ княземъ всея Руси. Хотя въ опричнинѣ и были князья, но она была направлена противъ стараго боярства. Опричники разъѣзжали по государству и преслѣдовали бояръ, заподозрѣнныхъ въ измѣнѣ. Внѣшними знаками ихъ были метлы и собачьи головы. Это означало, что они выметаютъ измѣну изъ Руси и грызутъ враговъ царскихъ. Казни шли за казнями. Опричники грабили деревни опальныхъ бояръ и совершали насилія надъ ихъ родственниками.

Профессоръ Ключевскій, а за нимъ профессоръ Платоновъ обратили вниманіе на другую сторону дѣла: въ опричнину были взяты центральныя области государства, гдѣ главнымъ образомъ были сосредоточены вотчины крупныхъ бояръ, которыя представляли собою почти независимые міры. Владѣльцы ихъ пользовались большими судебными правами надъ населеніемъ, благодаря прежнимъ грамотамъ московскихъ государей. У нихъ даже были свои служилые люди. Теперь Іоаннъ свелъ этихъ бояръ на новыя мѣста, а ихъ землю отдалъ въ помѣстья опричникамъ. Такимъ образомъ, оторвавъ боярскіе роды отъ земли, царь обезсилилъ ихъ.

Нельзя не упомянуть, что наша церковь выставила достойнаго обличителя всѣхъ этихъ ужасовъ въ лицѣ митрополита Филиппа. Митрополитъ Макарій умеръ въ 1563 году

и въ послѣднее время своей жизни совершенно не вмѣшивался въ государственныя дѣла. Преемникъ его пробылъ митрополитомъ очень недолго и удалился на покой. Тогда государь остановился на игуменѣ Соловецкаго монастыря Филиппѣ, изъ рода бояръ Колычевыхъ. Какъ Соловецкій игуменъ, св. Филиппъ показалъ себя не только инокомъ святой жизни, но и искуснымъ администраторомъ. Онъ привлекалъ поселенцевъ на земли монастыря и заводилъ промысла; имъ была устроена сѣть каналовъ между многочисленными озерами на Соловецкомъ островѣ и заведены мельницы, соляныя варницы и другія хозяйственныя приспособленія, такъ что при немъ Соловецкій монастырь сдѣлался богатымъ культурнымъ и промышленнымъ центромъ сѣвернаго поморья. Если бы ему не суждена была болѣе громкая всероссійская дѣятельность, то и этой было бы достаточно, чтобы считать его выдающимся человѣкомъ своего времени.

Когда царь предложилъ ему санъ митрополита, Филиппъ сначала поставилъ государю условіемъ уничтоженіе опричнины, чѣмъ вызвалъ только гнѣвъ послѣдняго. Соборъ московскаго духовенства умолялъ Филиппа не вмѣшиваться въ государственныя дѣла; сначала Филиппъ согласился на это и принялъ санъ митрополита безъ всякихъ условій; однако насилія продолжались, и онъ, какъ пастырь церковный, не считалъ себя вправѣ молчать. Святитель съ амвона во всеуслышаніе обличалъ государя и окружающихъ его за всѣ ихъ темныя дѣла. За это онъ былъ низвергнутъ и отправленъ въ тверской Отрочъ монастырь, гдѣ его задушилъ главный изъ опричниковъ Малюта Скуратовъ, явившійся какъ будто просить благословенія государю (рис. 110). Церковь причислила мужественнаго митрополита къ лику святыхъ.

Цѣлый городъ Новгородъ подвергся разгрому по подозрѣнію въ измѣнѣ; та же участь ожидала и Псковъ, но, по сказанію, онъ былъ спасенъ юродивымъ св. Николаемъ, который сумѣлъ оказать вліяніе на государя. Минуты гнѣва смѣнялись у Іоанна минутами покаянія. Тогда онъ облекался съ опричниками въ черныя одежды, служилъ панихиды по убитымъ имъ и посылалъ синодики (поминанія) по монастырямъ. Отъ покаянія государь переходилъ къ новымъ казнямъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что теперь онъ былъ не далекъ отъ полнаго умственнаго разстройства.

Іоаннъ IV велъ борьбу съ боярствомъ не только при помощи опричнины. Сохранилась интересная полемическая переписка его съ княземъ Курбскимъ. Князю Курбскому принадлежатъ четыре

Рис. 110. Послѣднія минуты митрополита св. Филиппа. Картина академика Новоскольцева.

письма, а царю два. Они были писаны уже тогда, когда Курбскій находился въ Литвѣ. Въ нихъ и та и другая сторона высказалась вполнѣ. Іоаннъ текстами изъ священнаго писанія и историческими примѣрами доказывалъ, что власть царская должна быть

неограниченной, напротивъ Курбскій выставлялъ требованіе, что государь долженъ совѣтоваться обо всемъ съ боярами. Ту же мысль онъ проводитъ въ своей „Исторіи князя великаго Московскаго о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима“, которая была имъ впослѣдствіи написана (его записки). Іоанну нельзя отказать въ литературныхъ способностяхъ, каковы: сильный образный языкъ, остроуміе, умѣніе подмѣтить слабую сторону противника. Но въ то же время мы видимъ въ немъ начетчика, который не умѣлъ послѣдовательно излагать свои мысли, и загромождалъ свои произведенія массой выписокъ изъ разныхъ книгъ, часто совсѣмъ некстати, и, по выраженію того же Курбскаго, „хваталъ съ великою яростью и лютостью отъ многихъ словесъ священныхъ“... Напротивъ, ученикъ Максима Грека князь Андрей Курбскій владѣлъ хорошимъ литературнымъ стилемъ и умѣлъ послѣдовательно развивать свои положенія. Древняя философія и литература не были ему чужды. Идея опричнины нашла себѣ выразителя въ загадочномъ писателѣ —Ивашкѣ Пересвѣтовѣ; о немъ мы имѣемъ только крайне сбивчивыя свѣдѣнія, которыя онъ самъ сообщаетъ въ своихъ сочиненіяхъ. Его „Епистола къ Іоанну IV“ представляетъ собою интересную защиту всѣхъ мѣръ государя. Авторъ былъ, вѣроятно, опричникомъ.

Въ то время, какъ наши дѣла шли такъ дурно на западѣ, на востокѣ послѣдовали новыя присоединенія,—была покорена Сибирь. Уже Новгородскія владѣнія зашли за самый Каменный Поясъ, какъ въ старину назывался Уралъ (Югра). На перепутьѣ изъ Москвы въ Юргу, въ Пермской землѣ, еще во времена независимости Новгорода, поселился родъ Строгановыхъ, происходившихъ изъ этого вольнаго города. Это были типичные представители русской колонизаціи. На новыхъ мѣстахъ они заводили промысла, привлекали поселенцевъ, охотились за дикимъ звѣремъ, добывали соль, которая впослѣдствіи сдѣлалась главнымъ источникомъ ихъ огромныхъ богатствъ; они были долгое время единственными поставщиками соли въ казну. Строгановы много содѣйствовали распространенію культуры въ краѣ [1]). Московскіе великіе князья къ нимъ благоволили. Они дали имъ право вести безпошлинную торговлю съ Азіей, строить города и даже имѣть войско для защиты отъ инородцевъ.

Въ послѣднемъ случаѣ на помощь Строгановымъ явилось казачество — также самобытное явленіе нашей колонизаціи.

[1]) У нихъ образовалась особая иконописная школа, извѣстная подъ именемъ Строгановской.

Происхожденіе этого слова не вполнѣ ясно; во всякомъ случаѣ донское казачество развилось въ первой половинѣ XV столѣтія, когда усилилось Московское государство [1]). Новыя государственныя потребности вызывали тяжелыя повинности для населенія. Поэтому въ Московскомъ государствѣ было много недовольныхъ; они уходили въ широкія степи, на вольный Донъ и здѣсь образовали особое воинственное общество, извѣстное подъ именемъ казачества. Казаки всѣ дѣла рѣшали на собраніяхъ, называвшихся кругами и напоминавшихъ наше старинное вѣче. На этихъ кругахъ они выбирали и своихъ начальниковъ (атамановъ), которые приводили въ исполненіе рѣшенія казачества. Казаки то воевали съ татарами, господствовавшими на Черномъ морѣ, то занимались простыми грабежами на Волгѣ, чѣмъ навлекали на себя неудовольствіе московскаго правительства. Въ числѣ разбойничавшихъ на Волгѣ казаковъ былъ и будущій завоеватель Сибири Ермакъ Тимофеевичъ [2]). Спасаясь отъ московскихъ воеводъ, онъ со своими товарищами поступилъ на службу къ Строгановымъ. Въ 1581 году Строгановы снарядили экспедицію за Каменный Поясъ, во главѣ которой стоялъ Ермакъ. Въ нынѣшней западной Сибири въ то время находилось царство сибирскихъ татаръ, и ханомъ у нихъ былъ Кучумъ. Преимущество казаковъ передъ татарами заключалось въ огнестрѣльномъ оружіи. Въ этомъ отношеніи походъ Ермака напоминаетъ походы испанскихъ искателей приключеній, покорившихъ огромныя земли въ Новомъ Свѣтѣ. Ермакъ разбилъ войско Кучума и овладѣлъ многими татарскими городами, въ томъ числѣ и столицей хана (Сибирь или Искеръ). Послѣ этого онъ отправилъ къ государю атамана Кольцо „бить челомъ землями“. Царь Іоаннъ IV былъ очень радъ удачѣ, простилъ казакамъ ихъ прежніе разбои, снабдилъ ихъ всѣмъ нужнымъ и послалъ къ нимъ на помощь своихъ воеводъ. Царская помощь уже не застала въ живыхъ Ермака,—онъ утонулъ въ рѣкѣ Иртышѣ во время одного ночного нападенія татаръ (1584 г.) [3]). Однако дѣло его не

---

[1]) Старшинство такъ называемаго Войска Донского считается съ 1570 года, къ которому относится грамота Іоанна Грознаго къ донскимъ казакамъ о томъ, чтобы они оказали содѣйствіе царскому послу, отправленному къ туркамъ въ Азовъ, за что казакамъ обѣщалась царская милость.

[2]) Вѣроятно, это было его прозвище, такъ какъ такого христіанскаго имени нѣтъ. Одна лѣтопись называетъ его Василіемъ.

[3]) Ермакъ сдѣлался любимымъ героемъ народныхъ пѣсенъ.

погибло. Уже при преемникѣ Іоанна была окончательно покорена западная Сибирь, и въ продолженіе XVII вѣка русскіе дошли до самаго Восточнаго океана. За вооруженными отрядами шли мирные промышленники и поселенцы, которые положили здѣсь начало русской культурѣ.

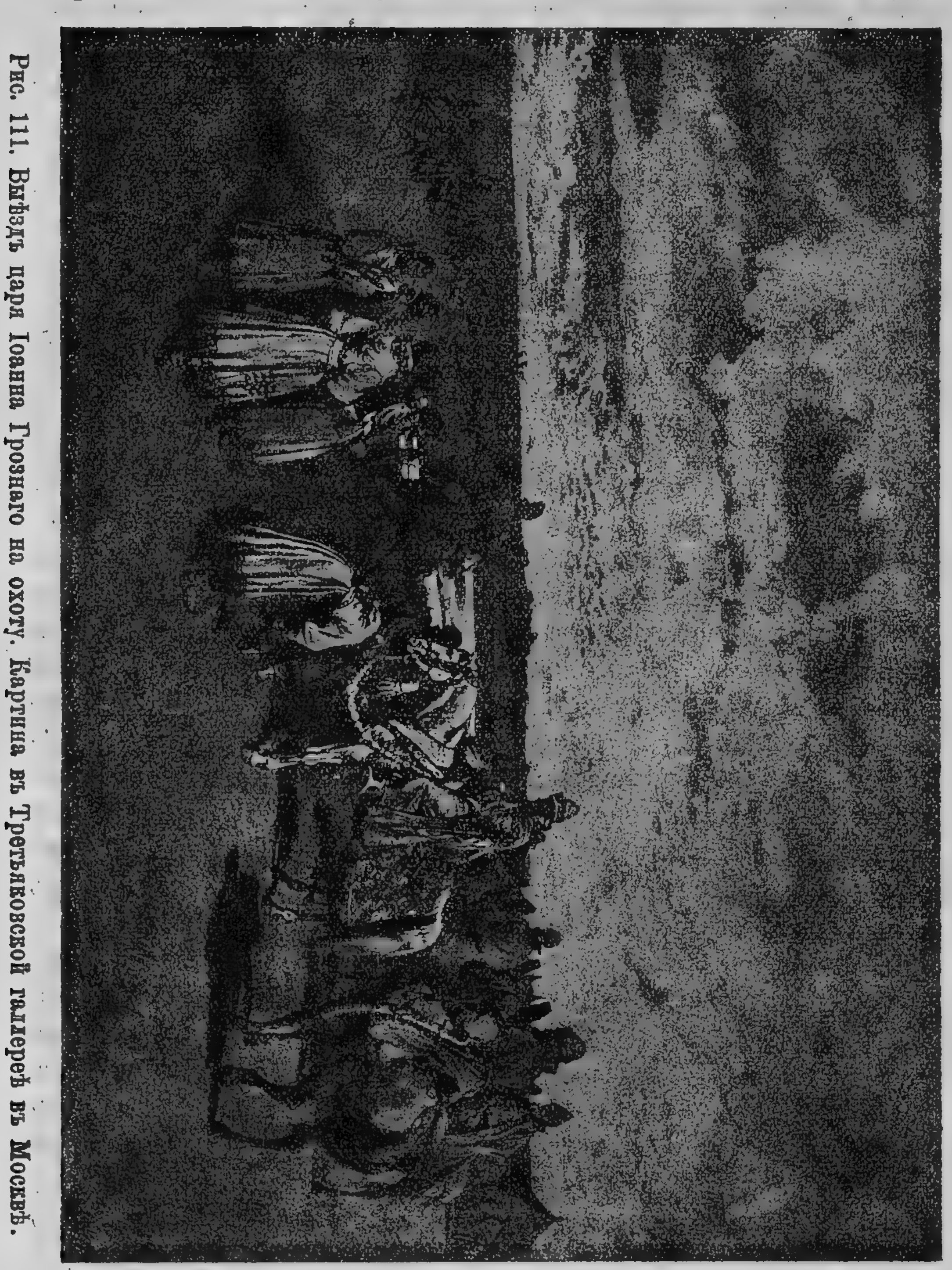

Рис. 111. Выѣздъ царя Іоанна Грознаго на охоту. Картина въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ.

За свой характеръ царь Іоаннъ Васильевичъ получилъ названіе Грознаго. Въ послѣднее время его царствованія никто даже изъ его близкихъ не могъ быть покоенъ за свою жизнь. Въ тяжелую минуту онъ ударомъ посоха по головѣ убилъ своего наслѣдника—старшаго сына Іоанна. Царь опомнился; сдѣлалъ все, чтобы его спасти, но было уже поздно. Ужасная жизнь сломила наконецъ сильную натуру Грознаго царя,—онъ умеръ въ 1584 году, оставивъ двухъ сыновей: малоспособнаго къ управленію государствомъ Θеодора и малолѣтняго Дмитрія.

Грозный былъ несомнѣнно, богато одаренной натурой; современники называли его „словесной мудрости риторомъ"; однако неблагопріятныя условія времени нарушили его душевное равновѣсіе и сдѣлали изъ него жестокаго тирана. Его яркій образъ произвелъ сильное впечатлѣніе на народную фантазію. Въ народныхъ пѣсняхъ много говорится объ его дѣлахъ, какъ о славныхъ (покореніе Казани), такъ и о жестокихъ. По народнымъ пѣснямъ, его наставляетъ на все дурное Малюта Скуратовъ, который, на самомъ дѣлѣ, являлся только исполнителемъ жестокихъ повелѣній царя. Напротивъ, добрый геній царя, его шуринъ бояринъ Никита Романовичъ всячески противодѣйствуетъ навѣтамъ Малюты.

§ 16. Царь Θеодоръ Іоанновичъ и бояринъ Борисъ Годуновъ. Учрежденіе патріаршества. Указы о крестьянахъ и кабальныхъ холопахъ. Смерть царевича Дмитрія. Прекращеніе династіи. Борьба за престолъ и земскій соборъ. Царь Борисъ. Появленіе самозванца и его торжество.

Зная неспособность своего сына (рис. 112) къ управленію государствомъ, Іоаннъ Грозный подчинилъ его опекѣ изъ нѣсколькихъ бояръ; въ составъ этого регентства вошли между прочимъ родоначальникъ Романовыхъ, родной дядя государя Никита Романовичъ Захарьинъ-Юрьевъ, Иванъ Петровичъ Шуйскій, доблестный защитникъ Пскова, и Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ. Годуновъ возвысился въ послѣдніе годы жизни Грознаго. Онъ происходилъ изъ старинной московской боярской фамиліи. Предокъ его мурза Четъ выѣхалъ изъ Золотой орды еще при князѣ Іоаннѣ Калитѣ, поступилъ въ его службу и принялъ православіе. Поэтому совершенно неосновательно называютъ иногда Бориса Годунова татариномъ. Если брать отдаленное происхожденіе, то во многихъ другихъ знатныхъ московскихъ боярахъ текла татарская кровь.

Борисъ Годуновъ отличался большимъ умомъ и государственными способностями, хотя, даже въ то время, современники отмѣчали у него недостатокъ образованія; въ этомъ отношеніи

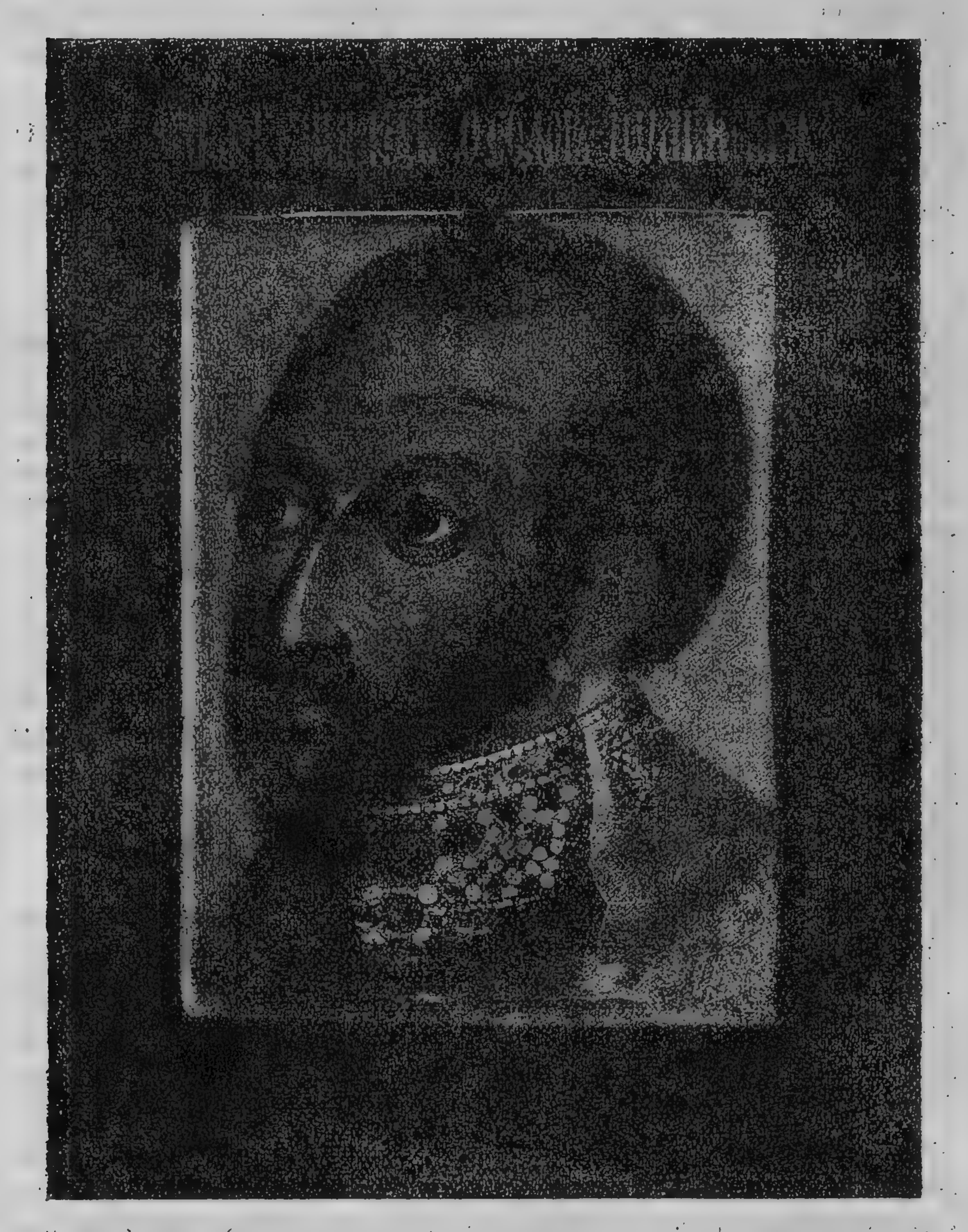

Рис. 112. Иконописное изображеніе царя Θеодора Іоанновича XVII в. Находится въ Россійскомъ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ.

они противопоставляли его Іоанну Грозному, который, по ихъ словамъ, былъ „словесной мудрости риторомъ". Другой отрицательной чертой Бориса была неразборчивость въ средствахъ

и склонность къ интригамъ. Борисъ Годуновъ возвысился въ самыя печальныя времена царствованія Грознаго. Онъ поддерживалъ хорошія отношенія съ любимцами царя—опричниками и даже женился на дочери Малюты Скуратова; однако въ то же время онъ самъ не былъ записанъ въ опричнину и не принималъ участія въ кровопролитіяхъ. Земскіе бояре ничего не могли имѣть противъ него. Новое поприще открылось для него при Θеодорѣ, который былъ женатъ на его сестрѣ Иринѣ. Онъ получилъ знатный чинъ конюшаго, званіе ближняго великаго боярина и намѣстника царствъ Казанскаго и Астраханскаго. Благодаря проискамъ Годунова сошли со сцены одинъ за другимъ члены регентства (Никита Романовичъ въ это время уже умеръ). Шуйскіе, Мстиславскіе и другія боярскія фамиліи рѣшили всѣми силами добиваться удаленія Годунова. Къ нимъ примкнули московскіе купцы, среди которыхъ Шуйскіе были популярны; Бориса торговые люди не любили за покровительство, которое онъ оказывалъ англійскимъ купцамъ. На ихъ сторонѣ былъ и тогдашній митрополитъ московскій — Діонисій. Во главѣ этой партіи стоялъ князь Иванъ Петровичъ Шуйскій. Узнавъ о враждѣ, раздѣлявшей бояръ, царь Θеодоръ самъ явился посредникомъ между ними и убѣдилъ ихъ помириться. Шуйскіе принуждены были помириться съ своимъ противникомъ. Когда послѣ этого они выходили изъ царскихъ палатъ и примиреніе сдѣлалось извѣстнымъ купцамъ, то послѣдніе кричали имъ: „вы помирились нашими головами". Дѣйствительно, по распоряженію Годунова, были схвачены главнѣйшіе изъ московскихъ купцовъ. Шуйскіе не могли ничего сдѣлать для спасенія своихъ союзниковъ и тѣ были казнены. Тогда боярская партія съ митрополитомъ во главѣ рѣшилась на крайнее средство—подала государю челобитную; въ ней, ссылаясь на примѣръ его дѣда Василія III, они просили Θеодора развестись съ супругой, такъ какъ отъ нея у него не было дѣтей, и взять себѣ другую. Подавшіе челобитную справедливо разсчитывали, что такимъ образомъ будетъ нанесенъ сильный ударъ вліянію Годунова. Однако государь, очень любившій свою супругу, пришелъ въ негодованіе отъ этого. Шуйскіе, въ томъ числѣ и Иванъ Петровичъ, подверглись опалѣ и были отправлены въ ссылку. Въ ссылкѣ защитникъ Пскова вскорѣ скончался. Митрополитъ Діонисій былъ низвергнутъ, а на его мѣсто былъ

поставленъ игуменъ Чудовскаго монастыря Іовъ другъ семьи Годуновыхъ.

Борисъ Годуновъ добился для русской церкви полной независимости отъ восточныхъ патріарховъ: она получила своего патріарха. Къ этому давно стремилась Московская Русь. Идея патріаршества была тѣсно связана съ теоріей третьяго Рима. Римъ не могъ быть безъ царя и патріарха; царь былъ,—нуженъ былъ теперь патріархъ. Восточные патріархи подъ властью турокъ сильно нуждались въ матеріальныхъ средствахъ. Поэтому они часто обращались въ Москву за милостыней и, пользуясь этимъ, московское правительство рѣшило поднять вопросъ о патріаршествѣ. Въ 1586 году пріѣхалъ къ намъ Антіохійскій митрополитъ Іоакимъ. Борисъ Годуновъ самъ былъ у него и лично говорилъ съ нимъ объ этомъ дѣлѣ. Іоакимъ согласился съ тѣмъ, что въ Россійскомъ государствѣ „пригоже" быть патріарху, и обѣщалъ похлопотать объ этомъ передъ другими патріархами. Однако, получивъ богатую милостыню, онъ уѣхалъ въ свою землю, и два года дѣло не подвигалось. Поэтому московское правительство рѣшило дѣйствовать энергичнѣе. Когда прибылъ въ Москву самъ Константинопольскій патріархъ Іеремія II, у котораго патріаршая казна была передъ этимъ разграблена турками, рѣшено было не давать ему милостыни, пока онъ не согласится на постановленіе въ Москвѣ патріарха. Онъ сначала отказалъ, но затѣмъ предложилъ себя; московское правительство ухватилось за это: какъ русскому патріарху, Іереміи предложили мѣстомъ пребыванія г. Владиміръ, на томъ основаніи, что въ Москвѣ былъ уже митрополитъ, котораго было „неудобно изгнать". Удалиться въ этотъ незнакомый городъ совершенно не улыбалось греческому іерарху. Поэтому послѣ долгихъ переговоровъ онъ согласился поставить въ патріархи того, кого изберетъ московское духовенство. Послѣднее, съ участіемъ самого Іереміи, избрало трехъ кандидатовъ на новый высокій санъ. Среди нихъ первое мѣсто, естественно, занималъ Іовъ, который и былъ поставленъ первымъ патріархомъ всея Руси. Такимъ образомъ первосвятитель московской церкви былъ приравненъ къ тѣмъ, отъ кого его предшественники зависѣли (1589 г.).

Заслуживаетъ особеннаго вниманія вопросъ о возникновеніи крѣпостного права, учрежденіе котораго долгое время приписы-

валось Борису Годунову[1]). Вслѣдъ за однимъ изъ первыхъ нашихъ историковъ В. К. Татищевымъ долгое время думали, будто бы онъ въ 1792 г. запретилъ крестьянамъ (рис. 113) переходъ отъ помѣщика къ помѣщику и такимъ образомъ прикрѣпилъ ихъ къ землѣ. Теперь это мнѣніе можетъ считаться оставленнымъ. Хотя второй Судебникъ и сохранилъ постановленіе относительно Юрьева дня, но на самомъ дѣлѣ свободный крестьянскій переходъ въ большинствѣ случаевъ сдѣлался невозможнымъ, вслѣдствіе поголовнаго задолжанія крестьянъ помѣщикамъ (память объ этомъ сохранилась въ пословицѣ: „вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день"). Вслѣдствіе этого, задолжавшій крестьянинъ могъ оставить землевладѣльца только двумя способами: или онъ бѣжалъ отъ него, или же другой

Рис. 113. Изображеніе русскихъ крестьянъ, сдѣланное иностраннымъ путешественникомъ въ первой половинѣ XVII в.

помѣщикъ уплачивалъ за него долгъ и переводилъ его на свою землю. Во второмъ случаѣ крестьянинъ попадалъ еще въ большую зависимость отъ владѣльца земли. Съ другой стороны отдѣльные рѣдкіе примѣры перехода крестьянъ встрѣчались еще и въ XVII вѣкѣ. Съ половины XVI вѣка до насъ дошло значительное число такъ называемыхъ „порядныхъ". Порядными назывались договорныя грамоты между помѣщиками и крестья-

[1]) См. статью В. О. Ключевскаго „Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи", гдѣ этотъ вопросъ разсматривается подробно. До Ключевскаго историкъ М. П. Погодинъ первый высказался противъ взгляда на Годунова, какъ основателя крѣпостного права („Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права"). Ему возражалъ историкъ Н. И. Костомаровъ, но неудачно.

нами, въ которыхъ подробно опредѣлялись повинности послѣднихъ. Изъ нихъ видно, какъ тяжело было положенiе земледѣльцевъ на помѣщичьихъ земляхъ, вслѣдствiе чего побѣги ихъ должны были умножиться. Поэтому правительство Өеодора издало въ 1597 году указъ, которымъ устанавливался для бѣглыхъ пятилѣтнiй срокъ, въ продолженiе котораго они могли быть возвращены на прежнiя мѣста. Что касается до перехода крестьянъ съ земли на землю, то въ этомъ отношенiи были приняты мѣры уже въ царствованiе Бориса Годунова. Само собою разумѣется, что богатый бояринъ-вотчинникъ имѣлъ больше возможности свозить крестьянъ съ чужой земли на свою, нежели мелкiй служилый человѣкъ, жившiй помѣстьемъ, даннымъ ему государствомъ для того, чтобы онъ могъ нести службу. Вслѣдствiе этого мелкiя помѣстья все болѣе и болѣе разорялись, и было необходимо принять мѣры къ защитѣ ихъ. Поэтому Борисъ, уже будучи царемъ, издалъ въ 1601 году указъ, которымъ разрѣшалось мелкимъ помѣщикамъ „возить и отказывать“ крестьянъ промежъ себя; крупнымъ землевладѣльцамъ это было воспрещено. Этотъ указъ былъ повторенъ въ слѣдующемъ году съ запрещенiемъ мѣшать силой законному переводу крестьянъ. Такимъ образомъ у насъ стало устанавливаться крѣпостное право. Оно возникло тогда, когда Московское государство уже сложилось. Въ этомъ заключалось важное отличiе нашего крѣпостного права отъ „серважа“, существовавшаго на западѣ Европы въ среднiе вѣка, когда государство тамъ еще находилось въ зачаточномъ состоянiи. Русскiй крестьянинъ несъ повинности на пользу государства — платилъ ему подать съ своей земли, а потому государство было заинтересовано въ сохраненiи его. Это уже полагало у насъ извѣстные предѣлы власти помѣщика надъ крестьяниномъ[1]). Къ тому же крестьяне первоначально были привязаны къ землѣ, а не къ личности своего владѣльца.

Кромѣ закрѣпощенiя крестьянъ нужно отмѣтить въ это время ростъ новаго несвободнаго класса общества, называемаго кабальнымъ холопствомъ. Холопы въ Московскомъ государствѣ были двухъ родовъ: полные и кабальные. Полное холопство мы уже знаемъ, какъ старинное русское учрежденiе; такiе холопы наслѣдственно принадлежали своему

---

[1]) Феодальный баронъ говорилъ о своемъ сервѣ: „онъ мой, и я могу его зажарить и съѣсть“.

хозяину, но съ половины XV столѣтія ихъ все болѣе и болѣе вытѣсняютъ кабальные. О кабальномъ холопствѣ упоминается впервые въ судебникѣ 1550 года. Такой холопъ служилъ опредѣленное время за взятыя взаймы деньги, обыкновенно пожизненно. Отношенія между нимъ и хозяиномъ опредѣлялись особымъ документомъ, который назывался служилой кабалой. Такъ какъ въ Московскомъ государствѣ, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ и необузданнаго произвола опричнины, собственность была мало обезпечена, то получить деньги взаймы можно было только за очень большіе проценты, и кабальное холопство должно было неизбѣжно расти. Какъ полные холопы, такъ и кабальные не несли повинностей въ пользу государства, а потому послѣднее начало, естественно, принимать мѣры къ тому, чтобы это явленіе не развивалось. Первыя мѣры въ этомъ отношеніи принялъ тотъ же Борисъ Годуновъ. По указу 1586 г. служилыя кабалы должны были писаться подъ контролемъ правительственныхъ учрежденій и записываться въ особыя книги. Указъ 1597 года опредѣлилъ, что послѣ смерти господина кабальный холопъ становится свободнымъ и безъ уплаты долга. Кромѣ холоповъ, все остальное общество въ Московскомъ государствѣ было закрѣпощено ему: оно несло въ его пользу ту или другую службу (бояре, дворяне, дѣти боярскіе и т. д.) или, какъ тогда говорили, было положено въ тягло, то-есть должно было платить подати (торговые люди и крестьяне). Поэтому все населеніе дѣлилось на людей служилыхъ и людей тяглыхъ. Такъ какъ нужды государства росли, то оно было очень требовательно какъ къ службѣ, такъ и къ взысканію податей, и вслѣдствіе этого жизнь населенія становилась все тяжелѣе.

Бездѣтному Өеодору долженъ былъ наслѣдовать братъ его Дмитрій, который со своей матерью царицей Маріей[1]) и ея родственниками — Нагими жилъ въ г. Угличѣ (рис. 114). Городъ Угличъ былъ данъ ему въ удѣлъ. Само собою разумѣется, что семья царевича не могла быть расположена къ Борису, явно стремившемуся захватить въ свои руки верховную власть. Съ другой стороны, Борисъ долженъ былъ опасаться потери своего вліянія при новомъ царѣ. Такъ какъ онъ старался проводить на всѣ должности своихъ сторонниковъ,

---

[1]) Іоаннъ Грозный, вопреки церковнымъ правиламъ, былъ женатъ семь разъ. Послѣдняя супруга его Марія происходила изъ рода Нагихъ.

то и послѣдніе были заинтересованы въ томъ, чтобы Дмитрій не царствовалъ. Въ 1591 году пришла въ Москву ужасная вѣсть, что царевичъ убитъ. На мѣсто была послана для разслѣдованія комиссія, во главѣ которой стоялъ князь Василій Шуйскій, уцѣлѣвшій отъ опалы, благодаря своему угодничеству передъ Борисомъ. Эта комиссія вела дѣло, несомнѣнно, пристрастно и старалась представить его въ желательномъ для правителя свѣтѣ. Она пришла къ такому заключенію: царевичъ самъ закололся, вслѣдствіе припадка падучей, во время игры съ товарищами въ „тычку“ (игра, состоявшая въ томъ,

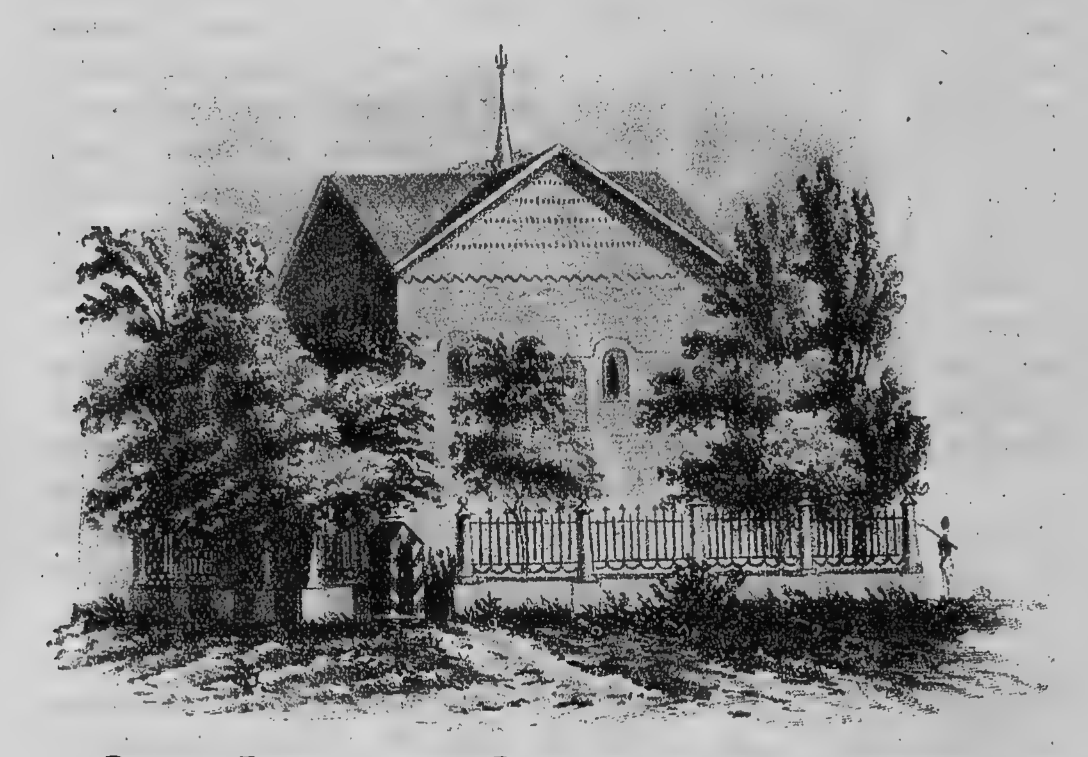

Рис. 114. Дворецъ царевича Дмитрія въ Угличѣ, до ресторации. Съ рисунка прошлаго столѣтія.

что нужно было попасть въ начертанный на землѣ кругъ ножомъ); царица и Нагіе побудили жителей города къ убійству ни въ чемъ неповинныхъ людей, которыхъ они заподозрили въ убійствѣ царевича. Въ томъ числѣ былъ убитъ и дьякъ Битяговскій, приставленный къ Углицкому двору Годуновымъ. Всѣ обвиненные въ самосудѣ подверглись наказанію, въ томъ числѣ царица была пострижена въ монахини[1]). Позже по-

[1]) Что слѣдственное дѣло не заслуживаетъ довѣрія, достаточно доказано С. М. Соловьевымъ („Исторія Россіи“, т. VI, гл. 5).

явился лѣтописный разсказъ, который во всемъ обвиняетъ Бориса. Однако и этотъ разсказъ не заслуживаетъ довѣрія, такъ какъ заключаетъ въ себѣ много несообразностей. Въ этомъ источникѣ событіе излагается такъ: Борисъ Годуновъ пытался отравить царевича, но ядъ не подѣйствовалъ (непонятно почему). Тогда онъ подослалъ трехъ своихъ клевретовъ: Битяговскаго, Качалова и Волохова совершить ужасное злодѣяніе. Однажды царевичъ игралъ на дворѣ: къ нему подошли убійцы, и Волоховъ спросилъ его: „У тебя, государь, новое ожерелье?". — „Нѣтъ, старое", отвѣчалъ царевичъ и поднялъ голову. Въ это время одинъ изъ убійцъ полоснулъ его по горлу ножомъ. Царевичъ упалъ.... Находившаяся на дворѣ бывшая кормилица царевича пыталась прикрыть собою своего питомца, но злодѣи избили ее до полусмерти и дорѣзали свою жертву. Упоминаемый въ разсказѣ Волоховъ, дѣйствительно, палъ жертвой ужаснаго подозрѣнія, но онъ во время убійства даже не былъ въ городѣ. Такимъ образомъ оба главныхъ источника объ этомъ событіи не заслуживаютъ довѣрія. Это темное дѣло принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ событіямъ, о которыхъ истина никому не извѣстна, кромѣ Бога, и о которыхъ историки могутъ только строить предположенія[1]).

Царь Ѳеодоръ скончался 7 января 1598 года. Съ нимъ прекратилась династія Рюрика на московскомъ престолѣ.

Послѣ смерти Ѳеодора самыми близкими людьми къ угасшей династіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе сильными претендентами на московскій престолъ были сынъ Никиты Романовича Юрьева — Ѳеодоръ Никитичъ, получившій фамилію Романова, и Борисъ Годуновъ. Романовъ былъ популяренъ, какъ и его отецъ, среди простого народа; что касается Бориса Годунова, то онъ успѣлъ вывести на всѣ видныя мѣста въ государствѣ своихъ сторонниковъ и теперь надѣялся опереться на нихъ. Были еще кандидаты, но менѣе значительные, какъ, напримѣръ, „царь московскій" Симеонъ Бекбулатовичъ. Въ Москвѣ былъ созванъ земскій соборъ для избранія царя. Этотъ соборъ нѣкоторые изслѣдователи считали незаконно созваннымъ; однако онъ по составу ничѣмъ не отличался отъ предшествующаго — 1566 года и поэтому не приходится поднимать во-

[1]) Объ убіеніи царевича говорятъ многія записки, но всѣ онѣ отличаются сбивчивостью и противорѣчатъ другъ другу.

проса ни объ его законности, ни объ его компетентности [1]). Однако, несомнѣнно, друзья Бориса, особенно патріархъ, вели самую дѣятельную агитацію въ его пользу среди общества, что не могло не отозваться и на настроеніи земскаго собора. Борисъ былъ выбранъ на престолъ (1 августа 1598 г.), но долго отказывался отъ него. Онъ заперся въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ приняла монашество его сестра, и рѣшительно высказывалъ желаніе уйти отъ міра. Сюда явились патріархъ, духовенство и бояре; сюда стеклись съ разныхъ сторонъ многочисленныя толпы народа, который плакалъ и умолялъ правителя смилостивиться надъ государствомъ и принять вѣнецъ. По словамъ современника, многіе мазали себѣ глаза лукомъ для того, чтобы казаться плачущими. Борисъ оставался непреклоненъ и уступилъ только тогда, когда патріархъ сталъ угрожать ему отлученіемъ отъ церкви, если онъ не послушаетъ голоса „земли". Цѣль поведенія Годунова становится понятной, если мы примемъ во вниманіе послѣдующія попытки бояръ ограничить царскую власть, о которыхъ намъ придется говорить. 1-го сентября въ Новый Годъ, по прежнему счисленію, состоялось вѣнчаніе новаго государя. Во время этого торжества онъ, тряся воротъ своей рубашки, торжественно обѣщалъ: „и эту послѣднюю рубашку раздѣлю со всѣми".

Борисъ Годуновъ сдѣлалъ много для поднятія промышленности и торговли, сильно упавшихъ въ царствованіе Грознаго. Ему удалось вернуть города Ямъ, Иванъ-Городъ и Копорье, временно взятые шведами послѣ Ливонской войны. Подобно своимъ предшественникамъ, Борисъ всячески старался привлекать на русскую службу иностранцевъ. Онъ разрѣшилъ имъ даже имѣть свои церкви въ такъ называемой Нѣмецкой слободѣ подъ Москвой (слово нѣмецъ въ старину обозначало каждаго иностранца). При немъ шло быстро заселеніе литовской степной окраины (такъ называемой: „Преждепогибшей Украйны", гдѣ былъ построенъ городъ Цареборисовъ). Колонизація Сибири также дѣлала успѣхи: въ ней былъ построенъ городъ Томскъ.

Какой это былъ передовой человѣкъ, лучше всего показываютъ его планы, которымъ не суждено было осуществиться.

[1]) См. ст. Ключевскаго о земскихъ соборахъ, цитированную выше.

Такъ онъ хотѣлъ основать у насъ университеты, несмотря на противодѣйствіе духовенства, которое боялось, что это будетъ вредно для вѣры. Царь Борисъ даже отправилъ учиться за границу 18 молодыхъ людей, но изъ нихъ никто не вернулся въ отечество. Затѣмъ этотъ государь хотѣлъ опредѣлить закономъ повинности, которыя долженъ былъ нести крестьянинъ въ пользу помѣщика; этого такъ и не было сдѣлано вплоть до паденія крѣпостного права.

Однако царствованіе Бориса съ самаго начала было несчастно. Государство постигъ страшный голодъ и заразныя болѣзни, какъ послѣдствіе этого несчастья (холера). Пользуясь этимъ бѣдствіемъ, богатые массами обращали бѣдныхъ въ холопство. Борисъ дѣлалъ все, чтобы облегчить положеніе бѣднаго народа, но въ обществѣ шли смутные толки о томъ, что это Божіе наказаніе за убіеніе царевича Дмитрія. Вообще при всѣхъ своихъ заслугахъ новый царь не могъ внушить къ себѣ довѣрія широкимъ слоямъ общества. Послѣднее во всѣхъ его поступкахъ искало дурныхъ побужденій и подозрѣвало его въ томъ, въ чемъ онъ никакъ не могъ быть виноватъ. Такъ Борисъ Годуновъ рѣшилъ выдать свою дочь Ксенію замужъ за иностраннаго принца; съ этой цѣлью пріѣхалъ въ Россію братъ датскаго короля Христіана—Іоаннъ, который выразилъ желаніе породниться съ царемъ и сдѣлаться русскимъ удѣльнымъ княземъ. Онъ былъ отлично принятъ своимъ будущимъ тестемъ и шуриномъ—сыномъ царя Бориса—Ѳеодоромъ и быстро пріобрѣлъ расположеніе русскаго общества. Царицѣ и царевнѣ его не представили, такъ какъ это было не въ русскихъ правилахъ. Но вдругъ у принца сдѣлалась горячка, отъ которой онъ и умеръ, не смотря на всѣ старанія иностранныхъ врачей. Царь и вся его семья были въ отчаяніи. Тѣмъ не менѣе въ народѣ говорили, что Борисъ самъ извелъ королевича, завидуя любви, которую тотъ пріобрѣлъ, и боясь, что тотъ можетъ захватить престолъ, помимо Ѳеодора. Такіе толки доходили до Бориса и сдѣлали его подозрительнымъ, особенно къ боярамъ. Родственникъ его Семенъ Годуновъ сталъ играть при немъ почти такую же роль, какъ Малюта Скуратовъ при Іоаннѣ Грозномъ. У него всюду были шпіоны, которые доносили государю о тайныхъ разговорахъ бояръ между собою. Жертвой подозрительности Бориса, въ числѣ другихъ бояръ, сдѣлался

Өеодоръ Никитичъ Романовъ съ братьями. Всѣ они были отправлены въ разныя мѣста въ ссылку подъ крѣпкій надзоръ. Өеодора разлучили съ его женой и обоихъ ихъ постригли въ монашество. Молодой блестящій бояринъ, привыкшій къ пирамъ и охотѣ, былъ заточенъ въ отдаленный монастырь. Нечего удивляться поэтому, что „старецъ Филаретъ", какъ онъ сталъ именоваться, не могъ строго соблюдать монастырскаго устава, на что постоянно жаловались состоявшіе при немъ пристава. Жена его Ксенія Ивановна была пострижена въ монахини подъ именемъ Марөы. У нихъ былъ пятилѣтній сынъ Михаилъ—будущій основатель новой династіи.

Вдругъ изъ Литвы дошелъ слухъ, что тамъ явился неизвѣстный человѣкъ, называющій себя царевичемъ Дмитріемъ. Онъ былъ слугою у одного изъ польско-русскихъ магнатовъ князя Вишневецкаго, которому и нашелъ случай открыть свое мнимое происхожденіе, и убѣдилъ своего господина въ немъ.

Вишневецкій съ восторгомъ ухватился за самозванца. Послѣдній переѣзжалъ отъ одного польскаго магната къ другому, встрѣчая всюду восторженный пріемъ. Онъ былъ помолвленъ съ дочерью одного изъ нихъ — Сандомирскаго воеводы Юрія Мнишка — Мариной, но свадьба была отложена до того времени, какъ Господь поможетъ царевичу вернуть отцовскій престолъ. Мнимаго царевича представили польскому королю Сигизмунду III, который принялъ большое участіе въ немъ; онъ видѣлъ въ этомъ удобный случай вмѣшаться въ дѣла Московскаго государства и вернуть утраченныя Литовско-Русскимъ государствомъ области. Точно также ухватились за самозванца папскій нунцій и іезуиты, которые надѣялись при помощи будущаго царя обратить Московію въ унію. Самозванецъ не скупился на обѣщанія, чтобы только заручиться иноземной помощью. Не увлекся имъ только старый сподвижникъ Стефана Баторія канцлеръ и коронный гетманъ (военачальникъ) Янъ Замойскій, какъ ни заискивалъ передъ нимъ мнимый царевичъ. Сигизмундъ происходилъ изъ шведской династіи Ваза [1]) и былъ обязанъ польскимъ престоломъ въ значительной степени Замойскому, однако у нихъ были дурныя отношенія. На сеймѣ Замойскій сказалъ громовую рѣчь противъ намѣренія короля оказать помощь мнимому московскому

---

[1]) Онъ происходилъ отъ Ягеллоновъ по женской линіи.

царевичу, вслѣдствіе чего со стороны сейма послѣдовалъ отказъ въ помощи. Однако король назначилъ самозванцу пенсію и разрѣшилъ собирать добровольцевъ. Къ нему потянулись со всѣхъ сторонъ польскіе паны и московскіе бѣглецы, недовольные Борисомъ, пришли и казаки съ „тихаго Дона“. Казаки были раздражены тѣмъ, что Борисъ хотѣлъ подчинить ихъ московскому правительству. Къ тому же на „Преждепогибшей Украйнѣ“ было много бѣглыхъ преступниковъ, которыхъ московское правительство запретило возвращать оттуда, въ цѣляхъ заселенія этой области. Они также шли охотно къ самозванцу. Такимъ образомъ у него образовалось значительное войско.

Когда слухи о самозванцѣ проникли въ Москву, то правительство и патріархъ объявили, что это никто иной, какъ бѣглый монахъ „разстрига“ Григорій изъ рода галицкихъ дѣтей боярскихъ Отрепьевыхъ, проживавшій холопомъ у Романовыхъ; будто бы онъ хвасталъ, что будетъ царемъ на Москвѣ. Отрепьева всенародно предали анаѳемѣ, но въ народѣ не вѣрили правительству. Самозванцу сдались нѣсколько городовъ на литовской окрайнѣ. Однако онъ потерпѣлъ затѣмъ сильное пораженіе отъ московскихъ войскъ въ сраженіи при Добрыничахъ. Но московскіе воеводы не воспользовались этой побѣдой, такъ какъ, вѣроятно, и у нихъ закрадывалось уже сомнѣніе, не воюютъ ли они противъ законнаго государя. Въ разгаръ войны царь Борисъ умеръ, и ему наслѣдовалъ сынъ его Ѳеодоръ (1605 г.), получившій, благодаря заботамъ отца, прекрасное для того времени образованіе. Положеніе молодого царя было самое критическое. Войско его внезапно перешло на сторону самозванца (главный воевода Басмановъ приказалъ притворно связать себя и выдать самозванцу). Въ Москву дошли грамоты мнимаго Дмитрія. Народъ заволновался и обратился къ Василію Шуйскому съ вопросомъ, дѣйствительно ли убитъ Дмитрій. Двоедушный и коварный Шуйскій отвѣчалъ, что царевичъ спасся, и что вмѣсто него схороненъ другой мальчикъ. Народъ присягнулъ самозванцу; еще до пріѣзда его звѣрски былъ убитъ царь Ѳеодоръ, и низвергнутъ патріархъ Іовъ. Лѣтомъ 1605 г. самозванецъ торжественно въѣхалъ въ Москву. Онъ пролилъ слезы о погибшемъ врагѣ Ѳеодорѣ и сожалѣлъ, что лишенъ возможности показать ему свое великодушіе.

§ 17. **Царствованіе Дмитрія Самозванца. Царь Василій Шуйскій. Тушинскій воръ. Союзъ царя Василія со Швеціей. Вмѣшательство Польши. Низверженіе Шуйскаго. Боярская Дума и кандидатура Владислава на престолъ. Великое посольство. Плѣнъ его. Первое ополченіе (Ляпуновъ). Взятіе Новгорода шведами. Гибель Ляпунова. Роль Троицкой лавры во время смуты (архимандритъ Діонисій и Авраамій Палицинъ). Значеніе сѣверныхъ городовъ. Второе ополченіе (Мининъ и Пожарскій). Освобожденіе Москвы. Земскій соборъ и избраніе царемъ Михаила Ѳеодоровича Романова.**

Первый самозванецъ не былъ сознательнымъ обманщикомъ, напротивъ, все, что мы знаемъ о немъ, показываетъ, что онъ глубоко вѣрилъ въ свое царское происхожденіе. Въ этомъ убѣжденіи могли воспитать его бояре, ненавидѣвшіе Бориса; по крайней мѣрѣ, какъ только явился самозванецъ, Борисъ сказалъ, что это ихъ дѣло [1]). Могли это сдѣлать и іезуиты, которые при Сигизмундѣ III пріобрѣли большое вліяніе; они, какъ извѣстно, не пренебрегали никакими средствами для достиженія своихъ цѣлей, а проникнуть въ обширную Московію было ихъ завѣтной мечтой [2]).

Дмитрій видѣлся съ инокиней-царицей, матерью царевича, и та послѣ разговора съ нимъ признала его своимъ сыномъ. Мнимый Дмитрій вернулъ опальныхъ бояръ, а инока Филарета Романова, какъ своего родственника, возвелъ въ высокій санъ ростовскаго митрополита. Во время борьбы за престолъ новый царь далъ большія обѣщанія римскому папѣ и польскому королю,—теперь онъ не думалъ объ исполненіи ихъ; онъ былъ очень доступенъ простому народу, ходилъ пѣшкомъ по Москвѣ, заходилъ къ ремесленникамъ и торговымъ людямъ и разспрашивалъ ихъ объ ихъ нуждахъ. Далѣе новый царь разрѣшилъ ѣздить въ чужіе края для науки, хотѣлъ преобразовать боярскую думу въ сенатъ и основать въ Москвѣ академію. Были назначены два дня въ недѣлю, когда всякій могъ подать ему лично прошеніе. До насъ сохрани-

---

[1]) Къ этому мнѣнію склоняется профессоръ Платоновъ въ своихъ „Очеркахъ смутнаго времени“. Сохранились указанія на то, что первый самозванецъ, находясь въ Москвѣ, былъ близокъ къ Ѳеодору Никитичу Романову.

[2]) Мнѣніе церковнаго историка архіепископа Филарета.

лись два законодательныхъ мѣропріятія времени самозванца, характеризующія его какъ правителя, заботившагося о на-

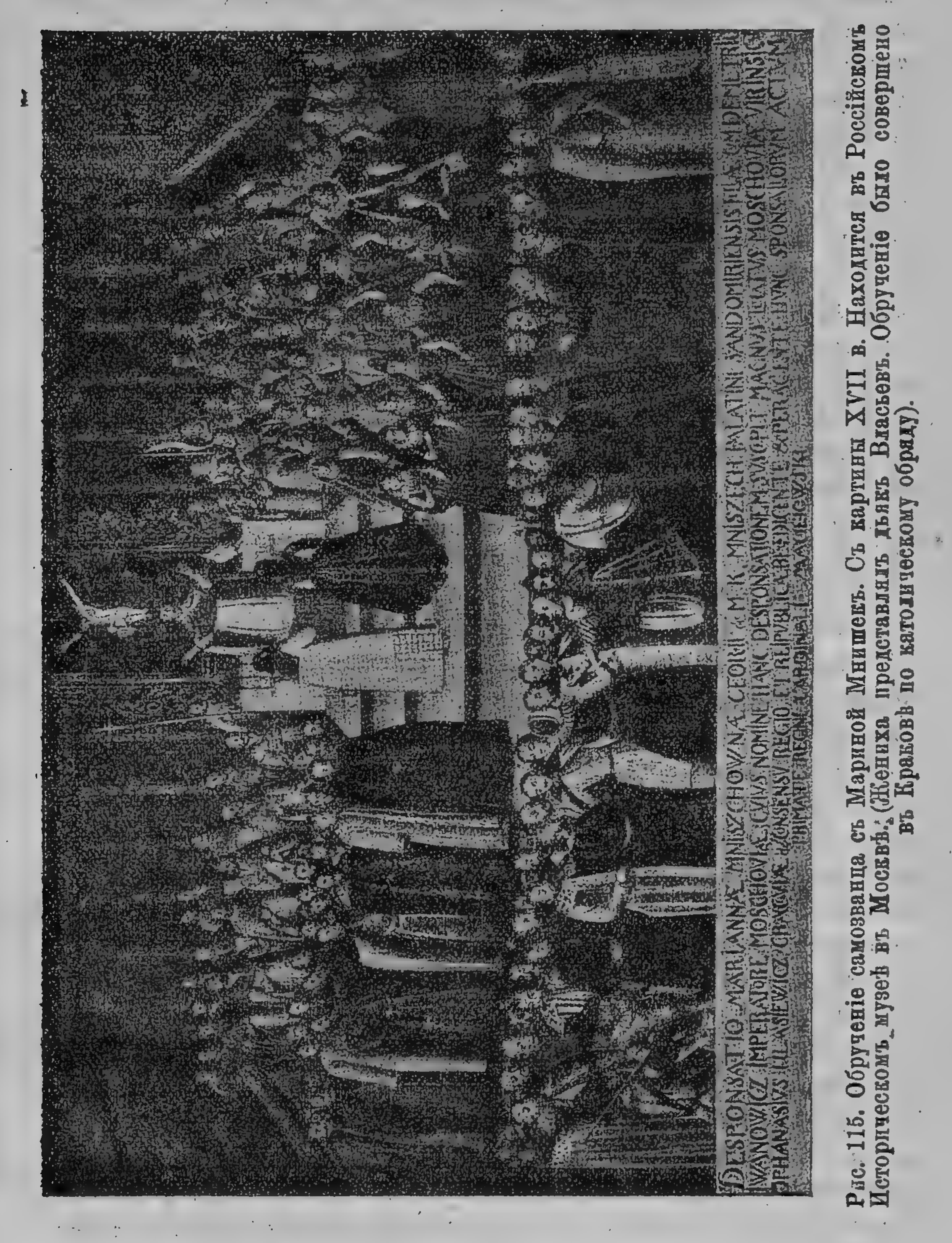

Рис. 115. Обрученіе самозванца съ Мариной Мнишекъ. Съ картины XVII в. Находится въ Россійскомъ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ. (Женихъ представлялъ дьякъ Власьевъ. Обрученіе было совершено въ Краковѣ по католическому обряду).

родѣ. До него заимодавецъ могъ писать служилую кабалу не только на себя, но и на близкое къ нему лицо, напримѣръ, отецъ

на сына: кабальный холопъ, взявшій деньги у одного лица, принадлежалъ другому. Теперь это было запрещено. Точно также было запрещено возвращать на прежнія мѣста крестьянъ, которые бѣжали въ голодные годы. Во внѣшней политикѣ самозванецъ хотѣлъ образовать союзъ противъ турокъ и завелъ съ этой цѣлью сношенія съ Франціей, Германіей и Венеціей.

На ряду съ этимъ, въ поведеніи самозванца было много такого, что должно было внушать къ нему недовѣріе со стороны подданныхъ. Онъ не держался русскихъ обычаевъ, а главное женился на полькѣ Маринѣ Мнишекъ безъ того, чтобы она приняла православіе (рис. 115). Поставленный патріархомъ на мѣсто Іова, грекъ Игнатій допустилъ это, но противъ этого протестовалъ митрополитъ казанскій Гермогенъ, который былъ вызванъ самозванцемъ для участія въ проектированномъ царемъ сенатѣ. Затѣмъ Лжедмитрій окружилъ себя иностранцами, особенно поляками, между которыми первое мѣсто занималъ тесть царя—Юрій Мнишекъ. Эти пришельцы своимъ высокомѣріемъ и вызывающимъ поведеніемъ раздражали русскихъ. Недовольствомъ послѣднихъ воспользовался князь Василій Шуйскій, который сталъ распускать слухи, что царствуетъ не истинный Дмитрій. Его интрига была открыта; здѣсь-то вполнѣ обнаружилось, насколько царь былъ убѣжденъ въ своемъ происхожденіи: онъ повергъ дѣло на разсмотрѣніе земскаго собора, и земскій соборъ приговорилъ Шуйскаго къ смертной казни. Самозванецъ могъ отдѣлаться сразу отъ непріятнаго для него свидѣтеля. Однако онъ помиловалъ его въ самый моментъ передъ казнью и ограничился для него ссылкой. Мало того, черезъ нѣсколько времени Шуйскій былъ возвращенъ царемъ въ Москву.

Однако Шуйскій не унялся. Онъ сталъ во главѣ боярскаго заговора, который на этотъ разъ достигъ своего: въ ночь на 17 мая 1606 года заговорщики произвели ложную тревогу, во время которой убили царя. Народу они объявили, будто бы мать-царица признала его самозванцемъ. На мѣсто него безъ земскаго собора, одними своими сторонниками былъ поставленъ царемъ Василій Шуйскій, который далъ на себя крестную запись (клятвенное письменное обѣщаніе): обязался никого не лишать жизни и имущества, не осудивъ праведнымъ судомъ съ боярами, не слушать доносовъ и не на-

лагать вслѣдствіе ихъ опалъ. О политическихъ гарантіяхъ въ записи ничего не говорилось.

Такое небывалое вступленіе на престолъ Шуйскаго вызвало всеобщее неудовольствіе. Самая личность царя не могла примирить съ нимъ общество: это былъ двоедушный, коварный старикъ, очень невзрачный на видъ, при томъ крайне скупой. Борисъ Годуновъ и Лжедмитрій не скупились на награды,—напротивъ Шуйскій не цѣнилъ ни чьихъ заслугъ. Указываютъ также на его вѣру въ волшебство, но, впрочемъ, въ волшебство вѣрили и боялись его всѣ московскіе государи [1]). Новый царь Василій Шуйскій велѣлъ торжественно перенести останки царевича Дмитрія изъ Углича въ Москву. Они оказались нетлѣнными, и царевичъ былъ торжественно причисленъ къ лику святыхъ, какъ невинно-убіенный, но это нисколько не содѣйствовало, конечно, популярности царя: всѣ хорошо помнили, какъ онъ сначала утверждалъ, что царевичъ самъ закололся въ припадкѣ болѣзни, а затѣмъ, что вмѣсто него похороненъ другой мальчикъ.

Противъ Шуйскаго начались возстанія. Такъ какъ онъ былъ боярскій ставленникъ, то возстаніе это охватило главнымъ образомъ среднее служилое сословіе, давно ненавидѣвшее бояръ. Причиной этого были какъ служебныя привилегіи боярства, такъ и указанное выше соперничество изъ-за крестьянъ (вотчины и помѣстья). Прежде всего поднялась западная литовская окраина. Здѣсь было много служилыхъ людей, удаленныхъ изъ Москвы за разныя провинности и даже, какъ мы видѣли, прямо преступниковъ. Въ Путивлѣ начался бунтъ, во главѣ котораго стоялъ князь Шаховской; онъ объявилъ, что стоитъ за Дмитрія, спасшагося изъ Москвы отъ заговора (слухъ этотъ распустилъ нѣкто Молчановъ, бѣжавшій изъ Москвы). За Путивлемъ поднялись и другіе пограничные города. Съ Шаховскимъ соединился одинъ холопъ, бѣжавшій изъ крымскаго плѣна, Болотниковъ, который собралъ вокругъ себя множество бѣглыхъ холоповъ и крестьянъ. Вслѣдствіе тяжелыхъ общественныхъ условій недостатка въ нихъ не было. Движеніе передалось на другую сторону московской окраины—въ Рязанскую землю. Здѣсь подняли возстаніе служилые люди братья Прокопій и Захаръ Ляпуновы.

---

[1]) Послѣднія судебныя дѣла о колдовствѣ относятся у насъ въ первой половинѣ XIX вѣка.

Однако между рязанцами и шайками Болотникова не могло быть долго дружбы: рязанскіе служилые люди были зажиточные помѣщики, а Болотниковъ въ разсылаемыхъ имъ грамотахъ сулилъ „безыменнымъ“ ворамъ возможность безнаказанно грабить зажиточныхъ людей. Поэтому неудивительно, если Ляпуновы и руководимые ими рязанскіе дворяне предпочли перейти на сторону царя Василія. Послѣ этого Болотниковъ былъ разбитъ царскими войсками подъ командой лучшаго воеводы того времени племянника царя Василія, князя Михаила Скопина-Шуйскаго (рис. 116). Кромѣ того возставшихъ за Дмитрія затрудняло больше всего то, что Дмитрій не являлся. Болотниковъ предлагалъ играть роль спасшагося царя Молчанову, но тотъ отказался. Тогда возставшіе ухватились за другого самозванца — казака, выдававшаго себя за сына царя Θеодора — Петра [1]). Шаховской, Болотниковъ и Лжепетръ заперлись въ городѣ Тулѣ, которая была осаждена подъ личнымъ руководствомъ царя. Послѣ упорнаго сопротивленія осажденные должны были сдаться. Болотниковъ оправдывался тѣмъ, что искренно вѣрилъ въ то, что царь Дмитрій дѣйствительно спасся, и клялся загладить свою вину вѣрностью царю; тѣмъ не мѣнѣе ему выкололи глаза и утопили его. Служилые люди, участвовавшіе въ мятежѣ, отдѣлались сравнительно легко.

Еще не кончилась эта смута, какъ началась новая: появился новый Лжедмитрій, выдававшій себя за спасшагося будто бы царя. Если первый самозванецъ, какъ мы видѣли, вѣрилъ въ свое царское происхожденіе, то второй былъ сознательнымъ обманщикомъ. Тѣмъ не менѣе Марина не задумалась признать его своимъ мужемъ. Вокругъ него собрались поляки и казаки, служившіе первому Лжедмитрію, которыхъ мало интересовали права того или другого лица на престолъ; имъ хотѣлось только пожить на счетъ Московскаго государства. Чтобы привлечь крестьянъ на свою сторону, самозванецъ разрѣшилъ крестьянамъ грабить своихъ господъ, служившихъ царю, и насильно брать себѣ въ жены ихъ дочерей. Онъ со своими сторонниками расположился подъ самой

---

[1]) У царя Θеодора сыновей не было. Сторонники самозванца утверждали будто бы у царя родился сынъ, котораго Борисъ подмѣнилъ дѣвочкой, вскорѣ умершей.

Подъ Москвой было много казаковъ, во главѣ которыхъ стоялъ князь Трубецкой. Сначала они относились враждебно къ ополченію, но затѣмъ, постепенно, сошлись съ нимъ и стали

Рис. 119. Діонисій, архимандритъ Троице-Сергіева монастыря. Съ современнаго изображенія. Находится въ Патріаршей ризницѣ въ Москвѣ.

дѣйствовать заодно; ихъ совокупными усиліями была освобождена Москва. Сидѣвшіе въ Кремлѣ поляки должны были сдаться (1612 г.).

Первымъ дѣломъ русскихъ людей было созвать земскій

соборъ[1]) для избранія царя. Этотъ соборъ устранилъ сначала отъ престола иноземныхъ кандидатовъ на него. Кромѣ Влади-

Рис. 120. Великое посольство отъ земскаго собора проситъ Михаила Романова на престолъ. Изъ „Книги о царскомъ избраніи" XVII в. Находится въ Московскомъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ.

[1]) На этомъ соборѣ, въ противоположность тому, который избралъ Годунова, были выборные отъ земли. Онъ состоялъ изъ 57 представителей

слава, выставлялъ свою кандидатуру на русскій престолъ шведскій королевичъ Карлъ-Филиппъ, за котораго были нов-

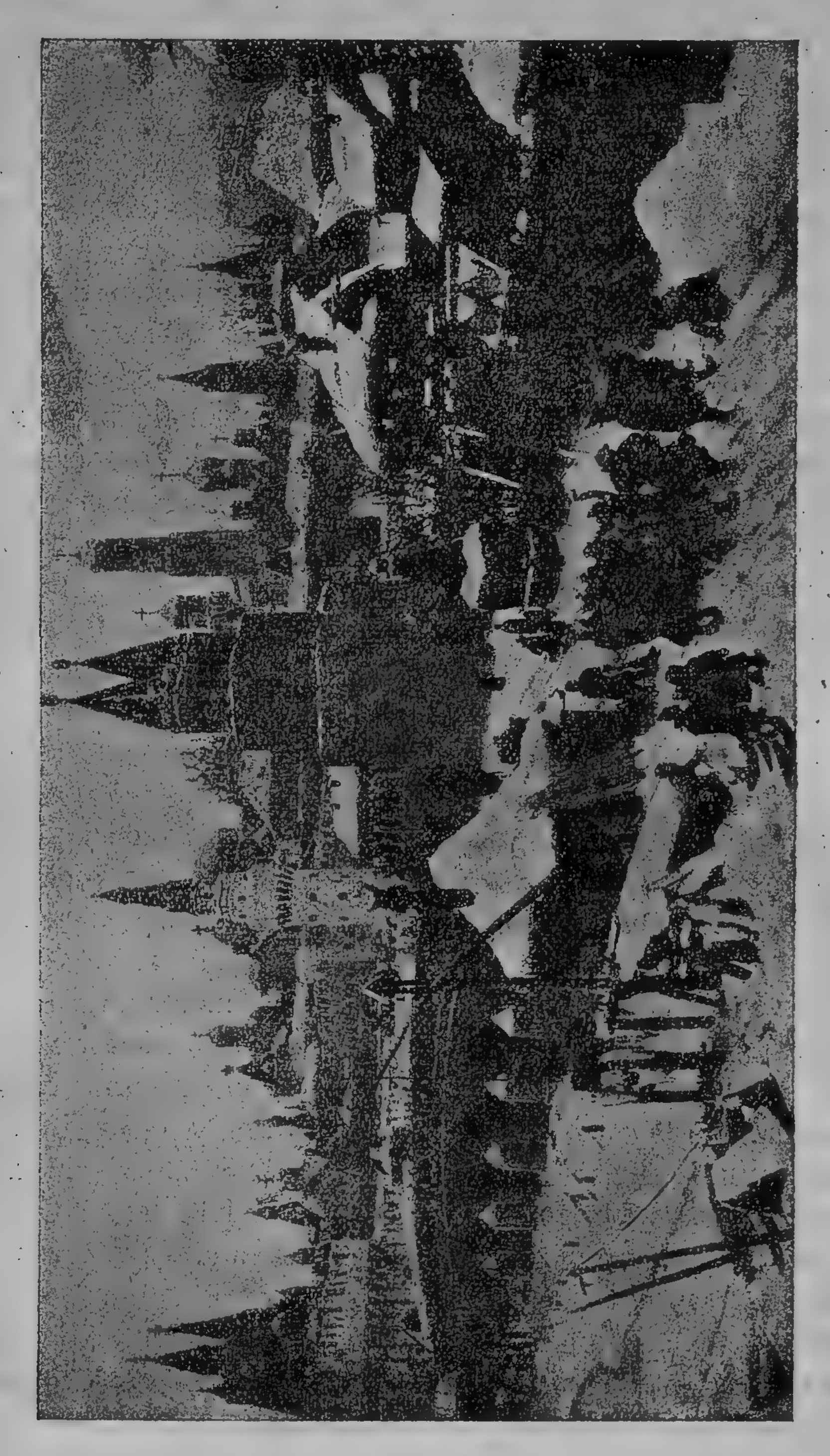

Рис. 121. Старая Москва. Картина А. М. Васнецова.

духовенства, 136 бояръ и высшихъ служилыхъ чиновъ и 84 выборныхъ городскихъ чиновъ.

городцы: его сторонники указывали между прочимъ и на то, что династія Рюрика была шведскаго происхожденія.

Затѣмъ единогласно былъ избранъ царемъ Михаилъ Романовъ. На немъ сошлись самые противоположные интересы. Народъ привыкъ уважать и любить Романовыхъ; въ Филаретѣ онъ видѣлъ страдальца за русское дѣло. Съ другой стороны, бояре разсчитывали главенствовать при молодомъ государѣ, отецъ котораго былъ въ плѣну. Съ разныхъ сторонъ до насъ дошли извѣстія о томъ, что власть его была ограничена въ интересахъ боярства: это сообщаетъ намъ псковская лѣтопись, подъячій Котошихинъ, оставившій записки о времени царя Алексѣя Михайловича, и шведъ Страленбергъ, писавшій уже во времена Петра Великаго. Однако эти ограниченія не могли удержаться, такъ какъ они были сдѣланы въ узко-сословныхъ интересахъ; затѣмъ боярство сильно скомпрометировало себя во время смуты; его ряды послѣ нея порѣдѣли; многіе знатные роды, какъ, напримѣръ, Шуйскіе, совершенно исчезли. На земскихъ соборахъ, которые при царѣ Михаилѣ сдѣлались постояннымъ учрежденіемъ, преобладали второстепенные служилые люди и торговые — средніе классы общества; они теперь и получили особенное значеніе, какъ наиболѣе потрудившіеся надъ прекращеніемъ смуты.

Такимъ образомъ окончилось смутное время, начало котораго можно считать со смерти Годунова, и снова былъ возстановленъ государственный порядокъ.

Михаилъ съ матерью старицей Мароой находился въ Москвѣ, когда въ ней сидѣли поляки, и вмѣстѣ съ другими русскими перенесъ много испытаній. По освобожденіи Москвы они удалились въ свою Костромскую вотчину село Домнино.

Великое посольство отъ земскаго собора нашло Михаила въ Ипатьевскомъ монастырѣ около Костромы (рис. 120). Старица Мароа долго не соглашалась на то, чтобы ея сынъ царствовалъ, указывая на его молодость и на то, что въ смутное время люди сдѣлались склонны къ мятежамъ. Однако она должна была подчиниться волѣ „земли“. Царь Михаилъ Θеодоровичъ началъ собою новую династію Романовыхъ.

